БИБЛІОТЕКА ГРЕЧЕСКИХЪ И РИМСКИХЪ КЛАССИКОВЪ ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ

III

М. ТУЛЛІЙ ЦИЦЕРОНЪ

РѢЧИ ПРОТИВЪ КАТИЛИНЫ

(Orationes in L. Catilinam)

СЪ ЛАТИНСКАГО ПЕРЕВЕЛЪ

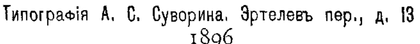
В. АЛЕКСѢЕВЪ

СЪ ВВЕДЕНІЕМЪ И ПРИМѢЧАНІЯМИ

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

1896

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 31 августа 1895 г.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Первое изданіе предлагаемой книги разошлось менѣе, чѣмъ въ два года. Рѣшивъ было не повторять его вовсе, мы однако-жъ отказались отъ своего намѣренія, благодаря не прекращавшемуся спросу на нашу книгу, но, за массой занятій, только черезъ семь лѣтъ могли приступить, наконецъ, къ новому изданію рѣчей Цицерона. Выпуская ихъ вторично, мы тщательно пересмотрѣли весь переводъ, вновь сравнили съ оригиналомъ и многое исправили, стараясь ближе держаться подлинника. Введеніе переработано и отчасти дополнено, примѣчанія передѣланы почти всѣ.

Въ переводѣ мы и на этотъ разъ держались правила, которому не измѣнимъ никогда, — старались передавать духъ, а не букву. «Буква умерщвляетъ, духъ животворитъ». Рыночнымъ успѣхомъ мы не дорожимъ; точка зрѣнія у насъ и нашихъ антагонистовъ — а ихъ, кстати, не мало — такъ различна, что мы не можемъ ни согласиться, ни понять другъ друга. Если, не смотря на все это, у насъ встрѣчаются, быть можетъ, неудачныя фразы и обороты, надѣемся, они не будутъ имѣть рѣшающаго значенія при общей оцѣнкѣ нашего труда.

Трудъ этотъ былъ въ свое время въ общемъ встрѣченъ критикой весьма сочувственно. Этимъ и можно, вѣроятно, объяснить то вниманіе, съ какимъ отнесся къ нему одинъ провинціальный педагогъ,

выступившій нашимъ конкурентомъ по русскому изданію рѣчей противъ Катилины. Ars non habet osorem, nisi ignorantem,—у знанія одинъ врагъ—невѣжество, а это нельзя сказать про моего конкурента. Къ сожалѣнію, «удовольствіе», съ какимъ почтенный педагогъ, подъ видомъ «нѣсколькихъ удачныхъ фразъ» безцеремонно перепечаталъ въ своей книгѣ цѣлые періоды изъ нашего перевода, а 4-ую рѣчь почти всю, не можетъ распространяться въ равной степени на насъ. Мы не можемъ быть польщены тѣмъ, что изъ нашего «въ нѣкоторыхъ мѣстахъ далекаго отъ подлинника» перевода взяты почти всѣ удачныя мѣста, какъ не завидуемъ и плагіаторамъ, одѣвающимся, въ такихъ случаяхъ, въ павлиньи перья. Тѣмъ не менѣе мы въ извѣстномъ отношеніи удовлетворены тѣмъ, что скромный трудъ нашъ принесъ хоть какую-нибудь пользу и заслужилъ одобреніе даже нашихъ педагоговъ, наконецъ, тѣмъ, что провинціальный авторъ удержалъ нѣкоторыя изъ его ошибокъ и просмотровъ.

Въ заключеніе остается пожелать, чтобы нашу работу попрежнему встрѣтилъ съ теплымъ участіемъ и серьезнымъ вниманіемъ, правда, тѣсный, но глубоко сочувственный намъ кружокъ читателей, который въ произведеніяхъ древне-классическаго міра умѣетъ находить прекрасное. Мы однако не увлекаемся оптимизмомъ, далеки отъ него, особенно въ настоящую минуту, послѣ 15-ти лѣтъ упорной работы. Переживаемая нами эпоха неблагопріятна вообще для серьезнаго литературнаго начинанія. Быть можетъ, рано или поздно произойдетъ какое-нибудь превращеніе, только много лѣтъ пройдетъ, прежде чѣмъ совершится это чудо, и, разумѣется, жить въ эту чудесную эпоху не придется ни намъ, ни нашему благосклонному читателю.

ВВЕДЕНІЕ.

... id facinus primis ego memorabile existumo sceleris atque periculi novitate.
Sallustius.

I.

Безотрадную картину представляла изъ себя Италія въ эпоху, непосредственно предшествовавшую заговору Катилины. Послѣ междоусобныхъ войнъ Марія и Суллы, войнъ, гибельно отразившихся на экономическомъ положеніи ея гражданъ, благосостояніе ихъ пало до послѣдней степени. Поглощены были лучшія силы Рима; многихъ тысячъ гражданъ не доставало какъ въ столицѣ, такъ и въ другихъ областяхъ, много полей было брошено за недостаткомъ рабочихъ рукъ. Прежній пахарь былъ отрываемъ отъ сохи и шелъ въ солдаты, откуда нерѣдко возвращался съ огромными деньгами, доставшимися ему безъ особаго труда, при грабежѣ непріятельскаго города. Въ 81 году, послѣ окончательнаго пораженія маріанской партіи, Сулла роздалъ 23-мъ легіонамъ 120,000 земельныхъ участковъ въ Етруріи, Лаціи и Кампаніи,—имѣній лицъ, принимавшихъ участіе въ войнѣ противъ диктатора. Съ жадностью набросились легіонеры на пло-

дородныя земли, но въ короткое время истощили ихъ, и, не находя въ себѣ терпѣнія и трудолюбія, снова опоясались мечемъ: война много лѣтъ заставила ихъ провести вдали отъ отечества, они отвыкли отъ плуга и навсегда распростились съ мирными занятіями своихъ отцевъ. Отдѣльныя личности скупали за безцѣнокъ брошенныя земли, пріобрѣтали рабовъ и становились вскорѣ зажиточными фермерами. На ихъ поляхъ паслись безчисленныя стада домашняго скота, за плугомъ и заступомъ работали тысячи рабовъ. Рабъ, по выраженію римлянина, былъ говорящею машиной. Онъ считался не человѣкомъ, а вещью, и долженъ былъ, по словамъ Катона, или работать, или спать. Полунагой, въ цѣпяхъ, то и дѣло осыпаемый ударами бича надсмотрщика, онъ съ утра до ночи корпѣлъ за полевыми или домашними работами. Жизнь его была во власти господина, не имѣвшаго къ своимъ подчиненнымъ ни жалости, ни снисхожденія. За малѣйшее промедленіе въ исполненіи его воли, хотя-бы она состояла въ приказаніи подать воды, несчастный подвергался сотнямъ ударовъ плетью. Это факты, доказанные исторически. Неудивительно, что при первой возможности рабъ старался отмстить своему господину. Содержаніе раба почти ничего не стоило, между тѣмъ онъ исполнялъ всѣ домашнія работы, тогда какъ свободный римскій гражданинъ не могъ оплачивать своимъ трудомъ всѣхъ издержекъ, сопряженныхъ съ занятіемъ сельскимъ хозяйствомъ. Мелкій собственникъ не имѣлъ возможности понизить цѣны своихъ произведеній и не находилъ имъ сбыта. Хлѣбъ, почти единственный источникъ существованія для небогатаго римскаго крестьянина, падалъ въ цѣнѣ вслѣдствіе подвоза изъ провинціи. Главный римскій рынокъ былъ переполненъ хлѣбомъ, что̀ влекло за собой паденіе его цѣнъ. Въ урожайные годы четверикъ хлѣба стоилъ на наши деньги 10, иногда и 5 копѣекъ. Нерѣдко хлѣбъ изъ

Сициліи и Сардиніи отдавали только за одинъ провозъ. Къ чему-же должна была повести близорукость правительства, допускавшаго скопленіе собственности въ рукахъ немногихъ личностей? — Къ общему обѣдненію и увеличенію числа недовольныхъ. Сперва крестьянинъ закладывалъ фермеру свой участокъ, потомъ продавалъ его и шелъ, часто цѣлою семьей, въ кабалу къ богачу. Число мелкихъ собственниковъ уменьшалось, число крупныхъ помѣщиковъ увеличивалось съ ужасающею быстротою. И вотъ безземельные, обнищавшіе римляне идутъ толпами, безъ куска хлѣба, въ Римъ искать тамъ работы, толкаются весь день по площадямъ громаднаго города, питаясь подаяніемъ, а работы не находятъ и только увеличиваютъ собою массу голоднаго люда. Но у прежняго собственника есть еще неотъемлемое право подачи голоса въ народномъ собраніи,— и онъ продаетъ его за кусокъ хлѣба искателю общественныхъ должностей. Съ приливомъ пришлаго элемента коренные римскіе граждане стушевались въ массѣ черни, заступившей мѣсто народа и готовой на все ради хлѣба и денегъ. Чернь становится силой, которой нельзя брезгать.

Честолюбивыя личности старались задобрить народъ, чтобы разсчитывать на его содѣйствіе при выборахъ на общественныя должности, устраивали пышныя игры, щедрою рукою раздавали пособія бѣднымъ, словомъ, вели ради своихъ цѣлей дѣятельную пропаганду. Но для всего этого нужны были громадныя деньги, и вотъ мы видимъ, что правительственная власть сосредоточивается въ рукахъ немногихъ богатыхъ родовъ. На права занимать государственныя должности, начальствовать надъ войскомъ, владѣть общественными землями кучка этихъ людей смотритъ какъ на наслѣдственныя и выжимаетъ своими притѣсненіями у народа послѣдніе соки. Кругъ правительственной знати былъ зам-

кнутъ, доступъ въ нее человѣку неродовитому—невозможенъ или обставленъ величайшими затрудненіями. Пало значеніе и римскаго Сената. Было время, когда его голоса слушались отдаленные народы, — теперь надъ его дѣйствіями открыто смѣялись недовольные, опиравшіеся на тайное сочувствіе народа, который напрасно искалъ въ Сенатѣ правосудія противъ грабившихъ его богачей, въ большинствѣ случаевъ—даже членовъ самого Сената. Послѣдній лишился довѣрія; его слабости обнаруживались все болѣе и болѣе. Гдѣ-бы ни шло дѣло о самыхъ низкихъ поступкахъ, вездѣ почти фигурировали на скамьѣ подсудимыхъ сенаторы. Вліяніе въ куріи сдѣлалось источникомъ обогащенія; главнымъ путемъ, которымъ можно было попасть въ нее, стало взяточничество. Вмѣстѣ съ казнокрадствомъ, оно достигло невѣроятной степени; всѣмъ хотѣлось разбогатѣть скорѣе, не останавливаясь ни передъ какими средствами. Провинціи и союзники сильнѣй всего испытывали на себѣ гнетъ правителей, посылаемыхъ имъ Сенатомъ. Такимъ образомъ, главное государственное учрежденіе подорвало всякое уваженіе къ себѣ и стало игрушкой смѣлыхъ или даровитыхъ личностей. Марій первымъ бросилъ мечъ на политическіе вѣсы; его примѣру послѣдовалъ Сулла. Сенатъ то падаетъ, то поднимается и достигаетъ при Суллѣ огромнаго значенія. Помпей удачно борется съ нимъ и добивается отъ его лица самыхъ широкихъ полномочій.

Не въ высокомъ состояніи находилась и нравственность. Измельчали и замѣнились другими, противоположными, рѣдкія добродѣтели, основныя нравственныя качества древнихъ римлянъ, ихъ беззавѣтная любовь къ отчизнѣ, безкорыстіе и благородная гордость; руководящей силой въ государствѣ, выдающейся чертой общества, стали честолюбіе и алчность. Борьба за принципы превратилась въ борьбу изъ-за личныхъ выгодъ, изъ-за эгоистическихъ плановъ. Рос-

товщичество достигло такой степени, что капиталы удвоивались менѣе, чѣмъ въ два года. Не въ занятіи государственными дѣлами, какъ прежде, стала проходить жизнь вліятельнаго римлянина, а въ роскошныхъ пирахъ и самомъ циничномъ развратѣ. Безвозвратно прошли тѣ времена, когда диктаторъ самъ пахалъ землю, консулъ—лично стряпалъ себѣ обѣдъ: на пышные обѣды такихъ богачей, какъ Лукуллъ и Крассъ, тратились цѣлыя состоянія. Раньше, обѣдъ въ 100 ассовъ считался роскошью, теперь ничего не значилъ обѣдъ въ 100,000 ассовъ. Древній римлянинъ ѣлъ простыя блюда, теперь подаются самыя изысканныя кушанья, выписываемыя даже изъ Азіи и Африки, въ родѣ верблюжьихъ пятокъ, соловьиныхъ языковъ или страусовыхъ яицъ; предки ѣли изъ деревянной посуды,—теперь столы ломятся отъ золотой и серебряной. Прежде римлянинъ рѣдко пилъ вино, — теперь безшабашное пьянство дѣлается обычнымъ явленіемъ.

Ночи напролетъ проводили «порядочные» римляне въ оргіяхъ съ кокотками, танцовщицами и публичными женщинами. Напитки, кушанья, наконецъ, сама обстановка, должны были служить въ этомъ случаѣ возбужденію чувственности. Даже хлѣбу придавали какую-либо соблазнительную форму. Не было пощады и дѣтямъ. Прислуга въ домахъ богачей, особенно женская, считалась сотнями. Тутъ были управляющіе, экономы, архитекторы, музыканты, библіотекари, секретари, переписчики, чтецы,—люди, которые должны были думать за своихъ господъ и которые распинались въ рабской угодливости и низкопоклонствѣ предъ своимъ патрономъ. Отъ мужчинъ не отставали женщины. Кромѣ красивыхъ и образованныхъ куртизанокъ, въ Римъ привозили массу проститутокъ, которыхъ продавали сами родители, не имѣвшіе средствъ къ существованію. Въ столицѣ открылся даже рынокъ, гдѣ торговали

живымъ товаромъ. Всюду, въ храмахъ, на кладбищахъ, въ театрахъ, циркахъ, баняхъ и на улицахъ были притоны разврата. «Спѣшите жить, молодыя дѣвушки», говоритъ современный поэтъ, Варронъ, «благо ваша юность позволяетъ вамъ веселиться, ѣсть, любить и кататься на колесницѣ Венеры». Въ судахъ то и дѣло разбирались процессы объ отравленіи мужа женою. Взаимной любви между супругами не существовало. «Римлянки считаютъ года не по консуламъ», говорилъ народъ, «а по мужьямъ, съ которыми успѣли разойтись». Вмѣстѣ съ нравственностью пала и вѣра. Катонъ въ присутствіи цѣлаго Сената обвиняетъ Цезаря въ отрицаніи загробной жизни, Цицеронъ — сомнѣвается въ существованіи наказанія для злыхъ послѣ смерти. Въ кругъ аристократіи проникаетъ греческій языкъ, греческіе нравы и образованность. Воспитателями и наставниками дѣтей богатыхъ фамилій являются, какъ и при Ювеналѣ, греки. Но граждане тогдашней Еллады не походили на своихъ славныхъ предковъ, — то были льстивые, продувные и глубоко испорченные люди: той свободной, прекрасной страны, граждане которой съ радостью несли въ жертву родинѣ жизнь свою и достояніе, давно уже не существовало. Новыя растлѣвающія понятія смѣшались со старинными римскими понятіями о чести и долгѣ и нашли себѣ сочувствіе: впервые ихъ услышало отъ своихъ учителей молодое поколѣніе. Мѣсто религіи предковъ заступило холодное отрицаніе, мѣсто прежней семейной жизни—ужасающій развратъ. Все римское, преданія, обычаи отцевъ, все поднималось на смѣхъ. А что было съ массою народа?— Образованіе не проникло въ него, не облагородило его нравовъ, онъ погрязалъ, если не въ невѣріи, то въ грубомъ суевѣріи. Пала въ немъ прежняя сила и доблесть, палъ прежній патріотизмъ, «гдѣ хорошо живется,—тамъ и отечество», говорилъ онъ и находилъ удоволь-

ствіе лишь въ кровавыхъ зрѣлищахъ гладіаторскихъ игръ.

Были люди, видѣвшіе печальное состояніе своей родины, желавшіе помочь ей, но ихъ было слишкомъ мало. Находились однако и такія личности, которыя не безъ удовольствія смотрѣли на то, какъ косилась толпа на заѣвшихся богачей-аристократовъ. Да и не одна толпа роптала на неравенство распредѣленія собственности,—за одно съ нею было не мало и «благородныхъ», промотавшихъ свое состояніе и вошедшихъ въ неоплатные долги. Эти люди принадлежали большею частью къ золотой римской молодежи. Повидимому, они не слишкомъ заботились о политическихъ реформахъ,—имъ просто хотѣлось соціальной революціи. Они утѣшались радужными мечтами: уничтожить долговыя книги, раздѣлить поровну имущество богатыхъ, присвоить себѣ наилучшія земли союзниковъ и перебить всѣхъ тѣхъ, кто останется недоволенъ новыми порядками. Таково было настроеніе глухо волновавшейся массы. Римъ вступалъ въ степень величайшаго нравственнаго упадка. Ему удивляются, слава о немъ гремитъ въ отдаленныхъ земляхъ, и въ то же время огромное тѣло начинаетъ разлагаться. Составить заговоръ было не трудно, тѣмъ болѣе, что много горючаго матеріала накопилось и въ самой столицѣ Италіи; не доставало только человѣка, который-бы зажегъ его. Вскорѣ выискался и онъ. То былъ Луцій Сергій Катилина.

Родился онъ въ 108 г. въ бѣдной семьѣ и былъ послѣднимъ представителемъ одного изъ древнѣйшихъ, хотя и захудалыхъ, патриціанскихъ родовъ Рима, троянскаго происхожденія—Сергіевъ. Одаренный обширнымъ острымъ умомъ и желѣзною волей, тонкимъ знаніемъ людей, глубоко проницательный, равно для всѣхъ доступный, красно и дѣльно говорившій, страстный, рѣшительный, неумолимый въ мести, хитрый и суевѣрный, Катилина рано попалъ

въ омутъ столичной жизни, рано увлекся—и промоталъ все доставшееся ему наслѣдство отъ отца. Его разсудокъ не въ силахъ былъ совладать со страстями, и Катилина пустился въ самый грубый развратъ, убившій въ немъ почти всякое нравственное чувство, но не растлившій его необыкновенно здороваго тѣла. Онъ былъ изъ тѣхъ людей, которые не признаютъ никакихъ предразсудковъ, никакихъ путъ нравственныхъ и душевныхъ и всегда готовы принести въ жертву личнымъ интересамъ все — и традиціи своего рода, и долгъ своего сословія, и дружескія отношенія. Лишь порой пробуждались въ его сердцѣ благородныя чувства, но, какъ быстро вспыхивали они, такъ-же быстро потухали. На его глазахъ сдѣлался Сулла главою государства, и этотъ примѣръ зародилъ въ Катилинѣ страстное желаніе захватить во что-бы ни стало въ свои руки верховную власть въ республикѣ. До сихъ поръ человѣкъ этотъ искалъ въ жизни однихъ наслажденій, пилъ полную чашу радостей, безотчетно тратилъ свои силы. Легкомысленно, словно въ чаду, скользилъ онъ по житейскимъ волнамъ, мало интересуясь общественною жизнью; теперь впервые проснулось въ немъ его не знавшее предѣловъ честолюбіе. Богъ, человѣчество, родина, кровь согражданъ, законы нравственности— были для него одними пустыми, ничѣмъ не безпокоившими его словами. Всѣми ими пожертвовалъ онъ для достиженія своихъ цѣлей и, какъ человѣкъ, ничему не знавшій предѣла, погибъ жертвою своихъ стремленій. Самая наружность Катилины не говорила въ его пользу, — его мертвенно-блѣдное лицо, мутный взглядъ, прерывистая походка, все говорило о человѣкѣ преступномъ.

Ужасенъ былъ Катилина и въ домашней жизни. Человѣкъ сладострастный, онъ не дорожилъ семейными узами, пускался, и не безъ удачи, въ любовныя похожденія и дошелъ въ своей наглости до того,

что растлилъ дочь одного аристократа. Катилина дурно жилъ со своею женою. Еще при ея жизни онъ влюбился въ замужнюю, очень красивую и богатую,—по признанію самого Катилины ея кошелекъ былъ всегда къ его услугамъ для уплаты долговъ,—но страшно развратную женщину, Аврелію Орестиллу. Вѣроятно, и красавица была неравнодушна къ усердному ухаживателю, однако не хотѣла дѣлать скандала и не шла къ нему. Тогда Катилина убилъ свою жену. Но Аврелія боялась взрослаго пасынка, сына Катилины отъ перваго брака, и добрый отецъ не задумался совершить новое преступленіе,—онъ отравилъ сына и женился на Авреліи...

Вступленіе его въ общественную жизнь было не таково, чтобы исправить то, что было запущено и испорчено еще въ мальчикѣ. Службу свою Катилина началъ подъ знаменами Суллы. По примѣру своего кровожаднаго начальника, онъ набралъ шайку галловъ и отпущенниковъ, со звѣрскою жестокостью избивалъ сторонниковъ народной партіи, въ роли палача, скупалъ за безцѣнокъ имущества умерщвленныхъ и нажилъ огромное состояніе, но потомъ такъ-же легко спустилъ его въ развратѣ, ища забвенія отъ упрековъ совѣсти. Во время проскрипцій Катилина не пощадилъ даже родного брата своего и собственноручно убилъ его, лишь-бы завладѣть его имуществомъ, но изъ страха предъ наказаніемъ упросилъ Суллу вписать несчастнаго, заднимъ числомъ, въ проскрипты. Затѣмъ онъ убилъ собственноручно и престарѣлаго зятя своего,—всадника, Кв. Цэцилія, Л. Танузія, М. Волумнія и варварски замучилъ родственника Марія и Цицерона, любимца народа, М. Марія Гратидіана, голову котораго носилъ въ рукѣ по улицамъ Рима.

Между эдилами мы не встрѣчаемъ имени Катилины, безъ сомнѣнія потому, что должность эта была не по его средствамъ, какъ требовавшая гро-

мадныхъ издержекъ на устройство игръ народу. Въ 77 г. онъ былъ квесторомъ. Въ 74 г. Катилина былъ сдѣланъ легатомъ и подъ начальствомъ Г. Скрибонія Куріона участвовалъ, повидимому, въ войнѣ съ ѳракійцами. Въ 73 году онъ подвергся со стороны Л. Лукцея обвиненію въ связи съ весталкой Фабіей, свояченицей Цицерона по первой женѣ его, Теренціи. Катилинѣ грозила смертная казнь; но онъ спасся, благодаря ходатайству Лутація Катула. Не смотря на дурную репутацію, Катилина успѣлъ снискать довѣріе народа и въ 68 г. былъ выбранъ преторомъ. Чрезъ годъ мы видимъ его управляющимъ, въ качествѣ пропретора, провинціей Африкой. Во время двухлѣтней претуры Катилина запятналъ себя невѣроятными жестокостями и хищничествомъ, дошедшимъ до того, что въ Сенатъ послана была изъ Африки жалоба на его образъ дѣйствій, и Катилина долженъ былъ отказаться отъ своей завѣтной мысли добиться консульства.

Самое дѣло происходило слѣдующимъ образомъ. По пріѣздѣ изъ Африки Катилина, по принятому обыкновенію, заявилъ за семнадцать дней до комицій о своемъ намѣреніи выступить кандидатомъ на консульскую должность 65 года. Консулами въ то время были Маній Эмилій Лепидъ и Л. Волькатій Туллъ. Послѣдній сдѣлалъ запросъ въ Сенатѣ, можно-ли допустить къ выборамъ лицо, состоящее подъ слѣдствіемъ. Сенатъ далъ отрицательный отвѣтъ, и Катилина принужденъ былъ отказаться отъ своего желанія. По обвиненію въ лихоимствѣ онъ успѣлъ оправдаться, подкупивъ своего обвинителя, П. Клодія Пульхра, впослѣдствіи жесточайшаго врага Цицерона, и многихъ судей. Хотя списокъ ихъ былъ составленъ по выбору Катилины и обвиненіе поддерживалось очень слабо, все-же оправдался онъ съ трудомъ: сенаторы произнесли ему обвинительный приговоръ, и только всадники и го-

сударственные казначеи высказались въ его пользу. По словамъ Фенестеллы, Катилину защищалъ Цицеронъ. Принужденный отказаться отъ консульства, Катилина рѣшилъ прибѣгнуть къ излюбленному, наиболѣе соотвѣтствовавшему его характеру средству,—насилію. Въ его умѣ впервые возникаетъ мысль о заговорѣ.

Между тѣмъ консульскіе выборы 66 г. прошли своимъ чередомъ. Въ консулы были избраны П. Автроній Пэтъ, другъ юности Цицерона, и П. Корнелій Сулла, племянникъ тріумфатора. Однако новые консулы недолго удержались въ своей должности: они были обвинены Л. Торкватомъ въ незакономъ домогательствѣ консульской власти. Справедливо-ли, ложно-ли было обвиненіе, доказать трудно, только консулы были отставлены отъ своихъ мѣстъ и замѣнены народомъ прежними кандидатами—Л. Манліемъ Торкватомъ и Л. Авреліемъ Коттой. Одинъ изъ смѣщенныхъ консуловъ, Автроній, человѣкъ честолюбивый, энергичный и грубый, рѣшилъ отмстить за нанесенное ему оскорбленіе и вступилъ въ сношенія съ Катилиной. Къ нимъ пристало еще нѣсколько человѣкъ, также недовольныхъ правительствомъ или, вѣрнѣй, возвышеніемъ Помпея,—Г. Кальпурній Пизонъ, молодой обѣднѣвшій аристократъ, личность даровитая и смѣлая, вышеупомянутый П. Корнелій Сулла, извѣстный богачъ—М. Лициній Крассъ и курульный эдилъ, знаменитый въ послѣдствіи Г. Юлій Цезарь. Заговоръ былъ составленъ 5-го декабря 66 г. 1-го января 65 г. рѣшено было окружить курію и умертвить, во время торжественнаго жертвоприношенія въ Капитоліи, Торквата и Котту, Пизону дать въ управленіе только что начавшую оправляться отъ бѣдствій Серторіевой войны богатую Испанію, откуда онъ могъ-бы выслать деньги своимъ единомышленникамъ, Автронія и Суллу—провозгласить консулами, Красса сдѣлать диктаторомъ, Цезаря — его

magister equitum, съ цѣлью образовать военную силу для предстоящей борьбы съ монархіей Помпея. Участіе Цезаря въ заговорѣ вполнѣ несомнѣнно; Танузій Геминъ прямо указываетъ на него. Сильное подозрѣніе падаетъ и на Красса, несмотря на энергичную защиту его Саллюстіемъ *).

Вѣроятно, заговорщики не умѣли хранить въ тайнѣ своихъ намѣреній, такъ какъ вѣсть о заговорѣ быстро разнеслась по столицѣ. Консулы отправились въ Капитолій подъ такимъ сильнымъ прикрытіемъ, что о нападеніи нельзя было и думать. Кромѣ того, Катилина напрасно прождалъ у куріи условленнаго сигнала, который долженъ былъ подать именно ему Цезарь, по знаку Красса,—послѣдній не явился. Исполненіе заговора пришлось отложить на 5-е февраля. Въ этотъ день должны были быть убиты въ Сенатѣ всѣ его члены. Около четырехъ сотъ заговорщиковъ дѣйствительно окружило курію; но Катилина рано подалъ знакъ товарищамъ, и замыселъ опять не удался. Эпизодъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ перваго заговора Катилины.

Робкая аристократія не рѣшилась назначить судебное слѣдствіе,—правительство дало только конвой консуламъ и противопоставило шайкѣ заговорщиковъ другую, оплачиваемую имъ, правительствомъ,—а римскій Сенатъ опошлѣлъ настолько, что, по предложенію тайнаго врага Помпея, Красса, послалъ Пи-

*) Послѣдній разсказываетъ интересный случай. На другой день послѣ ареста главъ заговора, слѣдовательно три года спустя послѣ заговора 66 г., въ Сенатъ привели нѣкоего Л. Тарквинія, схваченнаго, какъ говорили, на пути къ Катилинѣ. Тарквиній, какъ и Волтурцій, получилъ прощеніе и разсказалъ обо всѣхъ планахъ заговорщиковъ; новаго было то лишь, что, по словамъ Тарквинія, его послалъ къ Катилинѣ Крассъ. Крассъ совѣтовалъ Катилинѣ, не обращая вниманія на арестъ Лентула и его товарищей, идти форсированнымъ маршемъ къ Риму. Тарквинію не повѣрили или сдѣлали видъ, что не повѣрили, — Красса частью боялись, частью были ему обязаны. Доносчикъ былъ арестованъ по приказанію Сената.

зона квесторомъ съ преторскою властью въ Испанію Citerior, гдѣ онъ былъ убитъ испанскими всадниками, будто-бы за его жестокость и несправедливость. Вѣрнѣе-же всего, убійцы хотѣли угодить врагу заговорщика, Помпею, или, скорѣй, самому римскому Сенату. Автроній позже бѣжалъ въ Епиръ, гдѣ, вѣроятно, и умеръ. Болѣе обширныя мѣры противъ заговора были пріостановлены трибунами.

Потерпѣвъ неудачу въ первой своей попыткѣ, Катилина всетаки не терялъ надежды добиться консульства. Идти одинъ противъ своихъ враговъ онъ былъ не въ силахъ и сталъ искать себѣ союзниковъ. Тутъ уже во всей наготѣ выступилъ его колоссальный эгоизмъ, не останавливавшійся ни передъ какими средствами, если дѣло шло о богатствѣ, почестяхъ и вліяніи. Онъ сближается съ римскою молодежью и всякою сволочью, которою въ то время кипѣлъ Римъ. Тутъ были и аристократы недюжиннаго ума, порѣшившіе со своимъ прошлымъ и выдѣлявшіеся среди другихъ какъ своими способностями, такъ и безнравственностью; моты, прожившіе отцовское состояніе на винѣ, женщинахъ и картахъ; изящный міръ записныхъ раздушенныхъ франтовъ, страстныхъ любителей ночныхъ танцевъ и музыки; оправданные за неимѣніемъ уликъ преступники; неоплатные должники; старые, но еще бодрые служаки Суллы, вздыхавшіе открыто о временахъ проскрипцій, съ ихъ частыми конфискаціями, уничтоженіями долговыхъ обязательствъ и ссылками, и ждавшіе междоусобной войны, единственнаго средства поправить свое состояніе; уличная чернь, наконецъ, безземельное крестьянство, продавшее свои земли и промѣнявшее тяжелую полевую работу на праздную жизнь въ столицѣ, благодаря щедрости честолюбивыхъ лицъ. Были и не совсѣмъ еще испорченные люди, посѣщавшіе кружокъ Катилины скорѣй изъ любопытства; были и женщины, первую роль между которыми играла

красивая, остроумная и образованная, но развратная Сервилія, жена Д. Брута,—мать убійцы Цезаря. Всѣхъ ихъ Катилина опуталъ своими сѣтями и, тою ужасающею педагогикою порока, которая такъ близко была ему знакома, перевоспитывалъ ихъ въ настоящихъ злодѣевъ. На занятыя деньги онъ покупалъ имъ лошадей, собакъ, потворствовалъ ихъ страстямъ, доставляя имъ любовницъ, причемъ обворожалъ своей любезностью, словомъ, старался погасить въ этихъ людяхъ малѣйшую искру добра. Ближайшіе друзья заговорщика принадлежали къ избранному кругу римской знати. Въ числѣ ихъ Саллюстій называетъ даже одиннадцать сенаторовъ.

1-го іюня 64 г. Катилина созвалъ къ себѣ своихъ друзей, въ общемъ, около 35 человѣкъ, и произнесъ имъ длинную рѣчь, гдѣ внушалъ имъ быть твердыми, не падать духомъ, и раскрывалъ свои планы и надежды. Въ знакъ союза всѣ присутствующіе должны были выпить вина, смѣшаннаго съ человѣческою кровью,—по Діону Кассію, даже съ кровью мальчика. Послѣднее едва-ли происходило въ дѣйствительности,—скорѣе это плодъ народной фантазіи или выдумка правительственной партіи. Заговорщики имѣли единомышленниковъ во всѣхъ частяхъ и общинахъ Италіи; нити заговора шли даже въ провинцію. Въ Мавританіи вербовалъ войска Катилинѣ П. Ситтій, личность замѣчательная своими похожденіями, уроженецъ Нуцеріи, въ Кампаніи. Въ Мавританію онъ пріѣхалъ изъ Испаніи, гдѣ попытка его поднять знамя бунта не имѣла успѣха.

Въ собраніи заговорщиковъ участвовалъ, между прочимъ, Кв. Курій, грязная личность, исключенная изъ Сената за безнравственное поведеніе. Курій давно уже былъ въ связи съ Фульвіей, женой Клодія Пульхра. Съ нѣкотораго времени Фульвія стала вести себя со своимъ возлюбленнымъ очень холодно, такъ какъ принадлежала къ числу тѣхъ

женщинъ, которыя не любятъ, когда къ нимъ являются съ пустыми руками. Болтливый Курій началъ сулить ей въ недалекомъ будущемъ золотыя горы, въ случаѣ-же непослушанія грозилъ смертью — и вскорѣ открылъ ей весь планъ заговора, который пересталъ быть теперь тайною. Ночью Фульвія разсказала обо всемъ женѣ Цицерона, Теренціи.

Приближались выборы 63-го года. Вмѣстѣ съ Катилиной искалъ консульства другъ его, бывшій сулланецъ Г. Антоній, жалкая, безхарактерная и къ тому-же вполнѣ разорившаяся личность, дядя знаменитаго тріумвира М. Антонія и братъ печальной памяти Антонія Критскаго, исключенный изъ числа сенаторовъ за безнравственное поведеніе. Катилина и его товарищъ не постыдились даже пустить въ ходъ подкупъ и вели дѣло такъ нагло, что Сенатъ рѣшилъ предать ихъ суду. Цицеронъ произнесъ въ куріи сильную рѣчь противъ происковъ Антонія и его сообщника (Oratio in toga candida habita); но усилія его не привели ни къ чему, благодаря veto народнаго трибуна, М. Муція Орестина, сторонника анархистовъ.

Наступило время комицій 63 года. На должность старыхъ консуловъ, безхарактернаго Л. Юлія Цезаря Страбона и Марція Фигула, явилось семь искателей, трое, Л. Кассій Лонгинъ, П. Сульпицій Гальба и Л. Сергій Катилина — патриціи, трое, Г. Антоній Гибрида, Кв. Корнифицій и Г. Лициній Сацердотъ — плебеи, и одинъ, М. Туллій Цицеронъ — всадникъ изъ города Арпина. Цицеронъ имѣлъ мало основаній разсчитывать на успѣхъ при выборахъ. Правда, у него было много друзей среди аристократовъ, кромѣ того, сторону его держалъ Т. Помпоній Аттикъ, однако сословные предразсудки играли въ этомъ случаѣ большую роль. Единственная надежда Цицерона была на поддержку народа, и онъ не обманулся. Слухъ о существованіи въ Римѣ новаго заговора заставилъ

завистливую и гордую аристократію отложить на время свои притязанія, и Цицеронъ вмѣстѣ съ Антоніемъ былъ избранъ консуломъ. Народъ даже не устраивалъ голосованія и, къ гордости Цицерона, единодушно утвердилъ его въ этой должности. Катилина получилъ число голосовъ лишь немногимъ меньше Антонія. Римъ спасенъ былъ отъ второго Цинны.

Катилина былъ пораженъ какъ громомъ, но не унывалъ. Сильнѣй разгоралась его злоба, сильнѣй кипѣли и приготовленія къ заговору. Необходимо было заручиться содѣйствіемъ массы бѣдняковъ. Расположить ихъ въ пользу революціонеровъ долженъ былъ аграрный законъ, предложенный однимъ изъ новыхъ народныхъ трибуновъ, П. Сервиліемъ Рулломъ. По проекту Рулла, республика должна была продать часть государственныхъ земель, находившихся въ провинціяхъ, и увеличить налоги съ римскихъ владѣній въ Азіи. На собранныя такимъ образомъ суммы правительство обязано было пріобрѣсти земли въ Италіи для будущихъ римскихъ колоній. Члены предполагавщейся быть собранной для этого комиссіи въ числѣ 200 человѣкъ должны были пользоваться обширной властью на счетъ уменьшенія власти Помпея. Но законопроектъ встрѣтилъ сильную оппозицію въ лицѣ Цицерона и былъ отвергнутъ народнымъ собраніемъ, отнесшимся къ нему совершенно равнодушно.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ комицій Катилинѣ пришлось оправдываться въ новомъ обвиненіи. Л. Лукцей обвинилъ его въ жестокостяхъ, произведенныхъ имъ во времена Суллы, и въ прелюбодѣйствѣ. Не смотря на то, что исполнители проскрипцій были изъяты отъ наказаній, по Lex Cornelia inter sicarios, Катилина былъ оправданъ, съ трудомъ, въ виду ясности его вины, зато его товарищи по ужасамъ проскрипцій, дядя Л. Беллiенъ и Л. Лусцій, были обвинены въ свое время.

Немногіе консулы заставали, при вступленіи въ должность, республику въ такомъ безпорядкѣ, какъ Цицеронъ. Агитаторы Катилины волновали италійскую чернь, запасались оружіемъ и раздавали его народу, не щадя денегъ для своихъ намѣреній. Закаленный въ бояхъ ветеранъ, Г. Манлій Акидинъ, центуріонъ Суллы, набиралъ войска въ разоренной военными поселеніями Етруріи, Септимій — въ Пиценѣ, Г. Юлій—въ Апуліи. Фэзулы (Н. Fiesole), весьма укрѣпленный пунктъ Етруріи, въ 30-ти миляхъ къ СЗ. отъ Рима, пятнадцать лѣтъ назадъ служившій очагомъ лепидскаго возстанія и кишѣвшій пролетаріями, назначенъ былъ вторично сборнымъ мѣстомъ инсургентовъ. Подобныя-же приготовленія дѣлались и въ другихъ областяхъ Италіи. Понятно, кромѣ того, что инсургенты, объявившіе однимъ изъ пунктовъ своей программы уничтоженіе долговыхъ обязательствъ, могли разсчитывать на присоединеніе къ нимъ, даже безъ зова, массы единомышленниковъ изъ рядовъ обнищавшей и безнравственной молодежи. Въ Капуѣ съ часу на часъ ждали возстанія гладіаторовъ. Въ самой столицѣ должники являлись къ городскому претору съ какимъ-то вызывающимъ видомъ. Всюду происходили ночныя сборища. Капиталистами овладѣлъ ужасъ. Правительство строго запретило вывозъ благородныхъ металловъ и приказало зорче охранять гавани. Самъ Катилина и его сообщники ходили не иначе, какъ съ оружіемъ. Но не дремала и противная сторона. Съ тѣхъ поръ какъ Цицеронъ вошелъ въ сношенія съ Куріемъ чрезъ Фульвію, онъ зналъ обо всѣхъ планахъ заговорщиковъ и принималъ соотвѣтствующія мѣры. По совѣту жены своей, Теренціи онъ никогда не показывался безъ вооруженной стражи и своихъ кліентовъ изъ города Реаты. Онъ сумѣлъ отдѣлаться и отъ своего товарища по должности, слѣпого орудія Катилины. Незадолго до комицій кон-

сулы должны были избрать себѣ по жребію или взаимному соглашенію одну изъ провинцій для управленія ею въ качествѣ проконсула. Антонію досталась Цизальпійская Галлія, Цицерону—далекая Македонія. Съ цѣлью разлучить Антонія съ Катилиной Цицеронъ отдалъ ему, обремененному долгами, богатую Македонію, самъ-же отказался отъ Галліи. Для противодѣйствія искательству Катилины на консульскую должность 62 г. онъ достигъ установленія новаго закона de ambitu, строже подтверждавшаго подобный-же Lex Calpurnia 67-го г.

Съ дерзостью встрѣтилъ Катилина новый законъ и порѣшилъ покончить со своимъ опаснымъ противникомъ. Планъ его состоялъ въ томъ, чтобы 21-го октября убить консула и кандидатовъ на открывавшуюся консульскую должность и добиться своего избранія, въ случаѣ-же противодѣйствія двинуть въ Римъ вооруженныя шайки изъ Фэзулъ и другихъ мѣстъ. Катилина сталъ наглъ до невѣроятности. За нѣсколько дней до выборовъ онъ осмѣлился, въ присутствіи цѣлаго Сената, оскорбить Катона, грозившаго ему судомъ. Онъ, если вѣрить Цицерону, сказалъ тѣ-же слова, что и послѣ произнесенія консуломъ первой рѣчи.

Тревожные слухи о заговорѣ усилились до такой степени, что Цицеронъ 20-го октября публично объявилъ въ Сенатѣ объ опасности, грозящей республикѣ. Сенатъ рѣшилъ слѣдующій день, вмѣсто комицій, посвятить обсужденію положенія государства. Въ многочисленномъ засѣданіи 21-го октября *) консулъ прочелъ отчетъ о дѣйствіяхъ заговорщиковъ и потребовалъ отъ Катилины объясненій. Послѣдній не унизился до лжи. «У государства два тѣла», отвѣчалъ онъ вмѣсто оправданій, «одно хилое съ боль-

*) По юліанскому календарю, 25-го декабря. День можетъ быть указанъ только приблизительно.

ною головою, другое здоровое, но безъ головы. Буду я живъ,—у государства будетъ голова!». Съ этими словами Катилина, торжествуя, вышелъ изъ куріи. Не имѣя противъ него явныхъ уликъ, Сенатъ своимъ consultum ultimum облекъ Цицерона диктаторскою властью и назначилъ 28-е октября днемъ избранія консуловъ. Цицеронъ долженъ былъ пустить въ ходъ все свое краснорѣчіе и всю власть.

28-го октября произошли выборы. Весь форумъ былъ покрытъ кліентами Цицерона. Въ блестящихъ латахъ подъ тогою, чтобы тѣмъ указать народу на грозящую ему опасность, съ сильною свитою явился онъ на Марсово поле, гдѣ ждала его вооруженная шайка Катилины. Избирательная борьба походила на этотъ разъ скорѣе на войну, чѣмъ на выборы. Заговорщики не рѣшились, однако, сдѣлать нападенія, въ виду своей малочисленности, — выборы прошли своимъ чередомъ и опять неудачно для Катилины. Изъ четырехъ соискателей, Л. Сергія Катилины, С. Сульпиція, Д. Юнія Силана и Л. Лицинія Мурены, были выбраны въ консулы двое послѣднихъ. Видя полную неудачу своихъ замысловъ, Катилина приступилъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Прошло нѣсколько дней. Вдругъ сенаторъ Л. Сэній получаетъ письмо изъ Фэзулъ, гдѣ его извѣщали, что 27-го октября Г. Манлій поднялъ оружіе противъ республики. Извѣстіе о вербовкѣ шаекъ инсургентовъ въ Етруріи получено было также отъ бывшаго претора Квинта Аррія. Число инсургентовъ вначалѣ не превышало 2000 человѣкъ. Съ цѣлью замаскировать свои дѣйствія, Манлій объявилъ войну отъ своего имени, о чемъ извѣстилъ Кв. Марція Рекса. Одновременно были получены извѣстія о волненіяхъ въ Бруттіи, Апуліи и Кампаніи. Населеніе Транспаданской Галліи ждало только сигнала возстанія. Римъ сталъ неузнаваемъ. По улицамъ разъѣзжали конные патрули; взадъ и впередъ сновали озабоченныя лица,

жадно прислушиваясь къ новостямъ. Особенно перепугался женскій полъ. Женщины съ плачемъ бѣгали по улицамъ. Цѣна недвижимости упала,—никто не былъ увѣренъ въ своей безопасности, тѣмъ болѣе, что день 28-го октября Катилина назначилъ днемъ рѣзни знати. Изъ столицы потянулись длинною вереницей повозки съ семействами и имуществомъ аристократовъ, напр., М. Лицинія Красса, М. Клавдія Марцелла, Кв. Цэцилія Метелла Пія Сципіона и др., спѣшившихъ укрыться въ своихъ загородныхъ виллахъ. Тогда, наконецъ, близорукій и трусливый Сенатъ принялъ рѣшительныя мѣры. Въ окрестностяхъ Рима стояли съ войсками, въ ожиданіи тріумфа, два проконсула — Кв. Метеллъ Критскій и Кв. Марцій Рексъ. Перваго отправили въ Етрурію, послѣдняго — въ Апулію. Въ Кампанію посланъ былъ преторъ Кв. Помпей Руфъ, антагонистъ Цицерона, другой преторъ, другъ его, Кв. Метеллъ Целеръ,— въ Пиценъ. Легатъ Г. Лициній Мурена стоялъ въ Галліи, въ области сеноновъ. Въ Капую и другіе города были отправлены отряды гладіаторовъ, отъ которыхъ правительство хотѣло очистить столицу. Кромѣ того, приказано было созвать милицію и объявлены большія награды тому, кто доставитъ подробныя свѣдѣнія о заговорѣ: сто тысячъ сестерцій (5481 р.) и свободу, если онъ рабъ, безнаказанность за участіе и двойная сумма денегъ — если свободорожденный.

Катилина все еще не покидалъ Рима и показывался открыто на форумѣ и Сенатѣ: онъ отлично понималъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, и дѣятельно продолжалъ свои происки, хотя былъ сильно обезкураженъ тѣмъ, что возстаніе уже вспыхнуло въ Етруріи, а столица оставалась спокойною. Тогда молодой патрицій, Л. Эмилій Павелъ, началъ противъ него обвиненіе, на основаніи Lex Plautia de vi,—въ насильственномъ покушеніи противъ общественнаго спокой-

ствія; но событія шли такъ быстро, что Сенатъ не успѣлъ разсмотрѣть обвиненія. Однако, для отвлеченія подозрѣнія, Катилина изъявлялъ готовность отдать себя подъ надзоръ Манію Эмилію Лепиду, даже Цицерону, но, въ виду ихъ отказа, отправился къ претору Кв. Метеллу, гдѣ ему также не посчастливилось, и онъ поселился въ домѣ М. Метелла.

Между тѣмъ товарищъ Катилины, Манлій, занимая одинъ городъ за другимъ, приближался съ 20.000-мъ отрядомъ къ столицѣ. Онъ приглашалъ горныхъ разбойниковъ и крестьянъ присоединиться къ нему, обѣщая освобожденіе отъ долговъ; но все ограничилось скопленіемъ оружія и учрежденіемъ тайныхъ обществъ. Пристали къ инсургентамъ немногіе. Полное отсутствіе энергичныхъ вождей погубило дѣло.

1-го ноября Манлій подступилъ къ крѣпкой Прэнестѣ (н. Палестрина), въ 20 м. къ ЮВ. отъ Рима, но былъ отраженъ правительственными войсками. Въ виду новой неудачи, Катилина, въ глубокую ночь съ 6-го на 7-е ноября, въ послѣдній разъ созвалъ около сорока своихъ сообщниковъ въ домъ М. Порція Лэки, находившійся въ одномъ изъ самыхъ глухихъ кварталовъ столицы. На этомъ совѣщаніи рѣшено было еще разъ попытаться убить консула и распредѣлены роли заговорщиковъ. Римскій всадникъ Г. Корнелій, и отставной сенаторъ Л. Варгунтей предложили свои услуги убить Цицерона на разсвѣтѣ, въ его постели. Л. Варгунтей былъ въ 75 г. квесторомъ одновременно съ Цицерономъ и въ 65 г. былъ защищаемъ Кв. Гортенсіемъ по обвиненію de ambitu. Заблаговременно извѣщенный о готовящемся покушеніи, консулъ принялъ мѣры предосторожности, укрѣпилъ свой домъ и не принялъ убійцъ, явившихся къ нему съ утреннимъ визитомъ. Оскорбленные отказомъ, они стали шумѣть у дверей, чѣмъ еще больше увеличили подозрѣніе. Караулы въ городѣ были усилены, и 8-го ноября Цицеронъ созвалъ Сенатъ, но не въ курію,

а въ храмъ Юпитера-Статора. Храмъ стоялъ на сѣверномъ склонѣ Палатинскаго холма, на Via Sacra, и представлялъ изъ себя природную крѣпость. Кромѣ того, онъ былъ оцѣпленъ множествомъ вооруженныхъ всадниковъ.

Какъ ни въ чемъ ни бывало, Катилина, въ качествѣ бывшаго претора, явился въ Сенатъ, гдѣ консулъ, возмущенный его дерзостью, произнесъ противъ него свою знаменитую первую рѣчь. Напрасно силился Катилина оправдываться во взводимомъ на него обвиненіи, напрасно, съ потупленными взорами, умолялъ сенаторовъ не вѣрить распускаемымъ про него дурнымъ слухамъ, напрасно осыпалъ оратора отборною бранью,—его не слушали. Разомъ опустѣли находившіяся рядомъ съ нимъ скамьи сенаторовъ. Рѣчь его поминутно прерывали громкіе крики: «Измѣнникъ! Убійца!» Катилина пришелъ въ бѣшенство. «Всюду вижу я однихъ враговъ», воскликнулъ онъ, «они сами доводятъ меня до крайности; но зажженный ими противъ меня пожаръ я потушу ихъ-же кровью!» Катилина рѣшилъ предупредить вооруженія республики и въ глухую ночь съ 8-го на 9-е ноября выѣхалъ изъ Рима. Нѣсколько дней онъ провелъ въ окрестностяхъ Арретіи въ 13 м. отъ столицы (н. Arezzo), у Г. Фламинія Фламмы, быть можетъ, ветерана Суллы, занимаясь раздачей оружія. Въ мѣстѣчкѣ Авреліи (н. Monte Alto) ждалъ его конвой изъ трехъ сотъ всадниковъ, подъ прикрытіемъ котораго онъ прибылъ, спустя около мѣсяца послѣ выѣзда изъ Рима, въ лагерь Манлія, гдѣ провозгласилъ себя консуломъ, при чемъ даже поддѣлалъ знаки своего достоинства. Чтобы сбить съ толку своихъ противниковъ, Катилина написалъ съ дороги нѣсколько писемъ къ правительственнымъ лицамъ, гдѣ выставлялъ себя невинной жертвой, и объявилъ о своемъ намѣреніи удалиться въ Массилію (н. Марсель). Подобный-же слухъ распустили по городу и его сообщники. Передъ однимъ

лишь Кв. Лутаціемъ Катуломъ Капитолійскимъ не скрылъ Катилина своихъ намѣреній, ошибочно считая его своимъ другомъ. Катилина писалъ, что чувствуетъ себя глубоко оскорбленнымъ политикой, помѣшавшей ему добиться консульства, и рѣшается взять на себя дѣло своихъ несчастныхъ согражданъ, видя, что правительственная власть находится въ рукахъ недостойныхъ лицъ. Катулу-же поручалъ Катилина Орестиллу. Для осуществленія своихъ намѣреній онъ выбралъ удобный моментъ: въ Италіи почти не было войска; Помпей боролся съ Митридатомъ, Сенатъ былъ безсиленъ.

Отъѣздъ Катилины подалъ поводъ къ различнымъ толкамъ. Нашлись люди, которые обвиняли консула въ томъ, что онъ выпустилъ врага отечества. 9-го ноября Цицеронъ произнесъ вторую рѣчь. Въ ней онъ, съ одной стороны, старался успокоить умы согражданъ, объяснить имъ истинное положеніе дѣлъ, съ другой—запугать оставшихся въ столицѣ вождей заговора и оправдаться во взводимомъ на него обвиненіи. Въ его рѣчи проглядываетъ торжество; но въ то-же время нельзя не сознаться, что онъ не долженъ былъ-бы выпускать изъ своихъ рукъ главы заговора.

При вѣсти объ удаленіи Катилины, Сенатъ объявилъ его вмѣстѣ съ Манліемъ врагами отечества и лишилъ правъ гражданства. Назначенъ былъ новый наборъ. Всѣмъ возставшимъ, кромѣ убійцъ, обѣщали полную амнистію, если они сложатъ къ сроку свое оружіе. Консулъ Антоній долженъ былъ принять начальство надъ войсками, Цицеронъ — оставаться въ Римѣ и наблюдать за его спокойствіемъ.

Какъ первый, такъ и второй декреты Сената не произвели на приверженцевъ Катилины никакого дѣйствія: ни одинъ изъ нихъ не прельстился обѣщанными наградами, ни одинъ не открылъ подробностей заговора, ни одинъ не ушелъ изъ лагеря Манлія,—на-

противъ, къ анархистамъ стекались рабы и единомышленники со всѣхъ концовъ Италіи, даже изъ самой столицы. Такъ изъ нея бѣжалъ къ Катилинѣ молодой А. Фульвій, сынъ сенатора. Отецъ воротилъ его съ дороги и приказалъ умертвить, сказавъ при этомъ замѣчательныя слова, что онъ родилъ сына «не для борьбы съ отечествомъ при содѣйствіи Катилины, а для отечества и борьбы съ Катилиной». Примѣру этому послѣдовали многіе отцы. Но всѣ вышеупомянутыя мѣры едва-ли привели-бы къ чему-либо важному: сама судьба, казалось, хотѣла спасти отъ поруганія не только настоящее, но и славное прошедшее Рима. Теперь наше вниманіе должно сосредоточиться на личности Цицерона.

II.

Противникомъ Катилины былъ человѣкъ, получившій отличное греческое образованіе, съ добрымъ сердцемъ и благородными побужденіями. Одинъ изъ немногихъ честныхъ личностей, рѣзко выдѣлявшихся изъ толпы людей погрязшихъ въ развратѣ и преступленіяхъ, онъ не принадлежалъ къ римской знати, былъ бѣденъ и самъ проложилъ себѣ дорогу. Цицеронъ рано выступилъ на государственное поприще, рано кинулся въ водоворотъ политической жизни и такъ-же рано достигъ извѣстности. Онъ прошелъ постепенно всѣ общественныя должности,—квестора, эдила, претора, и нигдѣ ничѣмъ своего имени не запятналъ. Всюду, гдѣ шла рѣчь о порокахъ и преступленіяхъ, слышенъ былъ его голосъ, голосъ могучаго бойца, ратовавшаго за славу римскаго народа. Политическія убѣжденія Цицерона были неподкупны; въ жертву имъ онъ принесъ впослѣдствіи свою жизнь. Заносчивый въ счастіи, малодушный въ бѣдствіи, онъ лелѣялъ въ своемъ много выстрадавшемъ сердцѣ

образъ идеальнаго государства и государства свободнаго, какимъ могла быть, въ его глазахъ только республика. «Безъ республики», писалъ онъ одному изъ друзей, «я не могу ни быть побѣжденнымъ, ни побѣдить». Но въ своей близорукости и легковѣріи онъ не зналъ современнаго ему положенія дѣлъ въ государствѣ и то льстилъ Цезарю или Антонію, то склонялся на сторону Помпея, хотя всѣ они старались поработить свободное государство, тогда какъ Цицеронъ думалъ, что они заботились о его свободѣ. Вполнѣ просвѣщенный, но узкій консерваторъ, онъ не имѣлъ катоновской твердости и энергіи,—онъ горячо принимался за дѣло, но скоро рвеніе его остывало: онъ былъ не твердой сталью, а гибкимъ тростникомъ. Его скорѣй выдвигали другіе, чѣмъ онъ дѣйствовалъ по собственному почину, словомъ, геніальный ораторъ былъ жалкимъ государственнымъ человѣкомъ. Но его жизненныя ошибки принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя заслуживаютъ скорѣй сожалѣнія, нежели негодованія. Лучше всего охарактеризовалъ его такъ много обязанный ему врагъ его, Октавіанъ, сказавъ позже про него своему внуку: «Λόγιος ἀνήρ, ὦ παῖ, λόγιος καὶ φιλόπατρις».

Борьба съ заговоромъ приняла, между тѣмъ, еще болѣе опасный оборотъ: главы его оставались въ Римѣ и готовились къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. На общемъ совѣтѣ, гдѣ присутствовали преторъ П. Корнелій Лентулъ Сура *), человѣкъ безнравственный, консулъ 71 г., годъ спустя исключенный изъ Сената вмѣстѣ съ Г. Антоніемъ, чрезвычайно честолюбивый хвастунъ, но вялый, глупый и трусливый; молодой сенаторъ, Г. Корнелій Цетегъ, — участникъ серторіе-

*) Отъ sura—икра. Говорятъ, Лентулъ, обвиняемый въ растратѣ казенныхъ денегъ, вмѣсто всякаго оправданія предлагалъ членамъ суда бить себя по икрамъ, за что и былъ прозванъ Sura. Справедливость этого словопроизводства очень сомнительна. Нѣкій П. Сура встрѣчается у Ливія.

вой войны, гдѣ онъ запятналъ себя убіеніемъ Кв. Метелла Пія, всадники—П. Габиній Капитонъ и Л. Статилій, бывшіе преторы — П. Автроній Пэтъ, простоватый Л. Кассій Лонгинъ, М. Цепарій, уроженецъ Таррацины (н. Terracina), и др., составленъ былъ весьма талантливый планъ дѣйствій. Онъ заключался въ слѣдующемъ. Лишь только Катилина выступитъ съ войскомъ изъ Етруріи, народный трибунъ, Л. Кальпурній Бестія, долженъ былъ собрать народъ и въ своей рѣчи свалить всю вину междоусобной войны на Цицерона. Разжегши народныя страсти, Лентулъ и Цетегъ хотѣли, во главѣ вооруженной шайки, броситься въ Сенатъ и перерѣзать всѣхъ его членовъ,—причемъ Цетегъ брался лично убить Цицерона въ его домѣ; Кассій, Габиній и Статилій должны были зажечь Римъ разомъ въ двѣнадцати мѣстахъ — по Плутарху, даже во ста — и, пользуясь суматохою, спѣшить выбраться изъ столицы для соединенія съ войсками Катилины, который въ это время подошелъ-бы къ ней. Рѣшено было завалить водопроводы и убивать всѣхъ, кто будетъ брать воду. Дѣтямъ патриціевъ вмѣнялось въ обязанность перебить своихъ отцовъ. Что среди аристократической молодежи были люди, сочувствовавшіе заговору, доказываетъ примѣръ Фульвія. Автроній отправленъ былъ въ Етрурію, къ Катилинѣ; М. Цепарія (по Саллюстію—Г. Юлія), думали послать въ Апулію, для возмущенія рабовъ, П. Фурія для той-же цѣли—въ Етрурію, Септимія Камерта въ Пиценъ. На совѣтѣ вышли разногласія. Лентулъ хотѣлъ умертвить всѣхъ сенаторовъ и какъ можно больше гражданъ и пощадить лишь семейство Помпея, взявъ его въ заложники, — ходили слухи о маршѣ Помпея къ Риму, во главѣ сильной арміи— но совѣтовалъ подождать начинать рѣзню, пока къ нимъ не прибудетъ подкрѣпленій. Ужасный, неумолимый Цетегъ требовалъ скорѣй приступать къ дѣлу,

не теряя по-напрасну времени. Наконецъ, въ ночь съ 19 на 20 декабря *), назначено было избіеніе аристократіи. Въ домѣ Цетега устроили складъ горючихъ матеріаловъ и оружія. 20-го декабря праздновались Сатурналіи. Въ этотъ день кліенты подносили подарки своимъ покровителямъ; двери всѣхъ домовъ стояли открытыми настежь, и убійцы разсчитывали безъ труда проникнуть переодѣтыми въ квартиру Цицерона. Консулъ зналъ обо всемъ, но все еще медлилъ, — у него не было въ рукахъ ясныхъ доказательствъ преступности заговорщиковъ. Однако судьба благопріятствовала ему до конца.

Въ Римъ въ это время пріѣхали депутаты галльскаго племени аллоброговъ, кстати, очень задолжавшіеся, съ ходатайствомъ о защитѣ противъ притѣсненій римскихъ чиновниковъ и алчности ростовщиковъ. Чрезъ отпущенника, П. Умбрена, торговавшаго раньше въ Галліи и лично знавшаго членовъ депутаціи,—которыхъ встрѣтилъ онъ на пути и отъ которыхъ узналъ объ ихъ затруднительномъ положеніи — Лентулъ вошелъ въ тайные переговоры съ аллоброгами, причемъ обѣщалъ имъ множество льготъ, если они станутъ содѣйствовать заговору присылкою конницы. Въ домѣ Д. Брута, находившемся вблизи форума, устроено было совѣщаніе, на которое пригласили Габинія и сенатора Кв. Аннія Хилона. Умбренъ сообщилъ депутатамъ весь ходъ заговора и назвалъ лицъ, принимавшихъ въ немъ участіе, но много и такихъ, которые вовсе не касались его. Аллоброги обѣщали свое содѣйствіе и ушли. Но дорогой ихъ взяло раздумье. Съ одной стороны, имъ сулили самыя широкія обѣщанія, съ другой они боялись за удачный исходъ предстоявшей войны съ республикой. Наконецъ, къ счастью для Рима, они отправились къ своему постоянному патрону,

---

* По юліанскому календарю—17 декабря.

сенатору Кв. Фабію Сангѣ и открылись во всемъ. Санга немедленно донесъ о происшедшемъ Цицерону.

По совѣту консула, аллоброги выказали притворно горячее усердіе къ интересамъ заговорщиковъ и просили Габинія познакомить ихъ съ его остальными товарищами и дать отъ ихъ имени письменное доказательство исполненія ихъ обѣщаній, чтобы, какъ говорили они, показать его, по пріѣздѣ на родину, своимъ согражданамъ. Ничего не подозрѣвая, заговорщики попались въ ловушку. Одинъ только Кассій догадался, повидимому, въ чемъ дѣло, и заблаговременно уѣхалъ изъ Рима. Возвратный путь депутатамъ лежалъ черезъ Етрурію. По просьбѣ Лентула, они захватили съ собою уроженца Кротона, Т. Волтурція, у котораго было письмо къ Катилинѣ отъ его товарищей, остававшихся въ столицѣ. Волтурцій имѣлъ еще словесныя порученія и долженъ былъ привести депутатовъ къ Катилинѣ. Аллоброги обѣщались заѣхать къ Катилинѣ и заключить съ нимъ союзъ лично, сами-же о времени своего отъѣзда и порученіяхъ Лентула дали знать Цицерону.

Цицеронъ немедленно приказалъ двумъ преторамъ, Л. Валерію Флакку и Г. Помптину, устроить съ многочисленнымъ отрядомъ войска засаду на Мульвійскомъ мосту (н. ponte Molle), при началѣ via Flaminia. Со 2-го на 3-е декабря, около 3 ч. утра, въ сопровожденіи вооруженнаго прикрытія, депутація тронулась въ дорогу, но была задержана на мосту и ворочена въ Римъ. Ничего не подозрѣвавшій Волтурцій сталъ было защищаться, но оставленный товарищами сдался на милость преторовъ, изъ которыхъ Помптинъ былъ его знакомымъ. Теперь у консула были доказательства delicti manifesti, чѣмъ онъ и не приминулъ воспользоваться.

Претору Г. Сульпицію отдано было секретное предписаніе объ обыскѣ квартиры Цетега—гдѣ найденъ былъ цѣлый запасъ оружія, притомъ только

что отточеннаго—и арестѣ главныхъ членовъ заговора. Л. Кассій Лонгинъ, П. Фурій, сенаторъ Кв. Анній Хилонъ и П. Умбренъ успѣли спастись бѣгствомъ, но остальные были арестованы. 3 декабря Цицеронъ сдѣлалъ имъ допросъ въ засѣданіи Сената, происходившемъ въ храмѣ богини Согласія. Въ засѣданіи, Юній Силанъ объявилъ, что слышалъ отъ Цетега, что будутъ убиты три консула и четыре претора. Такое-же показаніе далъ и бывшій консулъ, Пизонъ. Въ виду явныхъ уликъ, особенно-же вслѣдствіе повинной Волтурція, который сперва началъ было запираться, но затѣмъ открылъ все, когда Сенатъ далъ ему слово простить его, заговорщики сознались; запирался одинъ Лентулъ, но и то недолго. Интересны его слова о томъ, что, по предсказанію гадателей, ему, какъ третьему изъ рода Корнеліевъ, суждено было владычество надъ Римомъ.

Засѣданіе Сената длилось до вечера. Наконецъ, рѣшено было, изъ уваженія къ заслугамъ Цицерона, назначить благодарственное молебствіе; Т. Волтурція, за сдѣланныя имъ важныя разоблаченія относительно заговора, наградить деньгами, депутатовъ аллоброговъ отпустить съ честію и отъ имени Сената дать имъ слово въ томъ, что просьба ихъ будетъ исполнена *), заговорщиковъ-же подвергнуть домашнему аресту, безъ цѣпей. Въ силу сенатскаго предписанія, Лентулъ былъ отрѣшенъ отъ должности, послѣ чего надѣлъ платье приличное его несчастію, и отданъ подъ надзоръ эдилу П. Лентулу Спинтеру, Цетегъ—Кв. Корнифицію, Статилій—Г. Юлію Цезарю, Габиній—М. Лицинію Крассу, Цепарій, котораго вскорѣ воротили изъ бѣгства, когда, узнавъ о доносѣ, онъ покинулъ столицу,—сенатору Гн. Теренцію. Послѣ окончанія за-

*) Какъ извѣстно, слово это не было сдержано, и вышеупомянутый Помптинъ, тогдашній пропреторъ Нарбонской Галліи, лишь съ величайшими усиліями подавилъ въ 61 г. возстаніе аллоброговъ, за что позже, въ 59 г., получилъ тріумфъ.

сѣданія Сената консулъ вышелъ къ густой толпѣ народа, окружавшей храмъ, и въ третьей своей рѣчи сообщилъ ему объ открытіи заговора и рѣшеніи Сената. Рѣчь произвела на народъ глубокое впечатлѣніе. Настроеніе его совершенно измѣнилось. Видя, раньше, въ Катилинѣ своего спасителя, онъ съ ужасомъ узналъ о предполагавшемся поджогѣ столицы и осыпалъ главу заговора проклятіями, консулу-же устроилъ торжественные проводы въ домъ сосѣда, такъ какъ въ собственномъ его домѣ женщины справляли праздникъ въ честь Доброй Богини, праздникъ, откуда исключались всѣ мужчины.

На слѣдующій день, 4 декабря, разнесся слухъ, что сторонники арестованныхъ намѣрены освободить ихъ силою. Слухъ былъ основателенъ. Отпущенники и кліенты Лентула разсыпались по Риму и возбуждали рабовъ и ремесленниковъ къ возстанію. Цетегъ умолялъ своихъ людей—съ оружіемъ въ рукахъ спасти его отъ опасности. Однако консулъ распорядился разставить войска въ наиболѣе угрожаемыхъ пунктахъ, на форумѣ и въ Капитоліи. 5 декабря Цицеронъ приказалъ преторамъ привести раннимъ утромъ народъ къ военной присягѣ и созвалъ Сенатъ въ храмъ богини Согласія, для рѣшенія судьбы заговорщиковъ, на что, по закону, не имѣлъ никакого права.

Избранный въ консулы 62 года Д. Юній Силанъ подалъ голосъ за смертную казнь; съ нимъ согласились и подававшіе затѣмъ голоса бывшіе консулы, въ томъ числѣ первымъ—Кв. Лутацій Катулъ, котораго Катилина извѣстилъ о началѣ возстанія. Но, когда дошла очередь до молодого претора, Г. Юлія Цезаря—пренія приняли другой оборотъ. Длинною своею рѣчью онъ старался спасти заговорщиковъ, запугавъ сенаторовъ местью народной партіи. Цезарь зналъ о заговорѣ, даже болѣе, чѣмъ вѣроятно, принималъ въ немъ участіе,—повидимому, онъ былъ тою «головой», о которой говорилъ въ Сенатѣ Катилина,—

но онъ былъ врагомъ аристократіи и своимъ ходатайствомъ за арестованныхъ думалъ снискать благоволеніе народа. Рѣчь Цезаря, при его рѣдкихъ качествахъ ума и сердца, не удивила-бъ никого, если-бы уже тогда въ его головѣ не рождались тѣ великія предначертанія, которыя онъ привелъ въ исполненіе впослѣдствіи. На дѣлѣ, онъ презиралъ заговорщиковъ, отлично видѣлъ необдуманныя дѣйствія Сената и лишь для виду выказывалъ ревность къ законамъ, которые вскорѣ попралъ. Саллюстій разсказываетъ, что рѣчь его въ защиту арестованныхъ возбудила въ нѣкоторыхъ римскихъ всадникахъ такую ярость, что они, при выходѣ Цезаря изъ Сената, грозили ему мечами. Нѣсколько времени онъ не рисковалъ являться въ курію.

На сторону Цезаря склонился даже братъ Цицерона, Квинтъ. Никакого измѣненія во взглядахъ членовъ Сената не произвела и произнесенная тутъ-же четвертая рѣчь консула. Наконецъ, дѣдъ будущаго императора Тиберія, Тиб. Клавдій Неронъ предложилъ усилить охрану столицы, рѣшеніе-же участи заговорщиковъ отложить до тѣхъ поръ, пока не покончатъ съ шайкой Катилины. Новое мнѣніе также нашло себѣ много сторонниковъ; къ нему присоединился и Силанъ, заявившій, что высшей степенью наказанія для римскаго магистрата онъ считалъ тюремное заключеніе. Но вотъ поднялся съ мѣста молодой М. Порцій Катонъ, одна изъ чистѣйшихъ личностей въ исторіи Рима, республиканецъ душею и тѣломъ. Въ пламенной рѣчи онъ обвинялъ сенаторовъ въ малодушіи, даже заподозрѣвалъ самихъ ихъ въ соучастіи въ заговорѣ, яркими красками описалъ опасности, грозящія республикѣ, хвалилъ консула—и увлекъ всѣхъ на свою сторону. Сообщники Катилины были осуждены на смерть; имъ не дано было даже права апеллировать. Ихъ хотѣли даже подвергнуть конфискаціи имущества; но это предло-

женіе консулъ взялъ назадъ по настоянію Цезаря, который даже обратился, хотя и неудачно, за помощью къ народнымъ трибунамъ.

Поздно вечеромъ 5 декабря преступники были отведены въ городскую тюрьму. Изъ уваженія къ званію Лентула, консулъ лично велъ его за руку; остальныхъ осужденныхъ вели преторы, среди огромной толпы взволнованнаго народа. Въ тюрьмѣ было мрачное, зловонное мѣсто, такъ называемый Tullianum, гдѣ кончилъ жизнь свою Югурта. Оно представляло изъ себя подземную комнату, двѣнадцатью футами ниже поверхности, съ каменнымъ сводомъ. При свѣтѣ факеловъ, въ присутствіи Цицерона, заговорщики, одинъ за другимъ, были задушены тремя палачами. До поздней ночи двигались по улицамъ Рима толпы народа, прославляя консула, какъ спасителя отечества. Когда онъ проходилъ мимо, его привѣтствовали криками и рукоплесканіями. Улицы были ярко освѣщены: населеніе ставило у дверей домовъ лампы и свѣчи. Женщины свѣтили Цицерону съ крышъ. Сопровождаемый сенаторами и первыми сановниками республики появился онъ на форумѣ и среди мертвой тишины торжественно объявилъ о смерти Лентула и его товарищей, сказавъ свое знаменитое: Vixerunt.

Еще ни одна община, говоритъ Моммзенъ о смертномъ приговорѣ участникамъ заговора, не заявляла свою несостоятельность болѣе жалкимъ способомъ, чѣмъ это сдѣлалъ Римъ своимъ рѣшеніемъ, такъ хладнокровно постановленнымъ большинствомъ правительства и одобреннымъ политическимъ мнѣніемъ, именно рѣшеніемъ поспѣшить казнью нѣсколькихъ политическихъ плѣнныхъ, которые если и подлежали карѣ по закону, то никакъ не лишенію жизни,—и поспѣшить потому только, что власть не довѣряла надежности тюремъ и не располагала хорошей полиціей! Юмористическою чертою, безъ которой рѣдко

обходятся историческія трагедіи, являлось то обстоятельство, что этотъ поступокъ, полный самой грубой тираніи, долженъ былъ совершить именно самый неустойчивый и робкій изъ римскихъ государственныхъ людей и что «первый демократическій консулъ» былъ какъ разъ избранъ для того, чтобы уничтожить палладіумъ древней римской общинной свободы—право апелляціи.

Но опасность еще не миновала: Катилина продолжалъ пугать Сенатъ; но то былъ его призракъ. Катилина однако не терялъ надежды, — онъ хотѣлъ окончить организацію своего одиннадцати тысячнаго отряда и ждалъ вѣстей изъ Рима. Но лишь только въ его лагерь пришло извѣстіе о положеніи дѣлъ въ столицѣ, многіе примкнувшіе къ нему изъ желанія добычи покинули его. Съ тремя тысячами всякаго сброду, изъ которыхъ была вооружена всего четвертая часть, кружилъ онъ по горнымъ ущельямъ и непроходимымъ дорогамъ, направляясь къ Писторіи (н. Pistoja) и намѣреваясь чрезъ Аппеннины пробраться въ Галлію.

Преторъ Кв. Метеллъ Целеръ узналъ чрезъ перебѣжчиковъ объ его маршѣ. Онъ двинулся со стороны Ариминія и въ долинѣ близъ Писторіи загородилъ ему путь тремя своими легіонами. Положеніе Катилины было отчаянное; къ тому-же запасъ провіанта приходилъ къ концу. По пятамъ за Катилиной велъ форсированнымъ маршемъ другое, еще болѣе многочисленное войско старый его товарищъ, Г. Антоній, двинувшійся, наконецъ, впередъ по настоянію своего штаба. Въ Римѣ не безъ основанія не полагались на Антонія, вслѣдствіе чего къ нему былъ приставленъ, въ качествѣ тайнаго шпіона, квесторъ П. Секстій *), и надежда Катилины на консула оказалось напрасной. Антоній былъ другомъ анархис-

*) Тотъ, о которомъ говоритъ Цицеронъ въ первой рѣчи.

товъ только во времена ихъ успѣховъ. Катилина, говоритъ Діонъ Кассій, не зналъ, что большинство людей жертвуетъ ради личной выгоды узами любви и дружбы... Однако Антоній отказался отъ начальства надъ войсками, не желая лично казнить своего единомышленника, и сдалъ команду легату своему, М. Петрею, старому солдату, объявивъ себя больнымъ подагрой. Въ рѣчи, обращенной къ желавшимъ раздѣлить его участь товарищамъ, Катилина увѣщевалъ ихъ биться мужественно, помнить, что весь успѣхъ его дѣла зависитъ отъ ихъ храбрости, въ случаѣ-же пораженія—дороже продавать свою жизнь. Затѣмъ, онъ велѣлъ солдатамъ спѣшиться и убить коней, чтобы отнять всякую надежду на бѣгство. Правымъ его флангомъ начальствовалъ Манлій, лѣвымъ—Фурій, самъ-же онъ стоялъ во главѣ отборныхъ солдатъ возлѣ серебрянаго орла, бывшаго нѣкогда въ походѣ Марія противъ кимбровъ. Во фронтѣ непріятельской арміи стояли ветераны.

Съ обѣихъ сторонъ дрались съ остервенѣніемъ. Катилина бился въ первыхъ рядахъ, ободрялъ утомленныхъ, замѣнялъ раненыхъ свѣжими силами, обязанность храбраго солдата соединяя съ умѣніемъ опытнаго полководца. Петрей не ожидалъ такого упорнаго сопротивленія и ввелъ въ дѣло преторскую когорту. Бурно ворвалась она въ средину непріятеля, и все пало подъ ея мечами. Что могли сдѣлать человѣческія силы, было сдѣлано; но, наконецъ, сломилось мужество друзей Катилины. Однако ни одинъ изъ нихъ не ударился въ бѣгство, всѣ пали, обращенные лицомъ къ врагу. Манлій и Фурій были убиты въ первыхъ рядахъ. Видя, что все потеряно, Катилина не хотѣлъ кончить жизнь въ тюрьмѣ отъ руки палача,—вспомнилъ свой родъ, ринулся въ самую густую толпу непріятеля и палъ, поражая другихъ. То было 6-го января 62 г. «Вполнѣ прекрасна была-бы смерть Катилины», говоритъ Флоръ, «если-бъ

онъ палъ за свою родину». Его скоро нашли, благодаря его огромному росту. Онъ еще дышалъ; лицо его горѣло дикой злобой и ненавистью. Изъ всѣхъ благородныхъ качествъ, отличавшихъ его въ юности, онъ до самой смерти сохранилъ великое мужество. Трупъ его былъ отданъ роднымъ для погребенія.

Дорого стоила побѣда войскамъ республики. Антоній, принявшій титулъ «императора», хотя число убитыхъ непріятелей было только три тысячи, поспѣшилъ возвѣстить Сенатъ о побѣдѣ и въ знакъ доказательства переслалъ голову Катилины. Безумная радость охватила столицу при извѣстіи о побѣдѣ. Правительство и народъ доказывали, что начинали свыкаться съ междоусобною войной. Въ торжественномъ засѣданіи Сената princeps его, Кв. Катулъ назвалъ Цицерона «pater patriae» и осыпалъ тысячью похвалъ. Въ пышныхъ донесеніяхъ спѣшилъ консулъ извѣстить важнѣйшихъ сановниковъ государства объ его спасеніи. Извѣстіе о происшедшемъ послалъ онъ и Помпею; но тотъ холодно отвѣчалъ ему. Дѣйствительно, Цицеронъ въ послѣдній разъ спасъ свою р е с п у б л и к у. Уничтоживъ зло въ корнѣ, затушивъ пламя заговора, прежде чѣмъ оно вполнѣ разгорѣлось, Цицеронъ, быть можетъ, отсрочилъ лѣтъ на пятнадцать учрежденіе въ Римѣ монархіи. Онъ имѣлъ право хвалиться заслугами, оказанными имъ тогда государству, и нельзя не согласиться съ Сенекой, что, если онъ и хвалилъ свое консульство безъ конца, онъ хвалилъ его не безъ причины: non sine causa, sed sine fine laudatus.

Вскорѣ послѣ битвы при Пистоpіи преторъ М. Кальпурній Бибулъ подавилъ волненія, начавшіяся въ области пелигновъ, гдѣ дѣйствовалъ сообщникъ Катилины, М. Клавдій Марцеллъ. Сынъ его, носившій то-же имя, отправился изъ Капуи въ Бруттій, но здѣсь былъ обезоруженъ Кв. Цицерономъ. Не былъ счастливѣе и Л. Сергій со своими товарищами, на-

мѣревавшійся уйти къ аллоброгамъ,—Метеллъ Целеръ принудилъ его вернуться обратно. Наконецъ, въ 59 г. отецъ Августа, Г. Октавій, окончательно очистилъ Италію отъ разбойничьихъ шаекъ Катилины. Нѣкоторые изъ заговорщиковъ были выданы Л. Веттіемъ, сперва участвовавшимъ въ возстаніи.

Новыми казнями сторонниковъ заговора Цицеронъ думалъ уменьшить число своихъ враговъ, но жестоко ошибся. Его противники видѣли въ немъ не спасителя государства, а личнаго врага Катилины. Народная партія подняла свою голову, и ея негодованіе не замедлило обрушиться на консула. Онъ смутился, услыхавъ, что однажды утромъ могилу Катилины увидѣли покрытою цвѣтами. Грозныя тучи собрались надъ нимъ. Оставленный всѣми, даже Помпеемъ, Цицеронъ удалился въ изгнаніе. На мѣстѣ его разрушеннаго дома воздвигнутъ былъ храмъ Свободы.

III.

Итакъ, цѣль, которой служилъ Катилина, не была достигнута. Посмотримъ теперь, достоинъ-ли позорнаго имени, которымъ клеймитъ его исторія, человѣкъ, привлекавшій наше вниманіе. Катилина—личность, надъ которой долго работала историческая критика и все-таки не рѣшила загадку его жизни и характера. Излагая исторію заговора, мы держались Саллюстія и Цицерона. Но уже Наполеонъ не могъ понять заговора Катилины, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ подробностяхъ, въ какихъ описываютъ его древніе историки. Безъ сомнѣнія, нельзя принимать на вѣру всей брани, которой осыпаетъ Катилину въ своихъ рѣчахъ Цицеронъ, или всѣхъ народныхъ толковъ, которые выдаетъ за факты Саллюстій,—читать разсказы исключительно побѣдителей, старающихся обыкновенно представить противниковъ въ дурномъ свѣ-

тѣ, но нельзя видѣть въ Катилинѣ и мученика свободы, защитника «слабыхъ и угнетенныхъ», какимъ, напр., рисуетъ его Ибсенъ въ своей извѣстной драмѣ. Если даже отбросить цѣлый рядъ обвиненій, взводимыхъ на Катилину его противниками, всетаки остается многое, что ложится на его память несмываемымъ позорнымъ пятномъ, иначе личный врагъ Цицерона, Саллюстій, не отводящій Цицерону первой роли въ дѣлѣ подавленія заговора, не сошелся-бы съ нимъ во взглядѣ на Катилину. И опять таки мы знаемъ, слышимъ одну только сторону, другая—молчитъ, хотя, конечно, не молчала раньше. Катилина—сынъ своего вѣка, воплощавшій въ себѣ много хорошихъ его сторонъ и далеко не всѣ дурныя, человѣкъ рѣдкой энергіи, той, которая могла-бы сдѣлать его истинно великимъ, если-бъ была приложена къ дѣлу болѣе ея достойному. Что такое его заговоръ?—Возстаніе-ли это Италіи противъ Рима, лишившаго ее древнихъ ея правъ, или это одна изъ революціонныхъ попытокъ во вкусѣ Гракховъ, или, наконецъ, Катилина дѣйствительно въ своемъ родѣ римскій Бабефъ, борецъ за свободу низшей братіи? На эти вопросы мы едва-ли когда получимъ отвѣтъ; но никто не мѣшаетъ намъ, съ фактами въ рукахъ, снять съ Катилины хотя часть лежащихъ на немъ обвиненій.

Подъ перомъ Саллюстія, Катилина является негодяемъ, «чудовищемъ, близъ котораго умираетъ честность, какъ растеніе подъ ядовитымъ деревомъ»; въ сердцѣ его никогда не пробуждается чувства совѣсти; личный врагъ его, Цицеронъ отзывается о немъ еще съ худшей стороны; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у нихъ, какъ-бы невольно, прорываются выраженія, позволяющія намъ вывести о несчастномъ заговорщикѣ болѣе благопріятныя для него заключенія. Катилина былъ, правда, человѣкомъ разгульнымъ; но въ этомъ случаѣ отъ него не отставалъ и самъ Сал-

люстій, Цезарь и многіе другіе. Онъ искалъ средствъ поправить свои денежныя дѣла, но и тутъ поступалъ не въ примѣръ честнѣе прочихъ. Не забудемъ, онъ былъ преторомъ въ Африкѣ и ничего не нажилъ, тогда какъ тотъ-же Саллюстій во время управленія ею въ качествѣ проконсула успѣлъ награбить огромное состояніе. И Саллюстій, и Цицеронъ въ одинъ голосъ говорятъ, что Катилина пріучилъ себя ко всевозможнымъ лишеніямъ, а это доказываетъ, что онъ не былъ изнѣженнымъ мотомъ. Катилина велъ развратную жизнь; но молва объ его дурномъ поведеніи могла быть преувеличена, въ чемъ сознается и Саллюстій. Онъ убилъ свою жену; но объ этомъ упоминаетъ одинъ только Цицеронъ. Катилину упрекали въ томъ, что онъ набралъ въ свою шайку всякую сволочь, однако въ этомъ отношеніи онъ ничѣмъ не отличался отъ авантюристовъ—Марія, Суллы, Цезаря, Помпея; онъ только потворствовалъ грязнымъ наклонностямъ людей, не задумывавшихся ни передъ какими преступленіями. По своему уму,—ума въ немъ не отрицаетъ ни одинъ изъ его антагонистовъ—онъ могъ-бы стоять во главѣ государства; но зависть сенаторской олигархіи загораживала дорогу даровитой личности, рѣзко выдѣлявшейся среди бездарностей; онъ хотѣлъ добиться консульства путемъ мирнымъ, а не путемъ насилія и крови,—его оттолкнули, и въ его душѣ родилась та неумолимая ненависть къ людямъ, не цѣнившимъ ни ума, ни дарованій, которая впослѣдствіи погубила его... Историки Катилины не поняли его истиннаго характера,—называла-же, напр., нѣмецкая печать 60-хъ годовъ Бисмарка Катилиной—не поняли, сколько благородной рѣшимости было въ немъ, когда онъ предпочелъ умереть съ оружіемъ въ рукахъ, нежели быть рабомъ знати. Онъ взялся за мечъ по необходимости и стоитъ недосягаемо выше Марія или Суллы. Начинается возстаніе. Сенатъ хочетъ дѣйствовать под-

купомъ, опредѣляетъ награды за раскрытіе подробностей заговора; но ни одинъ изъ сообщниковъ Катилины не соглашается измѣнить ему. Сама смерть ихъ напоминаетъ намъ о лучшихъ временахъ великаго Рима. Даже Моммзенъ, не симпатизирующій ни Катилинѣ, ни его великому противнику, и тотъ говоритъ, что Катилина доказалъ въ день 6-го января, что «природа назначила его для дѣлъ выходящихъ изъ ряда вонъ и что онъ умѣлъ повелѣвать какъ полководецъ и сражаться—какъ солдатъ»... Друзья совѣтуютъ Катилинѣ возмутить рабовъ,—онъ отказывается, онъ былъ слишкомъ гордъ, для того чтобы унизиться до послѣдней степени, «чтобы дѣло свободныхъ соединять съ дѣломъ бѣглыхъ рабовъ». Катилина палъ; но черезъ его трупъ, по его слѣдамъ, идетъ Цезарь, Катилина на изнанку. У него больше ума, больше энергіи, больше осторожности и мягкости характера, чѣмъ у Катилины; но его партія состоитъ изъ тѣхъ-же элементовъ, что и у Катилины. Цезарь не брезгалъ ничѣмъ и все-таки оставилъ по себѣ добрую память, разница-же между нимъ и Катилиной едва-ли не въ томъ, что одинъ успѣлъ добиться того, къ чему безплодно, не обладая геніемъ полководца, стремился другой. Римскій народъ уже не былъ достоинъ своей прославленной вольности. Среди ужасающаго растлѣнія нравовъ этой эпохи свободой не бредилъ никто, тогда какъ главенство въ республикѣ и грабежъ побѣжденныхъ было мечтою многихъ. Черезъ двѣнадцать лѣтъ обезсилѣвшій отъ междоусобій Римъ стоялъ лицомъ къ лицу съ единодержавіемъ. Въ послѣдній разъ вспыхнуло надъ нимъ солнце свободы; но это было вечернее солнце. Пали Брутъ и Кассій, герои свободы, послѣдняя опора республики, и измученный народъ склонилъ свою голову подъ тяжелое иго монархіи*).

*) Въ свое время эта часть введенія вызвала энергическій отпоръ со стороны критики. Но мы не видимъ и тѣни преступленія

Бурная жизнь Катилина и его трагическая судьба не разъ служили темой драматическихъ произведеній. Англійская трагедія «Катилина», представленная въ 1616 г., принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній Бенъ-Джонсона. Одноименная пьеса Кребильона дана 20 декабря 1748 г. Перу Дюма-отца и О. Макэ принадлежитъ драма «Катилина», въ 5 актахъ и 7 картинахъ, разыгранная 14 октября 1848 г. Извѣстная трагедія Ибсена дана была въ 1849 году, но не имѣла ни малѣйшаго успѣха.

IV.

Рѣчи противъ Катилины принадлежатъ къ тѣмъ тринадцати, которыя Цицеронъ произнесъ во время консульства и впослѣдствіи издалъ лично подъ именемъ orationes consulares. Въ общемъ порядкѣ онѣ, по опредѣленію самого автора, носятъ слѣдующія названія: «septima, quum Catilinam emisi; octava, quam habui ad populum postridie quam Catilina profugit; nona in concione, quo die Allobroges indicarunt; decima in Senatu nonis decembribus». Но, какъ видно изъ содержанія рѣчей, одна только первая направлена противъ Катилины, поэтому позднѣйшіе грамматики и и риторы давали имъ различныя заглавія, хотя во всѣхъ древнѣйшихъ рукописяхъ онѣ называются invectuvarum in Catilinam libri IIII.

Рѣчи Цицерона противъ Катилины принадлежатъ къ лучшимъ рѣчамъ великаго римскаго оратора. Тацитъ справедливо замѣчаетъ: non, opinor, Demosthenem orationes inlustrant quas adversus tutores

---

въ томъ, что рѣшились попытаться снять хоть часть обвиненій незаслуженно тяготѣющихъ почти двѣ тысячи лѣтъ на памяти, правда, преступника, но все-же человѣка,—если ужъ новѣйшіе историки стараются извинить отсутствіемъ воспитанія проявленіе звѣрскихъ наклонностей въ людяхъ, стоявшихъ по своему положенію несравненно выше несчастнаго римскаго заговорщика.

suos composuit, nec Ciceronem magnum oratorem P. Quintius defensus aut Licinius Archias faciunt: Catilina et Milo et Verres et Antonius hanc illi famam circumdederunt...

Извѣстно, при какихъ обстоятельствахъ произнесена была Цицерономъ первая рѣчь. Онъ говорилъ ее ex promtu, такъ какъ ему было слишкомъ мало времени для подготовки. Позже она была переработана ораторомъ и выпущена въ свѣтъ, о чемъ упоминаетъ и Саллюстій; но переработка коснулась больше формы, чѣмъ содержанія. Долгое время эта огненная рѣчь, отличающаяся энергичнымъ и страстнымъ патріотизмомъ, со своимъ блестящимъ вступленіемъ, считалась однимъ изъ совершеннѣйшихъ образцовъ ораторскаго искусства, пока новѣйшая критика и тутъ не возвысила своего голоса, похваливъ лишь ея форму и произнеся безпощадный приговоръ содержанію. Дѣйствительно, первая рѣчь поражаетъ читателя образностью, красотой и чистотой языка, отдѣлкой и ясностью выраженій, увлекаетъ пыломъ своей страсти, обличаетъ въ Цицеронѣ истиннаго художника—и только. Содержаніе ея можно выразить въ немногихъ словахъ: «Катилина, Сенатъ облекъ меня неограниченною властью. Мой долгъ—уничтожить или изгнать изъ Рима твою шайку. Ради собственной безопасности, я охотно рѣшился-бы на подобную мѣру, не не смѣю». Рѣчь не произвела на заговорщика того впечатлѣнія, на которое разсчитывалъ Цицеронъ. Катилина уѣхалъ изъ столицы; но его изгналъ не консулъ,—онъ удалился потому, что видѣлъ, какъ за каждымъ его шагомъ слѣдятъ шпіоны.

Вторая рѣчь долго приписывалась Цицерону, пока въ 1802 г. извѣстный критикъ, Eichstaedt, и нѣкоторые другіе не заподозрили ея подлинности. Мнѣніе свое они основываютъ на встрѣчающихся въ ней неправильностяхъ историческихъ и филологическихъ. Что касается перваго, то въ рѣчи дѣйстви-

тельно находятся промахи противъ исторіи, чего, по мнѣнію ученыхъ, не могло случиться съ Цицерономъ. Эти доводы не выдерживаютъ критики. Какъ и многіе великіе люди, Цицеронъ былъ разсѣянъ, какъ и многіе изъ нихъ, плохо зналъ родную исторію. Въ одномъ изъ писемъ къ Аттику (XII. 6) онъ, вмѣсто Аристофана, называетъ Евполида, въ другомъ (XIII. 44)—объ умершемъ распространяется какъ о живомъ. «У насъ очень часто люди даже не состоявшіе на государственной службѣ наказывали смертью политически опасныхъ гражданъ», говоритъ онъ въ первой рѣчи, между тѣмъ примѣръ Сципіона Назики — единственный. Во второй рѣчи, онъ считаетъ Ромула основателемъ храма Юпитера-Статора, тогда какъ царь далъ лишь обѣтъ выстроить храмъ. Исторію собственнаго отечества, примѣры изъ которой Цицеронъ такъ часто приводитъ въ своихъ рѣчахъ, онъ зналъ только поверхностно, вслѣдствіе чего легко впадалъ въ ошибки. Но часто онъ завѣдомо искажалъ факты, особенно въ своихъ судебныхъ рѣчахъ, напримѣръ, въ своей рѣчи за А. Клуенція. Не серьезнѣе и тѣ доказательства, которыя приводятъ критики относительно филологической стороны этой рѣчи. Въ ней, по ихъ словамъ, встрѣчается много неправильностей противъ цицероновскаго языка. Замѣтимъ себѣ, что дѣло идетъ не объ ея слогѣ, а объ отдѣльныхъ выраженіяхъ. Тутъ невольно рождается вопросъ, что̀ считать вообще хорошею латынью, что̀ цицероновскою?—Относительно этого, взгляды ученыхъ расходятся,—что нравится одному, не нравится — другому. Цицеронъ могъ въ данномъ случаѣ и не употреблять своихъ любимыхъ выраженій. Не забудемъ, кромѣ того, рѣчи Цицерона противъ Катилины, по условіямъ времени и обстоятельствъ, являются болѣе или менѣе импровизаціями, особенно 3-я и 4-я, такъ какъ содержаніе ихъ обусловлено событіями даннаго момента въ тѣсномъ смыслѣ этого

слова. Да и неужели его небрежность въ отдѣльныхъ выраженіяхъ такъ велика, что ради этого вторую рѣчь безъ дальнѣйшихъ околичностей надо считать подложною? Цицеронъ только рѣдко оставлялъ свои рѣчи въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ впервые вышли изъ-подъ его пера (Ср. Pro Cn. Plancio, XXX, 74). Если-бъ до насъ дошелъ разборъ неправильностей второй рѣчи, какъ дошли у Асконія и Квинтиліана черновыя—рѣчи за Т. Аннія Милона, мы могли-бы составить ясное понятіе объ особенностяхъ стиля великаго оратора; но ничего подобнаго нѣтъ. Самъ Цицеронъ въ письмахъ къ тому-же Аттику (III. 12) упоминаетъ объ одной изъ своихъ рѣчей, въ которой ему, изъ-за страха передъ недоброжелателями, пришлось сдѣлать такъ много поправокъ, что онъ не узналъ въ ея авторѣ самого себя. Притомъ не слѣдуетъ забывать, что, при всей заботливости этого оратора объ ясности и чистотѣ слога, даже въ лучшихъ его рѣчахъ встрѣчаются мѣста, показывающія въ немъ какъ-бы незнаніе первыхъ правилъ искусства краснорѣчія. Кромѣ того, сочиненія Цицерона, подобно сочиненіямъ другихъ древнихъ классиковъ, дошли до насъ съ прибавками переписчиковъ и толкователей, прибавками, сдѣланными, въ большинствѣ случаевъ, неумѣлою рукою. Кого-же тогда надо считать авторомъ второй рѣчи? — Тирона, вольноотпущенника и друга Цицерона, не задумываясь, говоритъ критика. Но Тиронъ писалъ такою варварской латынью, былъ такъ мало знакомъ съ исторіей своего времени, что думать, будто имъ написана вторая рѣчь, значитъ впадать въ грубую ошибку. Рѣчь эта полна выраженіями въ народномъ духѣ.

Третья рѣчь, какъ извѣстно, произнесена народу для оправданія предъ нимъ дѣйствій консула и Сената и для ознакомленія его съ добытыми отъ арестованныхъ подробностями относительно хода заговора. Отъ перваго до послѣдняго слова она но-

ситъ на себѣ отпечатокъ серьезности, что́ вполнѣ соотвѣтствуетъ важности событій, переживаемыхъ республикой, и показываетъ намъ въ Цицеронѣ римскаго консула, оратора и государственнаго человѣка въ истинномъ свѣтѣ.

Четвертую рѣчь, подобно второй, считаютъ въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, подложною. Самыми горячими сторонниками этого мнѣнія являются Ahrens и извѣстный издатель сочиненій Цицерона, Orelli. Первый даже написалъ по поводу этого два сочиненія. Въ четвертой рѣчи встрѣчаются тѣ-же неправильности и промахи, какъ и во второй. Она произнесена раньше, чѣмъ высказали свои мнѣнія Неронъ и Катонъ. О томъ, что Цицеронъ говорилъ ее, есть указанія, какъ у него самого, такъ и у другихъ классиковъ (напр., Cicer. Epistt. ad Attic. II. I. XII. 21. Phillipp. II. 46. Plutarch. Cicer. 21. Dio Cass. XXXVII, 35). Если первыя три рѣчи изданы въ окончательной редакціи, вѣроятно, вскорѣ послѣ ихъ произнесенія, четвертая рѣчь выпущена въ свѣтъ, повидимому, между маемъ-декабремъ 61 г. Цицеронъ, очевидно, желаетъ возможно полнѣе оправдаться въ своемъ образѣ дѣйствій въ отношеніи Лентула и его товарищей, поэтому въ литературной обработкѣ четвертая рѣчь получила нѣсколько измѣненную форму,—частью она была пополнена, частью получила окраску, которой не могла имѣть въ моментъ ея произнесенія.

РѢЧИ

ПРОТИВЪ КАТИЛИНЫ

Рѣчь первая

(произнесенная въ храмѣ Юпитера-Статора).

Когда-же, наконецъ, перестанешь ты, Катилина, злоупотреблять нашимъ терпѣніемъ? Долго-ли еще намѣренъ ты дерзко издѣваться надъ нами? Гдѣ границы твоей возмутительной наглости? Неужели на тебя не произвели ни малѣйшаго впечатлѣнія ни ночной караулъ палатинскаго холма, ни патрули, расхаживающіе по городу, ни чувство страха, охватившее его населеніе, ни стеченіе всѣхъ патріотовъ, ни сильно укрѣпленное мѣсто засѣданій Сената, ни выраженье лицъ присутствующихъ здѣсь?.. Ты не догадываешься, что твои замыслы открыты? Ты не видишь, что твой заговоръ уже не страшенъ, благодаря тому, что всѣ мы знаемъ о немъ? Или, по твоему мнѣнію, между нами есть лица, не подозрѣвающія, какъ провелъ ты сегодняшнюю и вчерашнюю ночи, гдѣ былъ, въ чьемъ обществѣ, на чемъ ты порѣшилъ?.. О времена! о нравы!— Сенату извѣстны его планы, они зрѣютъ на глазахъ консула, а онъ еще живъ... Живъ?—Да, живъ. Мало того, онъ является даже въ Сенатъ, принимаетъ участіе въ его засѣданіяхъ — и, намѣчая глазами, обрекаетъ на жертву каждаго изъ насъ! Мы-же — герои! — считаемъ себя достаточно исполняющими свои обязанности въ отношеніи государства, если только спасаемся отъ его бѣшеныхъ и дерзкихъ нападеній!.. Давно слѣдовало-бы, Катилина,

казнить тебя по приказанію консула, на твою голову обратить гибельный ударъ, который ты предательски готовишь — намъ! Занимавшій высокое положеніе понтификъ П. Сципіонъ могъ *убить—частнымъ человѣкомъ*— Тиб. Гракха за пустое покушеніе противъ существующаго государственнаго строя; неужели-же мы, облеченные властью консуловъ, потерпимъ въ своей средѣ—Катилину, намѣревающагося пройти огнемъ и мечемъ весь міръ [1]?... Извѣстные факты изъ древнѣйшей нашей исторіи, напр. тотъ, что Г. Сервилій Агала собственноручно покончилъ со Сп. Мэліемъ за его стремленіе къ политическому перевороту,—обхожу молчаніемъ. Да, въ нашемъ государствѣ существовалъ когда-то прекрасный обычай,—наши энергичные государственные люди вреднаго врага-согражданина наказывали безпощаднѣе, нежели заклятого врага по оружію!. Въ моемъ распоряженіи, Катилина,—полный силы и значенія сенаторскій указъ; слѣдовательно, сенаторы не отказываются помочь государству выраженіями своихъ взглядовъ и своимъ формальнымъ рѣшеніемъ: отказываемъ въ своей помощи — говорю прямо—*мы, консулы!*

Нѣкогда Сенатъ ввѣрилъ консулу Л. Опимію неограниченную власть въ государствѣ—и въ тотъ-же день погибъ по неяснымъ подозрѣніямъ въ заговорѣ Г. Гракхъ, имѣвшій право гордиться своимъ отцомъ, дѣдомъ, предками, бывшій консулъ, М. Фульвій—былъ убитъ съ дѣтьми... Подобнымъ-же сенатскимъ распоряженіемъ ввѣрили власть въ государствѣ консуламъ Г. Марію и Л. Валерію,—и развѣ-жъ съ этого момента смерть, наказанье со стороны государства, заставила ждать хоть одинъ день—народнаго трибуна, Л. Сатурнина и претора, Г. Сервилія?.. Мы-же цѣлые двадцать дней равнодушно смотримъ, какъ тупѣетъ остріе сенатскаго рѣшенія: подобное распоряженіе есть и у насъ, но оно заперто въ архивѣ, точно мечъ, который вложенъ въ ножны; между тѣмъ, въ силу этого распоряженія, ты, Катилина, немедленно долженъ былъ-бы поплатиться головою. Ты однако продолжаешь

жить и жить, не обнаруживая желанія исправиться, а становясь безстыднѣе прежняго!

Гг. сенаторы! Отъ души желаю я быть снисходительнымъ, отъ души желая вмѣстѣ съ тѣмъ быть вдумчивымъ среди грозныхъ испытаній для государства, — но теперь самъ себя виню въ нерѣшительности и нераспорядительности!—Въ Италіи, вблизи горныхъ тѣснинъ Етруріи, разбили свой лагерь враги народа римскаго; число враговъ растетъ со дня на день, межъ тѣмъ начальника этого лагеря, предводителя враговъ, мы видимъ въ стѣнахъ города и даже въ Сенатѣ, ежедневно точащимъ самое сердце государства для его гибели. Если я велю сейчасъ схватить, если велю казнить тебя, Катилина, мнѣ, пожалуй, придется бояться скорѣй упрека со стороны всѣхъ патріотовъ—въ слишкомъ позднемъ приведеніи въ исполненіе этой мѣры, нежели упрека въ излишней жестокости—со стороны отдѣльныхъ лицъ. Но я не могу рѣшиться прибѣгнуть къ мѣрѣ, къ которой слѣдовало-бы прибѣгнуть уже давно,—у меня есть на то извѣстныя причины. Тогда, наконецъ, прикажу я казнить тебя, когда уже не найдется ни одного такъ глубоко павшаго нравственно, такъ опошлѣвшаго, такъ близко похожаго на тебя человѣка, который назвалъ-бы несправедливымъ мое поведеніе въ отношеніи тебя. Пока тебя рѣшаются защищать, ты будешь жить, но жить такъ, какъ живешь въ настоящее время,—окруженный множествомъ преданныхъ мнѣ, надежныхъ людей, не смѣя шевельнуть пальцемъ во вредъ государству. Много глазъ и ушей незамѣтно для тебя станутъ попрежнему слѣдить за каждымъ твоимъ шагомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, на что-жъ еще надѣешься ты теперь, Катилина, если ночь не въ состояніи укрыть своимъ мракомъ вашихъ преступныхъ сходокъ, частный домъ—удержать въ своихъ стѣнахъ рѣчей твоихъ сообщниковъ; если обнаруживаются, если перестаютъ быть тайной всѣ твои планы? Откажись-же отъ своихъ ужасныхъ замысловъ, послушайся меня, выкинь изъ головы мысли

объ убійствахъ и пожарахъ!—Ты связанъ по рукамъ и ногамъ; всѣ твои намѣренія для насъ яснѣе бѣлаго дня въ чемъ я сейчасъ-же постараюсь еще разъ убѣдить тебя. Помнишь, 20-го октября я объявилъ въ Сенатѣ, что въ извѣстный день—день тотъ, говорилъ я, будетъ 27-мъ октября—возьмется за оружіе товарищъ и соучастникъ твоихъ дерзкихъ замысловъ—Г. Манлій? Развѣ я ошибся, Катилина, не говоря уже въ самомъ фактѣ, столь важномъ, столь страшномъ, столь невѣроятномъ, но—что еще удивительнѣе—даже въ днѣ? Я-же заявилъ въ Сенатѣ, что рѣзню аристократіи ты отложилъ до 28-го октября, заявилъ тогда, когда много высшихъ должностныхъ лицъ удалилось изъ Рима, не столько изъ чувства самосохраненія, сколько для противодѣйствія твоимъ замысламъ [2]) Неужели ты можешь отрицать, что только окруженный въ тотъ самый день приставленными мной людьми, ты, благодаря моему неусыпному надзору, не посмѣлъ шевельнуть пальцемъ во вредъ государству,—когда, послѣ отъѣзда другихъ, ты говорилъ, что придется удовольствоваться рѣзней хоть насъ, оставшихся?.. Далѣе, разсчитывая ночнымъ нападеніемъ 1-го ноября овладѣть Пренэстою, развѣ ты не догадался, что эта колонія была занята гарнизономъ и охранялась днемъ и ночью—по моему приказанію?.. Всѣ твои дѣйствія, всѣ приготовленія, всѣ намѣренія извѣстны мнѣ не по наслышкѣ только,—нѣтъ, я самъ ихъ вижу и вполнѣ понимаю!

Вспомни, наконецъ, вмѣстѣ со мной предпослѣднюю ночь; тогда ты убѣдишься, что я гораздо сильнѣй забочусь о спасеніи государства, нежели ты—объ его гибели. Знай-же: предпослѣднею ночью ты—я намѣренъ называть вещи своими именами—пришелъ въ кварталъ Оружейниковъ, въ домъ М. Лэки, куда собралось очень много и другихъ участниковъ злодѣйскаго замысла... Ты посмѣешь запираться?.. Отчего ты молчишь?.. Попробуй лишь оправдываться, я уличу тебя!—Здѣсь, въ Сенатѣ, вижу я нѣсколькихъ участниковъ вашей сходки!!.

Среди какого народа находимся мы, какого государ-

ства считаемся гражданами, въ какомъ городѣ живемъ мы, безсмертные боги?!. Здѣсь, здѣсь, въ нашей средѣ, гг. сенаторы, въ этомъ единственномъ въ мірѣ, пользующемся глубокимъ уваженіемъ и вліяніемъ совѣщательномъ собраніи, есть люди, думающіе убить меня заодно со всѣми вами, стереть съ лица земли нашу столицу и даже заставить трепетать вселенную! И я, консулъ, долженъ смотрѣть на нихъ, долженъ спрашивать ихъ мнѣнія въ государственныхъ дѣлахъ и не оскорблять пока даже словомъ—тѣхъ, кого слѣдовало-бы осудить на смерть!

И такъ, Катилина, въ ту ночь ты былъ у Лэки; ты роздалъ роли для дѣйствія въ Италіи, назначилъ, кому куда отправляться, выбралъ, кому оставаться въ Римѣ, кому ѣхать съ тобою, распредѣлилъ, какіе кварталы города выжечь, подтвердилъ о своемъ намѣреніи немедленно оставить его лично и сказалъ, что теперь одно нѣсколько связываетъ тебя... моя жизнь. Нашлось двое римскихъ всадниковъ, вызвавшихся избавить тебя отъ этой непріятности и обѣщавшихъ въ ту-же ночь, на разсвѣтѣ, покончить со мною въ моей постели [3]. Едва успѣла разойтись ваша сходка, я уже зналъ всѣ подробности. Я усилилъ караулы вкругъ своего дома, укрѣпилъ его и не принялъ пришедшихъ пожелать мнѣ добраго утра отъ твоего имени. Явились-же тѣ именно господа, о приходѣ которыхъ ко мнѣ въ назначенный часъ я сказалъ предварительно многимъ почтеннымъ личностямъ.

Въ такомъ случаѣ, Катилина, совѣтую тебѣ продолжать начатое тобою, — удались, наконецъ, изъ столицы; настежь открыты ея ворота; ступай-же,—прославленное войско давно ждетъ не дождется тебя, своего вождя!.. Кстати, возьми съ собой и всѣхъ своихъ пріятелей или, по крайней мѣрѣ, побольше,—поочисти столицу! У меня станетъ спокойнѣе на сердцѣ, если насъ отдѣлитъ стѣна. Вращаться-же долѣе въ нашемъ обществѣ тебѣ уже нельзя: этого я не позволю, не потерплю, не допущу!

Какъ не вознести теплой молитвы безсмертнымъ богамъ,—и, между прочимъ, ему, Юпитеру-Статору, древнѣй-

шему покровителю нашего города, — за то, что столько разъ ужъ удавалось намъ спастись отъ такой гибельной, такой страшной, такой опасной грозы, готовой разразиться надъ государствомъ! Но нельзя впредь изъ-за одного человѣка жертвовать жизненными интересами государства. Пока ты, Катилина, разставлялъ сѣти одному мнѣ, десигнированному консулу, я сумѣлъ защитить себя частными мѣрами, не обращаясь за содѣйствіемъ—къ правительственной власти. Когда, на послѣднихъ консульскихъ комиціяхъ, ты покушался убить меня, на Марсовомъ полѣ, вмѣстѣ съ своими товарищами по кандидатурѣ, я разстроилъ твои преступныя намѣренія — при вмѣшательствѣ и поддержкѣ друзей, не прибѣгая оффиціально къ вооруженной защитѣ; словомъ, при каждомъ твоемъ покушеніи противъ меня лично, я боролся съ тобой своими частными средствами, хотя видѣлъ роковыя послѣдствія моей смерти—для государства. Въ настоящее время ты уже явно посягаешь противъ цѣлаго государства; храмы безсмертныхъ боговъ, нашу столицу, жизнь всего населенія, цѣлую Италію обрекаешь ты на смерть и разореніе. Не рѣшаясь пока прибѣгнуть къ средству, которое должно было-бы стоять на первомъ планѣ, какъ вполнѣ отвѣчающее предоставленнымъ мнѣ полномочіемъ и примѣрамъ суровыхъ предковъ, я прибѣгну однако къ мѣрѣ, правда менѣе крутой, но болѣе полезной для общей безопасности: если я велю казнить только тебя, въ государствѣ останутся прочіе члены шайки заговорщиковъ; если-же ты, послушавшись моего давнишняго совѣта, уйдешь [4]), съ тобой удалятся изъ города и многочисленные твои товарищи, подонки общества, опасные для государства... Что-жъ, Катилина? — Или ты не рѣшаешься сдѣлать, по моему приказанію, того, что хотѣлъ сдѣлать раньше по доброй волѣ?.. Я— консулъ — велю тебѣ, врагу отечества, оставить столицу... и отправиться въ изгнаніе? спрашиваешь ты. Не смѣю приказывать, но дамъ тебѣ совѣтъ, если ты обратишься ко мнѣ за указаніемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Катилина, что̀ еще въ состояніи привязывать тебя къ себѣ, у насъ въ столицѣ?—Кромѣ презрѣнной шайки негодяевъ-заговорщиковъ, нѣтъ въ ней никого, кто не боялся-бы тебя, никого, кто не чувствовалъ къ тебѣ отвращенія. Какого только позорнаго клейма не наложилъ ты на свою семейную жизнь! чѣмъ только не запятналъ ты своей репутаціи въ кругу знакомыхъ! какимъ только развратомъ не любовался ты, въ какой только грязи не маралъ своихъ рукъ, въ какомъ только порокѣ не растлѣвалъ всего своего тѣла! Есть-ли хоть одинъ молодой человѣкъ, котораго ты не опуталъ сѣтями соблазна, которому не совалъ въ руки ножа убійцы, которому не служилъ учителемъ разврата? Мало того, убивъ недавно свою прежнюю жену, съ цѣлью ввести въ свой домъ новую хозяйку, ты одно преступленіе не довершилъ-ли другимъ чудовищнымъ преступленіемъ? Я, впрочемъ, не стану распространяться, охотно умолчу, лишь-бы не заставлять краснѣть, что такое изъ ряда вонъ выдающееся преступленіе и совершено у насъ въ государствѣ, и осталось безнаказаннымъ [5]). Не буду распространяться и о полномъ разореніи, грозящемъ тебѣ, какъ ты убѣдишься лично, въ ближайшія иды [6]); не коснусь и твоей безнравственной частной жизни, затруднительномъ матеріальномъ положеніи твоей семьи, твоей низости,—перехожу къ вопросамъ, тѣсно связаннымъ съ существованіемъ государства, жизнью и счастіемъ всѣхъ насъ.

Можешь-ли ты, Катилина, смотрѣть на дневной свѣтъ вмѣстѣ съ нами, или съ наслажденіемъ дышать здѣсь однимъ воздухомъ съ нами, когда тебѣ извѣстно, что всѣ здѣсь присутствующіе знаютъ, что 31 декабря, въ консульство Лепида и Тулла, ты стоялъ на комиціи съ оружіемъ въ рукахъ; что ты набралъ шайку съ цѣлью убить консула вмѣстѣ съ прочими лицами, выдающимися по своему положенію въ государствѣ, и что привести въ исполненіе твой злодѣйскій, безумный планъ помѣшала не доля здраваго смысла въ тебѣ или твоя нерѣшительность, но счастливая звѣзда народа римскаго?.. Оставляю теперь

въ сторонѣ эти дѣла давно минувшихъ дней,—тѣмъ болѣе, что ни для кого не составляютъ тайны твои болѣе позднія преступленія, въ которыхъ, кстати, нѣтъ недостатка,—сколько разъ пытался ты убить одного меня, десигнированнаго консула, сколько разъ — когда я уже носилъ консульское званіе! Сколько разъ уклонялся я отъ твоихъ нападеній, по твоему разсчету, казалось-бы, неизбѣжныхъ, спасался отъ нихъ, какъ говорится, исключительно небольшимъ отклоненіемъ корпуса! Ты ничего не можешь добиться, довести до конца — и всетаки не хочешь отказаться отъ своихъ попытокъ и желаній! Сколько ужъ разъ вырывали у тебя изъ рукъ ножъ убійцы, сколько разъ выпадалъ онъ или выскользалъ случайно; однако-жъ тебѣ не обойтись безъ него ни минуты! Вѣроятно, онъ освященъ какими-нибудь обрядами и посвященъ богамъ [7]), — по крайчей мѣрѣ, ты считаешь своею обязанностію обагрить его въ крови именно консула!

И какъ-же незавидно твое положеніе, особенно въ настоящемъ! Теперь я намѣренъ говорить съ тобой такъ, чтобы мои слова сочли внушенными не ненавистью къ тебѣ, чего тебѣ слѣдовало-бы ожидать, а состраданіемъ, котораго ты отнюдь не заслуживаешь. Сейчасъ ты вошелъ въ Сенатъ. Кто изъ нашего многолюднаго собранія, изъ толпы твоихъ друзей и знакомыхъ поздоровался съ тобою?.. Если ни съ кѣмъ никогда не случалось ничего подобнаго, зачѣмъ-же ждать тебѣ словеснаго осужденія, когда надъ тобой произнесли грозный приговоръ—молчаніемъ? Ну, а чѣмъ объяснишь ты тотъ фактъ, что при твоемъ приходѣ опустѣли скамьи сосѣднія съ твоей и что, едва ты сѣлъ, поднялись со своихъ мѣстъ всѣ бывшіе консулы, много разъ осужденные тобою на смерть, и совершенно очистили эту часть скамеекъ? Неужели-же и на это ты думаешь смотрѣть равнодушно? Если-бъ мои рабы боялись меня такъ, какъ боятся тебя всѣ твои сограждане, клянусь, я счелъ-бы своимъ долгомъ уйти изъ своего дома, ты-же — не признаешь нужнымъ для себя удалиться изъ столицы?.. Затѣмъ, если-бъ я видѣлъ,

что мои сограждане въ высшей степени косо смотрять на меня и ненавидять меня, даже совершенно неосновательно, я предпочелъ-бы скрыться съ глазъ согражданъ, нежели согласился встрѣчать отовсюду враждебные взгляды: почему-же не рѣшаешься уйти отъ взора и общества тѣхъ, чей умъ и сердце оскорбляешь своимъ присутствіемъ,—ты, хотя сознаешь свои преступленія и считаешь справедливой и давно уже заслуженной общую ненависть къ себѣ?.. Если-бъ отецъ твой и мать боялись и даже ненавидѣли тебя и ты былъ-бы не въ состояніи угодить имъ ничѣмъ, ты, мнѣ кажется, скрылся-бы куда-нибудь съ ихъ глазъ. Теперь ненавидитъ и боится тебя наша общая мать—родина; она давно убѣждена, что ты думаешь объ одномъ—объ ея гибели. Неужели-же ты не преклонишься предъ ея обаяньемъ, не признаешь ея приговора, не побоишься ея силы?..

Вотъ съ какими словами обращается она къ тебѣ, Катилина, вотъ что говоритъ она, хотя и молча [8]): «Уже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ ни одно преступленіе, ни одно грязное дѣло не обходилось безъ твоего участія; одинъ ты безнаказанно, спокойно могъ рѣзать множество гражданъ, одинъ ты — притѣснять и грабить провинціаловъ; ты посмѣлъ не только ослушаться моихъ законовъ и судовъ, но и смѣяться надъ ними, попирать ихъ. Мнѣ не слѣдовало терпѣть и твоихъ прежнихъ поступковъ, однако-жъ я терпѣла ихъ, какъ могла. Но ты одинъ заставляешь меня дрожать всѣмъ тѣломъ. При малѣйшемъ подозрительномъ шумѣ—вездѣ со страхомъ произносятъ имя Катилины. Повидимому, противъ меня не можетъ быть заговора, гдѣ ты не игралъ-бы преступной роли участника. Этого выносить я не въ силахъ. Итакъ, уйди и разсѣй мои опасенія; я не хочу мучиться ими, если они справедливы, хочу, наконецъ, перестать опасаться—если напрасны!»

Если-бъ отечество говорило съ тобой такъ, какъ говорилъ я, развѣ не слѣдовало-бы исполнить его требованіе, хотя оно и не могло-бы прибѣгнуть къ силѣ?..

Впрочемъ, развѣ лично ты не изъявлялъ готовности подвергнуть себя домашнему аресту, развѣ ты—по твоимъ словамъ, для отвлеченія подозрѣнія — не хотѣлъ поселиться у Ман. Лепида? [9]) Онъ не пустилъ тебя, и ты дошелъ въ своемъ нахальствѣ до того, что явился даже ко мнѣ съ просьбой дать тебѣ пріютъ въ моемъ домѣ. Если я считаю весьма опаснымъ для себя находиться съ тобой въ одномъ городѣ, отвѣчалъ я тебѣ,—я отнюдь не могу жить съ тобою подъ одной кровлей. Тогда ты отправился къ претору Кв. Метеллу [10]), но получилъ отказъ и отъ него—и поселился у М. Метелла, человѣка во всѣхъ отношеніяхъ прекраснаго, своего однокашника; ты, конечно, воображалъ, что онъ станетъ строжайшимъ образомъ стеречь тебя, вполнѣ безошибочно предугадывать твои планы, какъ нельзя суровѣе карать твои преступныя намѣренія... Но какъ, *повидимому*, далекъ долженъ быть отъ ареста въ тюрьмѣ человѣкъ, который лично начинаетъ считать себя *заслуживающимъ домашняго* ареста!..

Разъ это правда, Катилина, почему-же ты не рѣшаешься, если не въ состояніи спокойно умереть здѣсь,— уѣхать куда-нибудь заграницу и промѣнять свою теперешнюю позорную жизнь, много разъ вырванную изъ рукъ вполнѣ заслуженной смерти, на замкнутую жизнь изгнанника?.. Ты говоришь: «Сдѣлай докладъ въ Сенатѣ»—этого требуешь ты—и изъявляешь готовность повиноваться волѣ сенаторовъ, идти въ изгнаніе, если они найдутъ это желательнымъ. Дѣлать доклада я не стану,— это идетъ въ разрѣзъ съ моими убѣжденіями [11]) — тѣмъ не менѣе устрою такъ, что ты поймешь, какого о тебѣ мнѣнія присутствующіе здѣсь... Катилина, уходи изъ столицы, дай государству придти въ себя отъ ужаса, отправляйся — если ужъ ждешь этого слова — въ ссылку!.. Что-жъ, Катилина? — Слышишь молчаніе Сената обращаешь на него вниманіе? Молчаніе его — знакъ согласія. Зачѣмъ-же ждать тебѣ формальнаго рѣшенія на словахъ, когда ты можешь догадаться о немъ — изъ

ихъ молчанія? Межъ тѣмъ, скажи я то-же самое присутствующему здѣсь, достойному во всѣхъ отношеніяхъ молодому человѣку, П. Сестію [12]) или прекрасной личности, М. Марцеллу, Сенатъ имѣлъ-бы полное право круто расправиться даже со мной, консуломъ, при томъ здѣсь, въ храмѣ. Но когда я обращаюсь съ подобными словами къ тебѣ, Катилина, Сенатъ остается спокойнымъ, слѣдовательно, соглашается со мной, не возражаетъ, слѣдовательно, произноситъ свой приговоръ, молчитъ,—но его молчанье громко говоритъ за себя. Да и не одни сенаторы — рѣшеніе которыхъ, разумѣется, дорого для тебя, жизнь крайне дешева—относятся къ тебѣ подобнымъ образомъ, но и тѣ почтенные и во всѣхъ отношеніяхъ примѣрные люди, всадники римскіе, наконецъ, остальные патріоты, окружающіе мѣсто засѣданія Сената; сейчасъ ты могъ видѣть ихъ густую толпу, подмѣтить ихъ настроеніе, ясно слышать ихъ проклятія. Уже долго съ трудомъ сдерживаю я ихъ, чтобы они не пустили въ ходъ противъ тебя свои кулаки и оружіе, и я-же легко уговорю ихъ проводить тебя, на прощанье [13]), до самыхъ воротъ города, стереть съ лица земли который было твоею давнишнею мечтой.

Зачѣмъ, однако, я трачу слова?—Развѣ можетъ что сломить твое упорство? Развѣ есть надежда, что ты рано или поздно исправишься? Развѣ тебѣ придетъ въ голову мысль о бѣгствѣ? Развѣ станешь ты думать объ изгнаніи? О, если-бы безсмертные боги внушили тебѣ эту мысль! Я, однако, чувствую, какую бурю негодованія придется вынести мнѣ, если не въ настоящее время, когда еще свѣжо воспоминаніе о твоихъ преступленіяхъ, то, по крайней мѣрѣ, впослѣдствіи, испытать въ томъ случаѣ, когда ты испугаешься моихъ словъ и рѣшишь идти въ изгнаніе, но отнесусь къ этому спокойно, лишь-бы разразившееся надо мной изъ-за тебя несчастіе касалось меня лично и не повлекло за собой несчастій для государства. Требовать-же, чтобы ты раскаялся въ своихъ порокахъ, побоялся кары закона, поступился своими

намѣреніями, въ виду тяжелаго положенія государства,—смѣшно: не такой ты человѣкъ, Катилина, чтобы изъ чувства стыда воздержаться отъ подлости, изъ чувства страха—отъ рискованныхъ попытокъ, чтобы разсудокъ въ тебѣ восторжествовалъ надъ страстями! Поэтому повторяю, что̀ говорилъ уже не разъ,—уходи; если-же ты думаешь грозить своей ненавистью мнѣ, своему личному врагу, какъ ты хвалишься публично,—ступай безъ разговора въ изгнаніе, хоть очень тяжело будетъ мнѣ слушать разныя пересуды на свой счетъ, если ты сдѣлаешь это, очень тяжело—испытывать на себѣ тяжесть негодованія, если ты пойдешь въ изгнаніе по приказанію консула.

Но, быть можетъ, ты найдешь выгоднѣе для себя польстить моему самолюбію и гордости?—Въ такомъ случаѣ, уходи съ своею ужасной шайкой злодѣевъ, отправляйся къ Манлію, мути павшихъ нравственно гражданъ, порви свои связи съ честными людьми, объяви войну отчизнѣ, гордись своей чудовищной разбойничьей войною, — докажи, что ты не изгнанъ мною къ чужимъ для тебя, а явился на зовъ друзей!

Къ чему, впрочемъ, приглашать мнѣ удалиться въ изгнаніе тебя, кѣмъ, какъ уже мнѣ извѣстно, предварительно посланъ вооруженный конвой, съ приказаніемъ дожидаться у селенія Авреліи; у кого, какъ мнѣ извѣстно, уже назначено дѣйствовать въ опредѣленный день за одно съ Манліемъ; кто, какъ мнѣ извѣстно, заранѣе отправилъ по назначенію даже знаменитаго серебрянаго орла,—который, увѣренъ, принесетъ съ собою позорную, ужасную смерть тебѣ и всѣмъ твоимъ товарищамъ,—орла, которому ты устроилъ въ своемъ домѣ святилище, посвященное преступленію?—Развѣ ты въ состояніи долго обходиться безъ святыни, которой молился обыкновенно, идя на убійства, и нерѣдко отъ ея алтаря шелъ обагрять въ крови согражданъ свои преступныя руки?

Рано или поздно, но ты уйдешь туда, куда давно уже влечетъ тебя твоя преступная, неукротимая, бѣшеная

страсть: не съ чувствомъ горечи поднимаешь ты оружіе противъ отечества, а съ чувствомъ тайнаго, непонятнаго наслажденія. Для этого безумнаго предпріятія предназначенъ ты отъ рожденія, этою мыслью жилъ ты, для него берегла тебя до сихъ поръ и судьба. Никогда не искалъ ты душевнаго мира, — ты жаждалъ войны и войны только преступной. Изъ безнравственныхъ, не только ничего не имѣющихъ за душой, но и во всемъ отчаявшихся негодяевъ набралъ ты свою шайку. Какъ доволенъ, какъ радъ, какимъ восторгомъ упиваться будешь ты тамъ, когда въ многочисленной толпѣ своихъ друзей не услышишь ни объ одномъ честномъ человѣкѣ и не увидишь его! Къ этому образу жизни и готовилъ ты себя, подвергаясь различнымъ лишеніямъ,—лежанью на землѣ, не только для того, чтобы выждать случай къ разврату, но и для того, чтобы совершить преступленіе, несмыканью глазъ по ночамъ—не только для того, чтобы воспользоваться сномъ мужей, но и собственностью мирныхъ гражданъ. Вотъ гдѣ представляется тебѣ случай выказать свою прославленную способность переносить голодъ и холодъ, словомъ, всевозможныя лишенія! Это, однако, вскорѣ истощитъ тебя, въ чемъ ты самъ сознаешься. Устранивъ тебя отъ консульства, я выигралъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ отношеніи, что ты можешь грозить государству скорѣй какъ изгнанникъ, чѣмъ вредить ему, какъ консулъ *), и что твой преступный планъ можно назвать скорѣй разбоемъ, а не войной.

Гг. сенаторы! прошу васъ, вникните теперь внимательнѣй въ мои слова, глубже запечатлѣйте ихъ въ своемъ умѣ,—я хочу выйти чистымъ, оправдаться въ одномъ, почти справедливомъ обвиненіи, взводимомъ на меня отчизной. Быть можетъ, мой родной городъ, который для

*) Въ подлинникѣ игра словъ: ut exul... quam consul, на русскій не переводимая. Предлагаемый профессоромъ И. В. Нетушиломъ переводъ: «ссыльный... сильный» кажется намъ не вполнѣ удачнымъ.

меня гораздо дороже моей жизни; быть можетъ, вся Италія; быть можетъ, все государство скажутъ мнѣ: «Маркъ Туллій, что̀ ты дѣлаешь?—Неужели ты позволишь удалиться тому, кто, въ твоихъ глазахъ, завѣдомый врагъ отечества; кого ты считаешь зачинщикомъ близкой войны; кого, знаешь ты, съ нетерпѣніемъ ждутъ въ лагерѣ непріятеля, какъ своего вождя; неужели выпустишь изъ своихъ рукъ преступника, главу заговора, подстрекателя къ возстанію рабовъ и потерянныхъ нравственно горожанъ,—и заставишь думать, что онъ не высланъ тобою изъ столицы, а насланъ на ея гибель?.. Неужели ты не прикажешь заковать его въ цѣпи, неужели не казнишь, не подвергнешь самому строгому наказанію?.. Что̀-же мѣшаетъ тебѣ въ данномъ случаѣ?—Или обычай предковъ?.. Но у насъ очень часто люди даже не состоявшіе на государственной службѣ наказывали смертью политически опасныхъ гражданъ. Или законы, изданные въ обезпеченіе жизни римскихъ гражданъ?..[14]) Но въ нашемъ городѣ политическіе преступники всегда лишались правъ гражданства. Или ты боишься дурной памяти потомства?.. Хорошо-же благодаришь ты римскій народъ, который предоставилъ тебѣ возможность занимать всѣ высшія должности, который, далъ право пройти одна за другой всѣ магистратуры, такъ рано вознесъ на вершину почестей[15]) тебя, вышедшаго въ люди, благодаря своимъ личнымъ заслугамъ, не аристократическому происхожденію; хорошо-же благодаришь его, если страхъ за дурную память въ потомствѣ или передъ неизвѣстной опасностью ставишь выше страха за счастье своихъ согражданъ! Если ужъ страхъ передъ дурной памятью и былъ-бы отчасти основателе̇нъ, лучше заслужить ее своею строгостью и рѣшительностью, нежели безхарактерностью и бездѣйствіемъ. Или ты надѣешься спастись отъ взрыва негодованія въ то время, когда война станетъ опустошать Италію; когда начнутъ грабить ея города, когда запылаютъ дома ея населенія?..»

Коротко постараюсь я отвѣтить на эти священнѣйшія

для меня слова государства и мнѣніе лицъ, раздѣляющихъ со мной одинъ образъ мыслей. И часа жизни не далъ-бы я Катилинѣ, гг. сенаторы, если-бъ счелъ нужнымъ казнить этого отъявленнаго негодяя: если наши соотечественники, облеченные высшею властью и стоявшіе на высотѣ своего положенія, не только не запятнали себя кровью Сатурнина, Гракховъ, Флакка и массы другихъ имъ подобныхъ, жившихъ раньше насъ, напротивъ, оставили по себѣ добрую память,—разумѣется, не нужно было-бы дрожать передъ проклятіемъ потомства мнѣ, когда-бы я велѣлъ казнить убійцу своихъ согражданъ. Но пусть оно и грозило-бы мнѣ въ полной мѣрѣ, — я всегда останусь при своемъ убѣжденіи: ненависть, заслуженную честнымъ исполненіемъ долга, надо считать, по-моему, не ненавистью, но гордиться ею.

Есть, однако, въ средѣ вашей личности, которыя или не видятъ грозящей опасности, или видятъ ее, а притворяются слѣпыми; своими поблажками они подняли упавшій духъ Катилины, своею недовѣрчивостью—дали вырости чуть зародившемуся заговору. Прикажи я наказать Катилину, многіе, по ихъ примѣру, личности не только неблагонадежныя политически, но и близорукія, станутъ обвинять меня въ жестокости и деспотизмѣ. Я убѣжденъ теперь, что, уйди онъ туда, куда сбирается, — въ лагерь Манлія, никто не будетъ такъ глупъ, что не увидитъ дѣйствительно составленнаго заговора, никто такъ неблагонадеженъ политически, что станетъ отрицать его существованіе. Казнью-же одного его, можно, по моему убѣжденію, лишь на короткое время отсрочить опасность, грозящую теперь государству, но не покончить съ ней навсегда; но если онъ вырвется отсюда, уведетъ съ собой своихъ товарищей и присоединитъ къ нимъ отовсюду собранныхъ неудачниковъ, мы не только окончательно вылечимъ государство отъ язвы, глубоко разъѣдающей въ настоящее время его тѣло, но и не дадимъ пустить корней сѣмени всевозможныхъ несчастій.

Давно уже, гг. сенаторы, грозитъ намъ этотъ преда-

тельскій заговоръ; но, право, не понимаю, почему, если можно выразиться, нарывъ изъ разныхъ преступленій, въ соединеніи съ невѣроятною, давно проявляемой дерзостью, назрѣлъ и прорвался именно въ мое консульство! [16]) Если изъ всей многочисленной шайки уничтожить одного его, мы, пожалуй, какъ будто успокоимся на короткое время отъ заботъ и волненій; но самый ядъ останется и даже глубже войдетъ въ плоть и кровь государства. Какъ часто опасно больные, мечась въ горячечномъ жару, сперва какъ будто чувствуютъ себя легче, если выпьютъ холодной воды, но затѣмъ начинаютъ страдать сильнѣе и ужаснѣе; такъ и болѣзнь, которою страдаетъ наше государство, ослабнетъ, когда мы накажемъ его, но обнаружится съ удвоенною силою— когда оставимъ въ живыхъ его сообщниковъ. Пусть-же уйдутъ отъ насъ негодяи; пусть избавятъ отъ своего общества людей честныхъ; пусть соберутся въ одно мѣсто, пусть, какъ я говорилъ уже не разъ, будутъ отдѣлены отъ насъ городскою стѣною; пусть перестанутъ покушаться на жизнь консула въ его домѣ, окружать трибуналъ городского претора [17]), грозить мечами зданію Сената, приготовлять зажигательныя стрѣлы [18]) и факелы для поджога столицы, короче, пусть на лбу каждаго будутъ написаны его политическія убѣжденія! Уйдетъ Катилина, и вы, гг. сенаторы, увидите,—торжественно обѣщаю вамъ,—что, благодаря бдительности насъ, консуловъ, обаянію вашей власти, твердости всадниковъ римскихъ, единодушію всѣхъ вообще патріотовъ, всѣ его планы будутъ открыты, разоблачены, разрушены и не останутся безнаказанными.

Отправляйся-же, Катилина, при такихъ роковыхъ для тебя предсказаніяхъ на преступную и несправедливую войну, для спасенія государства, на горе и гибель тебѣ, на смерть — твоимъ сообщникамъ, соединеннымъ съ тобою узами всевозможныхъ пороковъ и преступленій! Юпитеръ [19]), ты, въ чью честь Ромулъ построилъ этотъ храмъ, одновременно съ нашимъ городомъ, ты, достойно

именуемый покровителемъ нашей столицы и государства отклони въ эту минуту отъ своихъ алтарей и храмовъ остальныхъ боговъ руку его и его товарищей, спаси дома и стѣны города, жизнь и имущество всѣхъ гражданъ, людей-же, ненавидящихъ все доброе, враговъ отчизны, грабящихъ Италію и сблизившихся между собою ради общихъ преступныхъ и низкихъ цѣлей, обреки на вѣчныя мученія и въ этой жизни, и въ будущей!

Рѣчь вторая

(произнесенная въ народномъ собраніи).

Наконецъ-то, граждане, удалось мнѣ выпроводить изъ столицы Катилину, граничавшаго, въ своемъ нахальствѣ, съ бѣшенствомъ, дышавшаго преступленіемъ, подло замышлявшаго гибель отечеству, угрожавшаго огнемъ и мечемъ вамъ и нашему городу; но, если даже я «приказалъ ему выѣхать» или-же онъ «удалился добровольно»,— я все равно пожелалъ ему счастливаго пути. Какъ-бы то ни было, онъ ушелъ, удалился, скрылся, вырвался отсюда. Теперь это чудовище, этотъ извергъ не будетъ въ стѣнахъ города думать о разрушеніи его-же стѣнъ. По крайней мѣрѣ, настоящаго виновника междоусобной войны мы безспорно обезоружили;—теперь онъ не станетъ угрожать нашей жизни своимъ хорошо извѣстнымъ ножемъ; теперь намъ нечего бояться ни на Марсовомъ полѣ, ни на форумѣ, ни въ Сенатѣ, ни, наконецъ, въ стѣнахъ своего дома. Разъ онъ выгнанъ изъ города,—онъ сбитъ съ позиціи. Какъ съ врагомъ отечества, мы безпрепятственно поведемъ теперь съ нимъ настоящую войну. Заставивъ хищника выйти изъ засады, начать открыто грабить, мы, безъ сомнѣнія, уничтожили его, одержали надъ нимъ блестящую побѣду.

Можете себѣ представить, какъ, въ самомъ дѣлѣ, опечаленъ, потрясенъ онъ тѣмъ, что ему, сверхъ ожиданія,

не удалось обагрить въ крови своего меча; что, уходя изъ города, ему пришлось оставить меня въ живыхъ; что я вырвалъ изъ его рукъ оружіе; что онъ оставилъ своихъ согражданъ невредимыми, столицу — цѣлою по прежнему! Теперь, граждане, онъ лежитъ на землѣ, чувствуетъ себя побѣжденнымъ и уничтоженнымъ и, конечно, каждую минуту жадно озирается на нашъ городъ; онъ плачетъ по немъ, точно по добычѣ, вырванной изъ его когтей, городъ-же нашъ, вѣроятно, радуется, что изрыгнулъ, выблевалъ изъ себя такую опасную отраву.

Но, если найдется и такой человѣкъ, который, выражая чувства, долженствующія воодушевлять всѣхъ насъ, осыплетъ меня упреками за то именно, чему я радуюсь въ своей рѣчи, чѣмъ горжусь,—за то, что я предпочелъ выпустить изъ рукъ, чѣмъ казнить нашего смертельнаго врага, пусть онъ знаетъ, граждане, — виноватъ въ данномъ случаѣ не я, а неблагопріятно сложившіяся обстоятельства. Давно уже пора было-бы казнить Л. Катилину, подвергнувъ самой позорной смерти, — того требовали отъ меня и примѣры предковъ, и права моей власти, и интересы государства — но знаете-ли вы, сколько было такихъ, которые отказывались вѣрить моему докладу въ Сенатѣ, сколько такихъ, которые не придавали ему цѣны, по своей глупости, столько такихъ, которые даже брали его подъ свою защиту, сколько такихъ, которые выражали ему сочувствіе, по своей нравственной испорченности? Если-бъ я ожидалъ, что со смертью Л. Катилины разсѣются всѣ нависшія надъ вами тучи, я давно казнилъ-бы его, рискуя не только навлечь на себя неудовольствіе, но и лишиться жизни. Видя однако, что если я прикажу казнить его, хотя и заслуженно, и казнить тогда, когда не всѣ даже изъ васъ не сомнѣвались въ существованіи заговора, то, подъ давленіемъ вспыхнувшаго противъ меня негодованія, буду безсиленъ преслѣдовать его товарищей, я устроилъ такъ, что вы можете вести открытую войну, видя непріятеля лицомъ къ лицу. На сколько силенъ, по моему мнѣнію, этотъ непріятель

внѣ столицы, вы, граждане, въ состояніи убѣдиться хоть изъ того, что я даже жалѣю, зачѣмъ онъ ушелъ изъ города съ такою незначительной свитой... Что! если-бъ онъ увелъ съ собой всю свою шайку, а то увелъ—кого же... Тонгилія [20]), своего любимца чуть не съ пеленокъ, Публиція и Мунація, трактирные долги которыхъ отнюдь не могли произвести политическихъ безпорядковъ, зато оставилъ—какихъ баръ! съ какими долгами! какихъ вліятельныхъ! какихъ аристократовъ!

Вотъ почему, въ сравненіи съ галликанскими легіонами, рекрутами, набранными недавно Кв. Метелломъ въ Пиценѣ и Галліи, и ежедневно вербуемыми нами солдатами, я съ глубокимъ презрѣніемъ гляжу на его войско, составленное изъ находящихся въ отчаянномъ положеніи ветерановъ, любившихъ весело пожить въ деревнѣ, спустившихъ все—мужиковъ, людей, нашедшихъ выгоднѣй для себя явиться въ ряды новой арміи, чѣмъ явиться къ сроку въ судъ; у нихъ подкосятся ноги, стоитъ лишь показать имъ эдиктъ городского претора [21]), не только нашу готовую къ сраженію армію! Я замѣчаю, одни изъ нихъ, отъ которыхъ такъ и несетъ духами [22]), такъ и отливаетъ пурпуромъ, порхаютъ по форуму, другіе торчатъ возлѣ куріи, третьи посѣщаютъ даже засѣданія Сената, вслѣдствіе чего желалъ-бы, чтобы онъ лучше взялъ ихъ съ собой, въ качествѣ своихъ солдатъ: если они останутся здѣсь, помните,—не такъ слѣдуетъ намъ бояться его арміи, какъ тѣхъ, кто не явится въ эту армію. Тѣмъ болѣе надо намъ остерегаться ихъ, что они чувствуютъ,—для меня не тайна ихъ планы, но ни мало не смущаются. Мнѣ извѣстно, кому назначено дѣйствовать въ Апуліи, кому досталась Етрурія, кому—Пиценъ, кому Галлія; кто настойчиво добивался чести устроить предательски рѣзню здѣсь въ столицѣ и поджечь ее; они чувствуютъ, мнѣ извѣстны всѣ ихъ намѣренія, обсуждавшіяся въ предпослѣднюю ночь,—вчера я сдѣлалъ докладъ о нихъ въ Сенатѣ... Самъ Катилина струсилъ, бѣжалъ; чего-же ждутъ эти господа?—Право,

они жестоко ошибаются, если воображаютъ, что моя прежняя снисходительность продолжится вѣчно.

Теперь исполнилось мое желаніе, — у всѣхъ васъ на виду несомнѣнныя доказательства заговора, составленнаго противъ государства; этого не пойметъ развѣ тотъ, кто господъ, подобныхъ Катилинѣ, не считаетъ раздѣляющими съ Катилиной одни воззрѣнія. Нѣтъ больше мѣста снисхожденію; крутыхъ мѣръ требуетъ само положеніе дѣлъ. Одну уступку я сдѣлаю и теперь еще: пусть они уходятъ, пусть отправляются подобру поздорову, пусть пожалѣютъ Катилину, — съ тоски по нимъ отъ него останутся кости да кожа! Укажу имъ путь,— онъ поѣхалъ Авреліевой дорогой; если они захотятъ поторопиться, къ вечеру догонятъ его...

О, какъ счастливо будетъ государство, если вышвырнетъ отъ себя подонки городского населенія! Клянусь, государство точно почувствовало облегченіе, вздохнуло свободнѣе, когда избавилось отъ одного Катилины! Въ самомъ дѣлѣ, можно-ли придумать или найти хоть одинъ видъ порока или преступленія, предъ которымъ задумался-бы онъ? — Выищется-ли въ цѣлой Италіи хоть одинъ отравитель [23]), хоть одинъ разбойникъ, хоть одинъ наемный убійца [24]), хоть одинъ убійца вообще, хоть одинъ поддѣлыватель духовныхъ завѣщаній, хоть одинъ мошенникъ, хоть одинъ кабацкій завсегдатай, хоть одинъ мотъ изъ раннихъ, хоть одинъ волокита, хоть одна публичная женщина, хоть одинъ развратитель молодежи, хоть одинъ испорченный, пропащій человѣкъ, который не признался-бы въ самомъ короткомъ знакомствѣ съ Катилиной? Обошлось-ли безъ него хоть одно убійство послѣднихъ лѣтъ? Въ какой только выдающейся мерзости не игралъ онъ роли? Далѣе, обладалъ-ли кто когда-нибудь такою замѣчательной способностью растлевать молодежь, какъ онъ?—Любя самою грязною любовью лично, онъ самымъ низкимъ образомъ потворствовалъ и любви другихъ: однимъ онъ обѣщалъ удовлетворить ихъ страсти, другихъ не только подстрекалъ къ отцеубійству, но

даже обѣщалъ имъ свое содѣйствіе. Недаромъ къ нему такъ скоро стеклось теперь безчисленное множество проходимцевъ не изъ одной столицы, но и изъ ея окрестностей!—Не было ни одного неоплатнаго должника, не говоря уже въ Римѣ, а даже въ любомъ уголкѣ Италіи, должника, котораго онъ не зачислилъ-бы въ ряды своей чудовищной, преступной шайки.

Впрочемъ, вы сами въ состояніи судить объ его неимѣющихъ ничего общаго симпатіяхъ къ профессіямъ, прямо противоложнымъ: нѣтъ среди гладіаторовъ ни одного хоть въ слабой степени готоваго на преступленіе, кто, по собственному признанію, не былъ съ Катилиной на самой короткой ногѣ; нѣтъ на театральныхъ подмосткахъ актера вѣтренѣе и испорченнѣе прочихъ [25]), кто хвастливо не называлъ себя чуть ни его собутыльникомъ. И его-то, путемъ практики въ развратѣ и преступленіяхъ, привыкшаго переносить холодъ и голодъ, жажду и безсонницу,—они величали героемъ, тогда какъ онъ лишь тратилъ въ развратѣ и наглыхъ выходкахъ свои физическія и умственныя силы!..

О, какъ довольны будемъ мы, какъ счастливо государство, какая честь выпадетъ на долю моего консульства, если слѣдомъ за нимъ уйдутъ его товарищи; если изъ города удалится подлая шайка головорѣзовъ! — Страсти ихъ уже переходятъ всякія границы; ихъ наглость—необыкновенна и невыносима; они думаютъ только о рѣзнѣ, только о пожарахъ, только о грабежахъ. Отцовское наслѣдство они спустили, недвижимость свою—заложили; въ денежныхъ средствахъ у нихъ началъ чувствоваться недостатокъ уже давно, въ кредитѣ—недавно; но страсть къ наслажденіямъ, зародившаяся въ нихъ во время привольной жизни, осталась въ нихъ по прежнему. Если-бъ они искали только кутежей, случая попить, поиграть въ кости [26]) или поразвратничать, на нихъ, разумѣется, слѣдовало-бы махнуть рукой, какъ на людей пропащихъ, но терпѣть было-бы можно, а то развѣ мыслимо терпѣть въ своей средѣ—подлецовъ, роющихъ яму лю-

дямъ вполнѣ заслуживающимъ уваженія, набитыхъ дураковъ — умницамъ съ головы до пятъ, пьяницъ — трезвымъ, соней—привыкшимъ вставать рано?.. Обнявшись съ публичными женщинами, съ хмѣльною головой, наѣвшись до отвалу, въ вѣнкахъ, надушенные, обезсилѣвшіе отъ разгульной жизни лежатъ они на попойкахъ, изрыгая рѣчи объ рѣзнѣ патріотовъ и поджогѣ столицы. Я убѣжденъ, надъ ними виситъ роковой мечъ правосудія; наказаніе, давно заслуженное ими—ихъ низостью, подлостью, преступленіями и развратомъ, или уже ждетъ ихъ открыто, или несомнѣнно близко. Если они будутъ уничтожены въ мое консульство,—леченію ихъ болѣзнь не поддается—не на какія-нибудь нѣсколько лѣтъ, а на долгіе вѣка продлится существованіе государства: нѣтъ націи, которая была-бы страшна намъ; нѣтъ царя, который рѣшился-бы начать войну съ римскимъ народомъ; геройскіе подвиги одного человѣка [27]) возстановили миръ на сушѣ и на морѣ—за предѣлами государства: внутри его не прекращается война, внутри его разставляютъ сѣти, внутри его грозитъ опасность, внутри его таится врагъ! Намъ приходится бороться съ роскошью, безуміемъ и преступленіемъ. Вождемъ въ этой войнѣ берусь быть я, граждане; на свою голову готовъ я навлечь вражду негодяевъ; я приму всѣ мѣры и постараюсь вылечить то, что̀ излечимо, но что̀ должно быть отрѣзано, тому не позволю продолжать губить государственное тѣло [28])! Пусть-же они или уходятъ, или успокоятся, или ждутъ заслуженнаго наказанія, если, оставшись въ городѣ, не перемѣнятъ своихъ убѣжденій!

Есть однако, граждане,—личности, утверждающія, будто я заставилъ Катилину идти въ изгнаніе... Если-бъ я могъ добиваться этого одними словами, я выгналъ-бы самихъ мерзавцевъ, распускающихъ подобные слухи! Такой робкій или даже чрезвычайно тихій, изволите видѣть, господинъ, какъ онъ, оказался не въ состояніи выслушать голоса консула; едва ему велѣли идти въ изгнаніе, онъ повиновался,—ушелъ!..

Вчера, послѣ того, какъ меня чуть не убили въ своемъ домѣ, я, граждане, созвалъ Сенатъ въ храмъ Юпитера-Статора и обо всемъ происшедшемъ доложилъ гг. сенаторамъ. Кто изъ сенаторовъ назвалъ Катилину по имени, при его входѣ? Кто поздоровался съ нимъ? Кто хотя-бы только взглянулъ на него скорѣй какъ на пропащаго человѣка, а не на злѣйшаго врага отечества? Мало того, старшіе сенаторы совершенно очистили ту часть скамеекъ, къ которой онъ подошелъ. И вотъ здѣсь то я, «лютый» консулъ, однимъ своимъ словомъ отправляющій согражданъ въ изгнаніе, спросилъ Катилину, присутствовалъ онъ на ночной сходкѣ у М. Лэки, или нѣтъ. Когда этотъ отъявленный наглецъ, уличенный совѣстью, вздумалъ сперва отмалчиваться, я разсказалъ дальнѣйшія извѣстныя мнѣ подробности,—объяснилъ, что̀ дѣлалъ онъ въ первую ночь, гдѣ былъ, чѣмъ хотѣлъ заниматься въ слѣдующую ночь [29]), въ чемъ состоялъ набросанный имъ весь планъ войны. Онъ мялся, чувствуя себя пойманнымъ, и я спросилъ его, почему медлитъ онъ отправиться туда, куда уже давно сбирается,—я зналъ, онъ отослалъ заранѣе по мѣсту назначенія оружіе, ликторскія сѣкиры и фасціи, трубы и военные значки, наконецъ, извѣстнаго серебрянаго орла, въ честь котораго онъ даже устроилъ у себя въ домѣ святилище, освящавшее его преступленія?.. Зачѣмъ-же было мнѣ посылать въ изгнаніе — человѣка, я видѣлъ, уже вступившаго на путь открытой войны? Конечно, негодяй-центуріонъ Манлій, расположившійся лагеремъ въ окрестностяхъ Фэзулъ, объявилъ римскому народу войну... отъ своего имени и въ его лагерѣ ждутъ теперь въ качествѣ вождя не Катилину,—нашъ бѣдный изгнанникъ разсчитываетъ, говорятъ, удалиться въ Массилію, а не въ вышеупомянутый лагерь!

О, какъ незавидна обязанность не только управлять государствомъ, но и отвѣчать за его безопасность!—Если въ настоящее время Л. Катилина, поставленный въ безвыходное положеніе, обезсиленный моими распоряженіями

стоившими мнѣ цѣлаго ряда усилій и опасностей, вдругъ испугается, измѣнитъ свой образъ мыслей, броситъ товарищей, откажется отъ своего намѣренія вести войну, свернетъ съ пути преступленія и войны, которымъ идетъ теперь, и станетъ думать о бѣгствѣ въ изгнаніе: тогда не скажутъ, что я лишилъ его возможности дерзко вести себя; что онъ былъ озадаченъ и перепуганъ—моимъ добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу; что я заставилъ его проститься съ надеждой на успѣхъ его попытокъ, но будутъ говорить, что онъ изгнанъ безъ суда и слѣдствія, невинно, благодаря грубому насилію и угрозамъ со стороны консула, затѣмъ, если онъ сдѣлаетъ это, найдутся люди, которые станутъ видѣть въ немъ не преступника, а жертву, во мнѣ-же не добросовѣстнѣйшаго консула, а жесточайшаго тиранна! Я, граждане, готовъ вынести бурю этого слѣпого, несправедливаго негодованія, лишь-бы спасти васъ отъ опасностей страшной и преступной войны. Пусть говорятъ, что я выслалъ его, только онъ ушелъ-бы въ изгнаніе, но—вѣрьте мнѣ—онъ не подумаетъ уйти! Никогда не буду я, граждане, цѣной уменьшенія грозящаго мнѣ негодованія, молить безсмертныхъ боговъ, чтобы вы получили извѣстіе, что Л. Катилина ведетъ непріятельскую армію, расхаживая съ оружіемъ въ рукахъ, но еще раньше трехъ дней вы получите извѣстіе объ этомъ; тѣмъ сильнѣе боюсь я рано или поздно навлечь на себя негодованіе скорѣй за то, что я выпустилъ его изъ рукъ, нежели за то, что заставилъ удалиться въ изгнаніе. Если находятся люди, утверждающіе, будто онъ изгнанъ, хотя онъ уѣхалъ добровольно, что сказали-бы они, если-бъ его казнили? Впрочемъ, мерзавцы, твердящіе объ отъѣздѣ Катилины въ Массилію, не столько жалѣютъ о случившемся, сколько трусятъ. Среди этихъ мерзавцевъ нѣтъ ни одной столь доброй души, которая посовѣтовала-бы ему ѣхать лучше въ Массилію, нежели къ Манлію. Но, если-бъ даже ему ни разу прежде не приходили въ голову его планы въ настоящемъ, —ручаюсь, онъ все равно предпочелъ-бы умереть

смертью разбойника, чѣмъ жить изгнанникомъ! Теперь-же, когда до сихъ поръ ничего не дѣлается противъ его желанія и разсчетовъ, кромѣ одного развѣ, — что онъ уѣхалъ изъ Рима, оставивъ меня въ живыхъ, — пожелаемъ лучше идти ему въ изгнаніе, нежели станемъ выражать, въ данномъ случаѣ, свои сожалѣнія!

Но съ какой стати толковать намъ такъ долго объ одномъ врагѣ, притомъ, врагѣ, уже открыто объявляющемъ себя нашимъ врагомъ, не страшномъ для меня, такъ какъ мое давнишнее желаніе исполнилось,—между нами городская стѣна—и не сказать ни слова о нашихъ тайныхъ врагахъ, остающихся въ Римѣ, вращающихся въ нашей средѣ? Лично я стараюсь, по мѣрѣ возможности, *не столько наказывать ихъ, сколько ставить на вѣрную* дорогу, въ ихъ-же интересахъ, примирять съ государствомъ, — и не вижу, почему моимъ усиліямъ не увѣнчаться успѣхомъ, если они желаютъ слушать меня. Прежде всего, граждане, я познакомлю васъ съ элементами, входящими въ составъ его шайки; потомъ предложу, въ своей дальнѣйшей рѣчи, посильный полезный совѣтъ каждому въ отдѣльности.

Къ первому классу слѣдуетъ отнести лицъ, при своихъ огромныхъ долгахъ владѣющихъ еще бо́льшею недвижимою собственностью, но изъ особенной любви къ ней никакъ не рѣшающихся съ нею развязаться. Люди эти вполнѣ приличны по внѣшности,—они богаты—но ихъ цѣли и стремленія самыя низкія. У тебя всего вдоволь—земли, домовъ, серебра, рабовъ—и ты не рѣшаешься продать часть своей недвижимости, увеличить кредитъ? Чего-жъ ты ждешь? — Войны?.. Слѣдовательно, ты думаешь,—при повальномъ разореніи, твои имѣнія останутся вполнѣ нетронутыми?.. Или новыхъ долговыхъ книгъ?—Ошибается, кто ждетъ ихъ отъ Катилины: новыя книги выдамъ я, но... аукціонныя [30]),—только такая мѣра и можетъ спасти нашихъ помѣщиковъ отъ банкротства. Если послѣдніе захотѣли-бы поступить такъ раньше и не впадали въ грубѣйшую ошибку, стараясь покрывать дол-

говые проценты доходами съ угодій, въ лицѣ ихъ былибы у насъ и болѣе богатые, и болѣе достаточные члены общества. Но ихъ, на мой взглядъ, надо опасаться всего менѣе: ихъ или можно отговорить отъ ихъ намѣренія, или, если они будутъ упорствовать, мнѣ кажется, они станутъ скорѣй посылать проклятья по адресу правительства, но оружіе противъ него врядъ-ли поднимутъ.

Второй классъ состоитъ изъ лицъ, правда, сильно задолжавшихъ, однако мечтающихъ о власти, желающихъ завладѣть правленіемъ, думающихъ добиться высшихъ должностей—во время волненій, отказавшись отъ надежды достичь ихъ при спокойномъ ходѣ государственныхъ дѣлъ.

Имъ—заодно, конечно, и всѣмъ прочимъ—придется посовѣтовать отказаться отъ надежды осуществить свои планы: прежде всего, я лично стою на сторожѣ, заботясь обо всѣхъ, помогаю государству, имѣя въ виду его интересы; далѣе, они встрѣтятъ въ патріотахъ большой подъемъ духа, большое единодушіе, партію чрезвычайно многочисленную, и, затѣмъ, огромную армію; наконецъ, и безсмертные боги лично помогутъ нашему непобѣдимому народу, нашему пользующемуся громкою славой государству, нашей великолѣпной столицѣ—въ борьбѣ ихъ съ грозною силой преступленія. Но допустимъ даже, они успѣли добиться того, чего жаждутъ въ своемъ не знающемъ преградъ бѣшенствѣ,—неужелиже, сжегши городъ и проливъ кровь его населенія, они надѣются наслаждаться плодами своихъ преступныхъ и гнусныхъ стремленій и сдѣлаться консулами или диктаторами, или даже царями? Неужели они не понимаютъ, что и приведя въ исполненіе свои желанія, они неизбѣжно уступятъ свое мѣсто какому-нибудь бѣглому рабу или гладіатору [31]?..

Къ третьему классу принадлежатъ люди уже пожилые, но крѣпкіе, благодаря физическимъ упражненіямъ. Изъ этого класса и негодяй-Манлій, на смѣну которому идетъ теперь Катилина. Это—жители военныхъ поселеній,

устроенныхъ Суллою; въ общемъ, я знаю ихъ за примѣрныхъ гражданъ и чрезвычайно храбрыхъ солдатъ; но есть въ ихъ средѣ и такіе поселенцы, которые, разбогатѣвъ нежданно негаданно, принялись слишкомъ щедро для своего положенія сорить деньгами. Въ то время какъ они, разыгрывая изъ себя крупныхъ богачей, строились, обзаводились превосходными помѣстьями, большою дворней, задавали роскошные обѣды, они надѣлали столько долговъ, что для спасенія ихъ отъ банкротства остается только вызвать съ того свѣта—Суллу. Надеждой на повтореніе прежнихъ грабежей они сманили даже нѣсколькихъ бобылей - крестьянъ. И тѣхъ, и другихъ, граждане, я отношу одинаково къ классу воровъ и хищниковъ, но совѣтую имъ помнить слѣдующее: пусть они перестанутъ бѣситься и простятся съ грезами о проскрипціяхъ и диктатурѣ,—тѣ старыя времена оставили по себѣ въ государствѣ такую память, что желать ихъ возвращенія не могутъ, на мой взглядъ, не только люди, но и не одаренныя способностью говорить—животныя.

Четвертый классъ чрезвычайно разнообразенъ; это что-то нестройное и безпорядочное. Тутъ вы встрѣтите лицъ, давно поставившихъ себя въ безвыходное положеніе, благодаря своимъ долгамъ, изъ которыхъ они никогда не выходятъ, потерявшихъ подъ собой твердую почву, частью изъ-за своей неспособности приняться за дѣло, частью изъ-за неумѣлаго веденья хозяйства, частью даже вслѣдствіе своихъ несоразмѣрныхъ тратъ, лицъ, утомленныхъ вызовами въ судъ, судебными приговорами, продажами имуществъ. Не даромъ, говорятъ, ихъ видимо невидимо нашло въ его лагерь и изъ столицы, и изъ деревень. На мой взглядъ, они не такіе храбрые солдаты, какъ тугіе плательщики. Пусть-же они банкротятся, какъ можно скорѣй,—если ужъ имъ не спастись,—но такъ, чтобы отъ этого не пострадало не только государство, а даже ихъ ближайшіе сосѣди: не понимаю, почему хотятъ они погибнуть позорно, если не въ силахъ жить,

не теряя добраго имени, или почему погибать вмѣстѣ съ многими имъ менѣе больно, чѣмъ погибать однимъ!

Пятый классъ—убійцы или разбойники, вообще, всевозможные преступники; ихъ я не сманиваю отъ Катилины,—съ одной стороны, они не въ состояніи разстаться съ нимъ, съ другой—пускай себѣ погибаютъ они смертью разбойниковъ: ихъ такъ много, что для нихъ окажется тѣсной государственная тюрьма [32]).

Послѣдній классъ – собственность Катилины не только по своей численности, но и по самому происхожденію и образу жизни, его любимцы, мало того, ближайшіе друзья и наперсники. Ихъ вы замѣтите по щегольски причесаннымъ и напомаженнымъ волосамъ, тщательно выбритымъ или отпущеннымъ бородамъ, [33]) доходящимъ до пятъ туникамъ съ длинными рукавами [34]) и тогамъ, похожимъ на паруса [35]). Вся ихъ жизненная энергія и привычка къ безсонницѣ уходятъ лишь на продолжающіяся всю ночь попойки. Въ ихъ обществѣ вращаются всѣ игроки, всѣ волокиты, всѣ грязные и безнравственные люди. Эти такіе милые и изящные мальчики умѣютъ не только любить, но и влюблять въ себя другихъ, не только плясать или пѣть, но и владѣть кинжаломъ и дѣйствовать ядомъ. Если они не уйдутъ, если не погибнутъ, знайте, разсадникъ Катилинъ останется въ государствѣ, хотя-бы и погибъ самъ Катилина! Но чего собственно добиваются эти несчастные?.. Не разсчитываютъ-ли они прихватить въ лагерь и своихъ любовницъ [36])? И могутъ-ли, въ самомъ дѣлѣ, обойтись они безъ нихъ, особенно въ нынѣшнія ночи? Однако какъ-же они вытерпятъ мѣстные морозы и снѣга Аппеннинъ?—Или они надѣются легче выжить зиму потому, что научились нагими плясать [37]) на попойкахъ?..

О, какой опасной сдѣлается война, когда Катилина окружитъ себя своей свитой, состоящей изъ развратниковъ! Противопоставьте тогда, граждане, этимъ столь прославленнымъ шайкамъ Катилины гарнизоны своихъ городовъ, свои полевыя войска, вышлите сперва про-

тивъ этого павшаго духомъ и раненаго гладіатора своихъ консуловъ и полководцевъ, затѣмъ выведите въ поле противъ этой безсильной и ничего не имѣющей за душой толпы неудачниковъ лучшія боевыя силы всей Италіи. Далѣе, ваши колоніи и муниципіи, конечно, устоятъ противъ укрѣпленій, устроенныхъ Катилиной въ лѣсахъ. Сравнивать остальныя въ изобиліи находящіяся въ вашемъ распоряженіи боевыя силы, вооруженіе и средства для защиты съ полнымъ отсутствіемъ всего этого въ его разбойничьей шайкѣ мнѣ нѣтъ необходимости. Но, если даже мы оставимъ въ сторонѣ все, чего вдоволь у насъ и чего нѣтъ у него,—къ нашимъ услугамъ Сенатъ, всадники римскіе, народъ, государственная казна, подати, цѣлая Италія, всѣ провинціи, иностранныя государства,—если даже, повторяю, мы оставимъ все это въ сторонѣ и вздумаемъ сравнить самые принципы войны, прямо противоположные другъ другу; изъ нихъ однихъ можемъ мы понять, какъ низко, въ сравненіи съ нами, стоятъ наши противники: на нашей сторонѣ скромность, на ихъ—наглость, на нашей—нравственность, на ихъ—развратъ, на нашей—честность, на ихъ—обманъ, на нашей—любовь къ отчизнѣ, на ихъ — ненависть къ ней, на нашей—хладнокровіе, на ихъ—бѣшенство, на нашей—благородство, на ихъ—пошлость, на нашей—воздержанность, на ихъ — сладострастіе; словомъ, справедливость, умѣренность, мужество и благоразуміе, всѣ главныя нравственныя достоинства [38]), ведутъ борьбу съ несправедливостью, невоздержностью, трусостью и глупостью, со всѣми главными пороками; далѣе, достатокъ сталкивается—съ нищетою, хорошія цѣли—съ дурными, умъ—съ безуміемъ, наконецъ, надежда на лучшее—съ отчаяніемъ во всемъ. Но если-бъ для подобной страшной борьбы и не хватило человѣческихъ силъ, неужели безсмертные боги позволятъ массѣ величайшихъ пороковъ восторжествовать надъ тѣми прекраснѣйшими изъ нравственныхъ качествъ?

Въ такомъ случаѣ, граждане, какъ я уже совѣтовалъ

вамъ, по прежнему караульте днемъ и ночью свои дома: на достаточную охрану столицы я обратилъ вниманіе и принялъ соотвѣтствующія мѣры, причемъ старался не безпокоить васъ и не прибѣгать къ вооруженной силѣ. Населеніе всѣхъ вашихъ колоній и муниципій легко защититъ свои города и ихъ округа,—я увѣдомилъ ихъ о ночномъ выѣздѣ Катилины. Гладіаторовъ, которыхъ онъ считалъ своею правою рукой,—хотя по своимъ убѣжденіямъ они лучше нѣкоторыхъ изъ патриціевъ—я сумѣю удержать въ повиновеніи предоставленною мнѣ властью. Кв. Метеллъ, отправленный мной съ этою цѣлью въ Галлію и Пиценъ, или уничтожитъ его, или парализуетъ всѣ его движенія и попытки. О скорѣйшемъ принятіи и приведеніи въ исполненіе остальныхъ мѣръ я немедленно сдѣлаю докладъ въ Сенатѣ, о созывѣ котораго, какъ вы видите, дѣлается распоряженіе.

Теперь я хочу еще и еще разъ обратиться со словами предостереженія къ людямъ, оставшимся въ столицѣ или, вѣрнѣй, оставленнымъ Катилиною въ городѣ для гибели его и всѣхъ насъ: правда, они наши враги, но они наши согражданe. Если до сихъ поръ кто и считалъ меня злоупотреблявшимъ своею снисходительностью, пусть онъ знаетъ, что она имѣла цѣлью вывести на свѣтъ скрывавшееся въ темнотѣ. Но теперь я не въ правѣ забывать больше, что на мнѣ лежитъ забота о благѣ моей родины; что я—консулъ своихъ согражданъ; что долгъ мой—или жить съ ними, или умереть за нихъ. У воротъ столицы нѣтъ караула, по дорогамъ—нѣтъ засадъ: если кто хочетъ уѣхать, я могу пропустить его безпрепятственно; но кто станетъ продолжать свои происки въ городѣ; кого я заподозрю въ замыслѣ или дурномъ намѣреніи противъ отечества, не говоря уже о томъ, если поймаю его на мѣстѣ преступленія,—тотъ узнаетъ, что у насъ въ столицѣ есть бдительные консулы, есть стоящія на высотѣ своего положенія—власти, есть грозный Сенатъ, есть вооруженная сила, есть тюрьма, пред-

назначенная нашими предками для наказанія выходящихъ изъ ряда и несомнѣнныхъ преступленій!

И все это будетъ дѣлаться, граждане, такъ, что самыя важныя мѣры приведутъ въ исполненіе съ возможно меньшимъ безпокойствомъ,величайшія опасности—устранятъ безъ содѣйствія вооруженной силы: междоусобная война, война братьевъ съ братьями, всегда считающася самою кровавою и ужасною,—будетъ кончена мирно однимъ мной, вашимъ вождемъ и начальникомъ. Если представится хоть малѣйшая возможность, я устрою это, граждане, такъ, что даже ни одинъ злодѣй, оставшійся въ нашемъ городѣ, не понесетъ наказанія за свои преступленія. Но если дерзость обнаружится во всей своей силѣ; если опасность, грозящая моей отчизнѣ, по необходимости заставитъ меня бросить свою снисходительность, я, конечно, постараюсь,—желаніе едва-ли осуществимое въ борьбѣ столь важной и опасной — чтобы, съ одной стороны, не лишился жизни никто изъ патріотовъ, съ другой — спасеніе всѣхъ васъ купить цѣной смерти немногихъ. Но, давая вамъ въ томъ слово, граждане, я надѣюсь не на свою осторожность, не на человѣческіе разсчеты, а на многочисленныя и несомнѣнныя знаменія, данныя безсмертными богами, которые вдохнули въ меня мужество и внушили сдѣланныя мной распоряженія, богами, которые защищаютъ насъ уже не издалека,—какъ они не разъ поступали раньше—отъ внѣшнихъ, чужестранныхъ враговъ, а являютъ свою божественную помощь непосредственно здѣсь, защищая столицу вмѣстѣ со своими храмами. Молитесь имъ, граждане, падите ницъ предъ ними, со слезами просите ихъ, да защитятъ они отъ ужасной и преступной шайки потерянныхъ нравственно гражданъ—городъ, который имъ было угодно сдѣлать однимъ изъ самыхъ великолѣпныхъ и цвѣтущихъ, послѣ того, какъ онъ одержалъ побѣду надъ всѣми полчищами враговъ на сушѣ и на морѣ.

Рѣчь третья

(произнесенная въ народномъ собраніи).

Какъ вы видите, граждане, государство, жизнь всѣхъ васъ, ваша собственность и состояніе, ваши жены и дѣти, наконецъ, столица нашего пользующагося громкою извѣстностью государства, одинъ изъ самыхъ богатыхъ и красивыхъ городовъ, спасены сегодня отъ угрожавшаго имъ истребленія огнемъ и мечемъ, вырваны, такъ сказать, изъ челюстей смерти, сохранены и возвращены вамъ, благодаря безграничной любви къ вамъ безсмертныхъ боговъ и моимъ трудамъ и усиліямъ, соединеннымъ съ опасностью для моей жизни.

Если мы дорожимъ тѣмъ днемъ, въ который избѣжали опасности, не менѣе, нежели днемъ рожденія [39]), и празднуемъ его съ не меньшею торжественностію, тѣмъ болѣе, что радость по случаю спасенія отъ опасности основательна, наша будущность при рожденіи — неизвѣстна; тѣмъ болѣе, что родимся мы безъ сознанія, спасаемся—съ чувствомъ удовольствія: вы и ваши потомки должны будутъ, конечно, отдать дань уваженія тому, кто спасъ нашъ увеличившійся со дня основанія городъ, разъ ужъ основателя этого города, изъ чувства признательной памяти, мы причислили къ сонму безсмертныхъ боговъ: я потушилъ пожаръ, едва не охватившій всей столицы, огонь, подброшенный къ ея храмамъ и прочимъ святилищамъ, къ ея зданіямъ и стѣнамъ, я притупилъ мечи, обнаженные противъ государства, отвелъ отъ вашего горла ихъ остріе.

Такъ какъ докладъ о происшедшемъ, докладъ, гдѣ все доказано, выяснено и разоблачено, сдѣланъ мной въ Сенатѣ, я разскажу вамъ теперь о томъ, граждане, вкратцѣ, чтобы вы, не зная подробностей и съ нетерпѣніемъ желая узнать ихъ, были въ состояніи убѣдиться, въ какихъ обширныхъ размѣрахъ составленъ заговоръ, какъ несомнѣнно его существованіе и какимъ образомъ удалось напасть на его слѣдъ и открыть его.

Начну по порядку. Съ тѣхъ поръ, какъ нѣсколько дней назадъ Катилина ушелъ изъ города, оставивъ въ Римѣ своихъ товарищей по преступленію, самыхъ энергичныхъ вождей нынѣшней ужасной войны, я не переставалъ стоять на сторожѣ и заботиться, граждане, о защитѣ васъ отъ многочисленныхъ и мастерски скрытыхъ засадъ.

Заставляя Катилину уходить изъ столицы—я уже не боюсь ненависти, которую можетъ возбудить противъ меня это слово: надо опасаться ея скорѣй за то, отчего онъ вышелъ живымъ, — и имѣя тогда въ виду удалить его, я разсчитывалъ, что остальные заговорщики или уйдутъ вмѣстѣ съ нимъ, или, если частью и не тронутся съ мѣста, — лишатся безъ него энергіи, сдѣлаются вялыми. Итакъ, замѣтивъ, что вмѣстѣ съ ними вращаются оставшіеся въ Римѣ самые отчаянные преступники, я сталъ проводить цѣлые дни и ночи въ строжайшемъ наблюденіи за ихъ дѣйствіями и намѣреніями, съ цѣлью раскрыть заговоръ, чтобы, предъ лицомъ явно грозящей вамъ опасности, вы приняли, наконецъ, тогда необходимыя мѣры къ своему спасенію и чтобы не дали меньше вѣры моимъ словамъ, вслѣдствіе чудовищности и обширныхъ размѣровъ заговора. Итакъ, узнавъ, что П. Лентулъ склонилъ на свою сторону депутатовъ аллоброговъ, съ цѣлью зажечь войну за Альпами, поднять галловъ; что ихъ отправили въ Галлію, къ ихъ соотечественникамъ, причемъ, по пути, они должны были заѣхать съ письмами и словесными порученіями къ Катилинѣ, и что они захватили съ собой, въ качествѣ проводника, Т. Волтурція,— у него были также письма къ Катилинѣ—я рѣшилъ, что мнѣ представилась возможность исполнить самое трудное свое желаніе, о чемъ я, вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда молилъ безсмертныхъ боговъ, и сдѣлать все вполнѣ понятнымъ не для меня одного, но и для Сената, и для васъ.

Итакъ, я пригласилъ къ себѣ вчера преторовъ, Л. Флакка и Г. Помптина, людей въ высшей степени рѣшительныхъ и преданныхъ правительству душею и тѣ-

ломъ, изложилъ предъ ними всю суть дѣла и далъ необходимыя инструкціи. Они, желая государству одного добра, безъ отговорокъ, безотлагательно приняли на себя порученіе, незамѣтно подошли въ сумеркахъ къ Мульвійскому мосту и засѣли въ ближайшихъ дачахъ, раздѣлившись на двѣ партіи такъ, что Тибръ съ мостомъ былъ между ними. Не возбуждая ничьихъ подозрѣній, они взяли съ собою лично большой отрядъ храбрыхъ солдатъ; кромѣ того, я прислалъ имъ на подмогу массу вооруженной мечами молодежи, уроженцевъ реатской префектуры, молодецъ къ молодцу, моихъ постоянныхъ помощниковъ въ дѣлѣ управленія государствомъ.

Между тѣмъ, около трехъ часовъ утра депутаты аллоброговъ, въ сопровожденіи многочисленнаго конвоя, вмѣстѣ съ Волтурціемъ, начали уже подниматься на Мульвійскій мостъ, когда на нихъ произвели нападеніе. Съ обѣихъ сторонъ пускаютъ въ ходъ мечи. Въ чемъ было дѣло, знали лишь одни преторы; для прочихъ оно оставалось тайной.

Тогда Помптинъ и Флаккъ прекращаютъ своимъ вмѣшательствомъ начавшуюся схватку. Всѣ письма находившіяся въ рукахъ членовъ депутаціи передаютъ преторамъ, съ цѣлыми печатями, самихъ депутатовъ — арестуютъ и, почти уже на разсвѣтѣ, приводятъ ко мнѣ для допроса [40]).

Я немедленно распорядился послать за однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и опасныхъ участниковъ заговора, Габиніемъ Цимбромъ, не подозрѣвавшимъ еще ничего. Затѣмъ велѣлъ я подобнымъ-же образомъ призвать къ себѣ Л. Статилія и потомъ — Г. Цетега. Позже всѣхъ пожаловалъ Лентулъ: противъ обыкновенія, онъ, вѣроятно, провелъ послѣднюю ночь за письмами...

Хотя наши высшія и самыя извѣстныя должностныя лица, во множествѣ собравшіяся раннимъ утромъ у меня въ квартирѣ при извѣстіи о случившемся, и совѣтовали мнѣ вскрыть письма, прежде представленія ихъ въ Сенатъ, — чтобы меня не подозрѣвали въ желаніи по на-

прасну тревожить общество, если въ письмахъ не оказалось-бы ничего серьезнаго,—я всетаки отказался доставить представителямъ государства распечатанными документы, гдѣ шла рѣчь объ опасности, грозившей государству; я думалъ, граждане, что мнѣ не придется бояться за свою излишнюю щепетильность,когда государству грозила такая страшная опасность,—если-бъ даже сдѣланныя мнѣ донесенія не оправдались. Затѣмъ, какъ вы видѣли, я немедленно созвалъ Сенатъ, приглашая его членовъ явиться въ возможно большемъ числѣ, и въ это время, не теряя ни минуты, послалъ, по совѣту аллоброговъ, энергичнаго претора Г. Сульпиція [41]) вынести изъ квартиры Цетега все оружіе, какое онъ найдетъ тамъ. Онъ вынесъ оттуда цѣлыя груды кинжаловъ и мечей.

Я велѣлъ ввести Волтурція безъ галловъ, далъ ему, по приказанію Сената, торжественное слово въ его личной безопасности [42]) и совѣтъ — говорить безъ страха все, что̀ онъ знаетъ. Едва онъ пришелъ въ себя отъ сильнаго страха, какъ объявилъ о данныхъ ему П. Лентуломъ словесныхъ и письменныхъ порученіяхъ къ Катилинѣ,—воспользоваться услугами рабовъ и какъ можно скорѣй спѣшить съ войсками къ городу, послѣднее съ тою цѣлью, чтобы ему и быть на готовѣ ловить бѣглецовъ, и соединиться съ находящимися въ столицѣ вождями, когда эту столицу, согласно уговору и плану, подожгутъ со всѣхъ сторонъ и устроятъ безпощадную рѣзню населенія.

По показанію-же введенныхъ затѣмъ галльскихъ депутатовъ, Лентулъ, Цетегъ и Статилій дали имъ клятву въ исполненіи своихъ обѣщаній и письма къ ихъ соотечественникамъ; вмѣстѣ съ Л. Кассіемъ они требовали отъ нихъ немедленной присылки въ Италію конницы,—пѣхоты, по ихъ словамъ, у нихъ достаточно. Лентулъ-же, ссылаясь на предсказанія сибиллы и отвѣты гаруспиковъ, доказывалъ имъ, что онъ—тотъ третій изъ фамиліи Корнеліевъ, къ которому непремѣнно должна перейти неограниченная власть надъ нашимъ городомъ, — двое

первыхъ были Цинна и Сулла; по словамъ его-же, текущій годъ предназначенъ судьбой для гибели нашей столицы и государства,—онъ десятый послѣ оправданія привлеченныхъ къ суду весталокъ [43]).и двадцатый послѣ пожара Капитолія [44]). По словамъ депутатовъ, у Цетега вышло разногласіе съ товарищами: Лентулу и его партіи хотѣлось устроить рѣзню и поджечь городъ—въ Сатурналіи, Цетегу-же подобная отсрочка казалась слишкомъ долгой.

Чтобы не терять времени, я, граждане, распорядился принести письма, данныя, какъ говорили, каждымъ изъ обвиняемыхъ. Прежде всего, я показалъ Цетегу его печать; онъ призналъ ее за свою. Я разрѣзалъ шнуръ, прочелъ его письмо. Онъ собственноручно писалъ Сенату и народному собранію аллоброговъ о своемъ намѣреніи исполнить слово, данное имъ ихъ депутаціи, но просилъ и ихъ выполнить обязательства, принятыя предъ нимъ ихъ депутатами. Раньше, Цетегъ нашелся отвѣтить хоть что-нибудь относительно мечей и кинжаловъ, найденныхъ въ его квартирѣ, — по его словамъ, онъ всегда былъ большимъ любителемъ красиваго оружія — тутъ-же, по прочтеніи письма, смутился, былъ уничтоженъ—онъ сознавалъ свою вину—и вдругъ замолчалъ.

Ввели Статилія; онъ призналъ и свою печать, и руку. Прочитали его письмо, почти одинаковаго содержанія; онъ сознался. Тогда я показалъ Лентулу его письмо и спросилъ, узнаетъ-ли онъ свою печать; онъ утвердительно кивнулъ головою. — «Да, это хорошо извѣстная печать», сказалъ я, «это портретъ твоего знаменитаго дѣда [45]), любившаго родину и своихъ согражданъ такъ, какъ никто. Однѣ его, даже нѣмыя, черты должны были-бы удержать тебя отъ чудовищнаго преступленія»...

Затѣмъ прочитали его письмо къ Сенату и народному собранію аллоброговъ, содержаньемъ не отличавшееся отъ другихъ. Я далъ обвиняемому возможность отвѣчать. Сперва однако онъ отказался, но, немного погодя, когда всѣ показанія были уже сняты и внесены въ про-

токолъ, всталъ и спросилъ галловъ, какія были у него дѣла съ ними, съ какой стати приходили они къ нему на квартиру; одинаковые вопросы задалъ онъ Волтурцію. Когда тѣ коротко и категорически объявили, кто столько разъ водилъ ихъ къ нему, и спросили его, неужели онъ ничего не говорилъ съ ними о сибиллиныхъ книгахъ, тогда онъ моментально растерялся отъ сознанія своего преступленія, показалъ всю силу угрызеній совѣсти: въ то время какъ онъ могъ еще оправдываться въ взводимыхъ на него обвиненіяхъ, онъ вдругъ, сверхъ всякаго ожиданія, сознался. Такимъ образомъ, его покинули не только общеизвѣстныя свойства его характера, его находчивость въ разговорѣ, всегда сильное оружіе въ его рукахъ, но даже его наглость, которою онъ старался превзойти всѣхъ, и нахальство,—такъ поразило его разоблаченіе мельчайшихъ подробностей его тяжкаго преступленія.

Неожиданно Волтурцій велѣлъ принести и вскрыть письмо, адресованное, по его словамъ, Лентуломъ для личной передачи Катилинѣ. Хотя Лентулъ въ эту минуту находился въ страшномъ замѣшательствѣ, все-же у него хватило духу признать и свою печать, и руку. Письмо было безъ подписи, слѣдующаго содержанія: «Кто я, — узнаешь отъ посланнаго. Старайся показать себя мужчиной, помни, какъ далеко ты зашелъ, и обрати вниманіе, чтò еще необходимо тебѣ сдѣлать. Старайся искать себѣ помощниковъ вездѣ, даже среди рабовъ» [46])... Когда потомъ ввели Габинія, онъ началъ было нахально запираться, но, въ концѣ концовъ, сознался во всемъ, въ чемъ обвиняли его галлы.

Хотя, граждане, въ моихъ глазахъ, самыми вѣрными уликами и доказательствами существованія заговора были письма, печати, подписи, наконецъ, признанія каждаго изъ обвиняемыхъ, но еще вѣрнѣй выдавали ихъ цвѣтъ лица и его выраженье, взглядъ, молчаніе, — они такъ остолбенѣли, такъ пристально смотрѣли въ землю, такъ переглядывались по временамъ украдкой другъ съ

другомъ, что, казалось, сами себя обвиняли, а не были обвиняемы посторонними.

Послѣ снятія и внесенія показаній въ протоколъ, я, граждане, спросилъ Сенатъ, какъ угодно ему поступить въ вопросѣ, касающемся существованія государства. Старшіе изъ сенаторовъ высказали въ самыхъ энергичныхъ и горячихъ выраженіяхъ мнѣнія, принятыя Сенатомъ безъ всякихъ поправокъ. Такъ какъ рѣшеніе Сената еще не облечено въ оффиціальную форму, я постараюсь познакомить васъ, граждане, съ содержаніемъ сенатскаго декрета—по памяти.

Прежде всего, въ немъ, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, благодарятъ меня за мою рѣшительность, распорядительность и предусмотрительность, спасшія государство отъ величайшихъ опасностей; затѣмъ воздаютъ заслуженную, должную похвалу преторамъ, Л. Флакку и Г. Помптину, за ихъ искреннюю и мужественную готовность предоставить себя въ мое распоряженіе; отзываются съ хорошей стороны даже о моемъ энергичномъ коллегѣ, за несолидарность его убѣжденій съ убѣжденіями заговорщиковъ [47]) въ дѣлахъ личныхъ и государственныхъ. Далѣе, опредѣляютъ: П. Лентула лишить званія претора и подвергнуть домашнему аресту [48]); домашнему-же аресту рѣшено подвергнуть и всѣхъ оказавшихся на лицо — Г. Цетега, Л. Статилія и П. Габинія; одинаковая мѣра примѣнена къ Л. Кассію, требовавшему себѣ права распоряжаться поджогомъ столицы; къ М. Цепарію, получившему, какъ выяснило слѣдствіе, Апулію, для возбужденія возстанія между пастухами; къ П. Фурію, одному изъ колонистовъ, выведенныхъ Л. Суллой въ Фэзулы; къ Кв. Аннію Хилону, дѣятельному помощнику вышеупомянутаго Фурія въ дѣлѣ подстрекательства къ возстанію аллоброговъ, и къ отпущеннику П. Умбрену, какъ извѣстно, первымъ проведшему галловъ къ Габинію. Сенатъ, граждане, поступилъ снисходительно, въ надеждѣ спасти государство наказаніемъ девяти самыхъ отчаянныхъ преступниковъ изъ

массы внутреннихъ враговъ, на умы-же остальныхъ— повліять словомъ убѣжденія. Наконецъ, назначено въ честь меня благодарственное молебствіе безсмертнымъ богамъ [49]), за ихъ особенную милость къ намъ, — достичь чего мирнымъ путемъ, отъ самаго основанія города, выпало на долю мнѣ — «за то», говорится въ декретѣ, «что я спасъ столицу отъ пожара, ея населеніе отъ смерти, Италію отъ войны». Если сравнить поводъ къ настоящему молебствію съ поводами къ остальнымъ молебствіямъ, между ними, пожалуй, окажется разница въ томъ, что прежнія назначались за хорошее управленіе государствомъ, нынѣшнее, единственное, — за его спасеніе.

Чтò слѣдовало сдѣлать всего прежде, сдѣлано, приведено въ исполненіе: хотя П. Лентулъ, уличенный какъ свидѣтельскими показаніями, такъ и собственнымъ признаніемъ, лишенъ, по опредѣленію Сената, не только претуры, но и гражданскихъ правъ, онъ все-таки и лично отказался отъ должности, слѣдовательно, мы можемъ со спокойною совѣстью наказать П. Лентула, не состоящаго на государственной службѣ, какъ знаменитый Г. Марій могъ со спокойною совѣстью убить Г. Главцію, претора, относительно котораго не было издаваемо никакихъ именныхъ декретовъ.

Вы должны теперь понять, граждане, что послѣ милованія угрожавшихъ столицѣ опасностей Катилина лишился всякой поддержки; всѣ его надежды и разсчеты рушились: преступные виновники самой гнусной и опасной войны уже въ вашихъ рукахъ, въ вашемъ распоряженіи. По крайней мѣрѣ, приглашая выйти его изъ города, я, граждане, зналъ заранѣе, что, съ уходомъ Катилины, мнѣ нечего будетъ бояться ни сони П. Лентула, ни толстяка Л. Кассія, ни бѣшенаго наглеца Г. Цетега. Изъ всѣхъ этихъ негодяевъ страшенъ былъ одинъ онъ, но и то до тѣхъ поръ, пока находился въ стѣнахъ столицы. Онъ все зналъ, умѣлъ подойти къ каждому, могъ, не стѣсняясь, втянуть его въ разговоръ, выпытать его

убѣжденія, разжечь его; онъ былъ изобрѣтателенъ и, приводя въ исполненіе свои планы, умѣлъ дѣйствовать и словомъ, и личнымъ примѣромъ. Далѣе, для извѣстныхъ порученій у него были извѣстныя лица, испытанныя и раздѣленныя на группы. Давая однако какое-нибудь порученіе, онъ не считалъ его исполненнымъ. Во все онъ входилъ личню, помогая, не смыкая глазъ по ночамъ, трудясь, причемъ могъ переносить холодъ, жажду, голодъ.

Если-бъ я не выгналъ изъ засады въ городѣ и не заставилъ пуститься въ открытый разбой этого столь энергичнаго, столь наглаго, столь рѣшительнаго, столь хитраго, столь сжившагося съ преступленіемъ, столь любящаго всякую подлость человѣка, не легко было-бы мнѣ,—хочу говорить, чтò чувствую, граждане,—предотвратить страшную опасность, угрожавшую вашей жизни. Онъ не отложилъ-бы рѣзни до Сатурналій, не объявилъ-бы задолго рокового дня гибели государства, не позволилъ-бы попасть въ наши руки своимъ печатямъ и письмамъ, словомъ, несомнѣннымъ доказательствамъ заговора. Но въ его отсутствіе дѣла ведутъ теперь такъ, что врядъ-ли кража, совершенная въ какомъ-либо частномъ домѣ, была открыта до того ясно, до чего хорошо открыто и обнаружено существованіе заговора, съ которымъ мы имѣли дѣло,—въ государствѣ. Если-бъ Катилина оставался у насъ въ городѣ до сегодняшняго дня,—хотя я и продолжалъ-бы предупреждать всѣ его замыслы, старался-бы мѣшать имъ, намъ все-таки пришлось-бы, по меньшей мѣрѣ, побороться съ нимъ; пока врагъ нашъ находился-бы въ столицѣ, никогда не удалось-бы намъ спасти государство отъ грозныхъ опасностей такъ мирно, такъ спокойно, такъ тихо...

Впрочемъ, все это, граждане, я привелъ въ исполненіе при такихъ условіяхъ, что со стороны можно думать, что все сдѣлано и предусмотрѣно по волѣ и желанію безсмертныхъ боговъ. Къ подобному заключенію мы можемъ придти по одному уже тому, что человѣческій умъ едва-ли могъ-бы управиться съ такою массою дѣлъ; но

лучшимъ доказательствомъ ихъ несомнѣннаго горячаго заступничества при переживаемыхъ нами обстоятельствахъ является то, что мы могли видѣть его чуть не собственными глазами. Если даже я обойду молчаніемъ общеизвѣстные факты,—наблюдавшіеся на западной половинѣ горизонта [50]) болиды (?), озарявшіе своимъ блескомъ вечернее небо *); если не буду напоминать объ громовыхъ ударахъ при безоблачномъ небѣ, землетрясеніяхъ и объ остальныхъ явленіяхъ, которыми мое консульство было такъ богато, что, казалось, безсмертные боги предрекали настоящее,—нельзя, граждане, ни пропустить мимо ушей, ни преднамѣренно оставить безъ вниманія, по крайней мѣрѣ, то, о чемъ я хочу говорить вамъ.

Вы, разумѣется, не забыли, въ консульство Котты и Торквата, молнія испортила, въ Капитоліи, массу предметовъ, причемъ статуи боговъ оказались сдвинутыми съ мѣста, бюсты нѣкоторыхъ нашихъ предковъ опрокинутыми, мѣдныя таблицы законовъ расплавленными [51]); не пощажена была даже стоявшая въ Капитоліи бронзовая статуя основателя нашего города, Ромула: помните, онъ былъ представленъ груднымъ ребенкомъ, тянущимся къ соскамъ волчицы [52]). Созванные тогда гаруспики со всей Етруріи [53]) объявили о приближеніи эпохи убійствъ, пожаровъ, неповиновенія законамъ, эпохи междоусобной, гражданской войны и гибели, грозящей столицѣ и всему государству, если только безсмертнымъ богамъ, умилостивленнымъ всевозможными способами, не будетъ угодно измѣнить своей волей почти назначенное самою судьбой. И вотъ, на основаніи ихъ отвѣтовъ, устроили тогда, съ одной стороны, десятидневныя игры, съ другой—приняли во вниманіе все, для умилостивленія гнѣва боговъ. Гаруспики-же приказали сдѣлать статую Юпитера выше, поставить на высокомъ пьедесталѣ, лицомъ къ востоку [54]), въ противоположномъ прежнему направленіи: если находя-

*) Едва-ли здѣсь можетъ, по нашему мнѣнію, идти рѣчь о сѣверномъ сіяніи, наблюдаемомъ въ сѣверной части горизонта.

щаяся теперь предъ вами статуя будетъ, говорили они, смотрѣть на востокъ, на форумъ и курію, мы надѣемся, тайные замыслы противъ безопасности города и государства будутъ разоблачены на столько, что сдѣлаются извѣстными Сенату и народу римскому. Вышеупомянутые консулы отдали подрядъ на производство работъ по постановкѣ статуи [55]); но онѣ велись такъ вяло, что ее не успѣли поставить ни въ одно изъ предшествовавшихъ консульствъ, ни въ мое – раньше сегодняшняго дня.

Найдется-ли, въ данномъ случаѣ, граждане, такой пристрастный, такой легкомысленный, такой глупый человѣкъ, который станетъ отрицать, что все находящееся у насъ предъ глазами, въ особенности наша столица, управляется волей могущественныхъ безсмертныхъ боговъ?—Когда намъ объявили, что у насъ въ государствѣ идутъ приготовленія къ рѣзнѣ и пожарамъ; что ему грозитъ гибель, притомъ со стороны его-же гражданъ, нѣкоторымъ это казалось тогда невѣроятнымъ, вслѣдствіе чудовищности задумываемаго преступленія,—между тѣмъ вы знаете, наши потерянные нравственно граждане не только составили такой планъ, но и рѣшили привести въ исполненіе... Развѣ нельзя видѣть ясно выраженной воли Юпитера Подателя благъ и Владыки и въ томъ, что статую его ставили въ то самое время, когда сегодня утромъ заговорщиковъ вмѣстѣ съ ихъ обвинителями вели, по моему приказанію, черезъ форумъ въ храмъ Согласія?.. Когда ее поставили лицомъ къ вамъ и зданію Сената,—и вы, и Сенатъ увидѣли раскрытыми до мельчайшихъ подробностей всѣ замыслы противъ общей безопасности.

Тѣмъ большей ненависти и наказанія заслуживаютъ негодяи, пытавшіеся поджечь своими злодѣйскими и кощунственными руками не только вашъ мирный кровъ, но и храмы и святилища боговъ. Я приписалъ-бы себѣ слишкомъ многое, показался-бы дерзкимъ, если-бъ сказалъ, что помѣшалъ имъ исполнить ихъ намѣреніе — я: нѣтъ, тому помѣшалъ онъ, онъ, Юпитеръ; онъ поже-

лалъ спасти Капитолій, онъ—эти храмы, онъ—весь городъ, онъ—жизнь всѣхъ васъ! Боги безсмертные избрали меня лишь своимъ орудіемъ, — они внушили мнѣ мои мысли и намѣренія и помогли добыть столь важныя показанія [56]). Если-бъ безсмертные боги не лишили отчаянныхъ наглецовъ разсудка, Лентулъ и наши остальные внутренніе враги никогда, очевидно, не довѣрили-бы такъ безумно такой важной тайны, какъ заговоръ,—аллоброгамъ, людямъ имъ неизвѣстнымъ и иностранцамъ, никогда не дали-бы имъ писемъ отъ своего имени. Неужели вы отказываетесь видѣть помощь неба и въ томъ, что галлы, принадлежащіе къ племени не совсѣмъ еще замиренному [57]), единственный народъ, который въ силахъ пока вести войну съ римлянами и, кажется, далеко не прочь начать ее, не обращаютъ вниманія на неожиданно обѣщанную имъ патриціями власть и блестящія выгоды и предпочитаютъ спасти васъ, жертвуя своими интересами,—тѣмъ болѣе, что побѣдить насъ они могли не оружіемъ, а молчаніемъ?..

Такъ какъ во всѣхъ храмахъ, граждане, назначено благодарственное молебствіе, празднуйте наступающіе дни вмѣстѣ со своими дѣтьми и женами: часто воздавался безсмертнымъ богамъ цѣлый рядъ справедливыхъ, заслуженныхъ почестей, но болѣе законныхъ—безспорно никогда. Вы спасены отъ самой жестокой и позорной смерти и спасены безъ рѣзни, безъ кровопролитія, безъ содѣйствія вооруженной силы, безъ борьбы,—вы одержали побѣду путемъ мирнымъ; не снималъ платья мира и я, вашъ единственный вождь и начальникъ. Припомните, граждане, всѣ внутреннія волненія, не только тѣ, съ которыми знакомы по разсказамъ, но и тѣ, которыхъ вы сами были свидѣтелями и очевидцами. Л. Сулла круто поступилъ съ П. Сульпиціемъ, заставилъ его удалиться изъ города, какъ и «оплотъ» нашего города, Г. Марія, массу-же достойныхъ людей частью заставилъ удалиться изъ государства, частью казнилъ. Консулъ Гн. Октавій съ помощью солдатъ выгналъ изъ столицы своего товарища

по должности, покрылъ все это мѣсто грудами труповъ и залилъ кровью гражданъ. Затѣмъ настало время торжества партіи Цинны и Марія, и тогда, въ лицѣ убитыхъ лучшихъ людей, погасли звѣзды, озарявшія государство своимъ блескомъ. Затѣмъ явился Сулла мстителемъ за кровавую побѣду своихъ противниковъ,—и нечего и говорить, какъ порѣдѣли ряды гражданъ [58]), какъ жестоко пострадало государство. Разошелся во взглядахъ М. Лепидъ съ знаменитымъ, достойнымъ Кв. Катуломъ—и государству не такъ тяжела была смерть лично его, какъ другихъ. Однако-жъ всѣ тѣ несогласія, граждане, клонились не къ уничтоженію государства, а къ политическому перевороту; ихъ виновники не задавались цѣлью не имѣть никакого государства,—они просто хотѣли играть въ немъ главную роль, не дѣлая перемѣнъ въ его устройствѣ, намѣревались не выжигать нашъ городъ, но блистать въ нашемъ городѣ. Но всѣ тѣ несогласія, хотя и никогда не имѣвшія въ виду гибели государства, кончались не братскимъ примиреніемъ, а рѣзнею гражданъ, и только въ этой самой ужасной и кровавой войнѣ, какую лишь помнитъ міръ, войнѣ, какой никогда не вело со своимъ народомъ ни одно иностранное правительство, войнѣ, гдѣ Лентулъ, Катилина, Цетегъ и Кассій постановили правиломъ считать врагами всѣхъ, кто желалъ-бы поправить свои дѣла при условіи существованія города, я, граждане, принялъ такія мѣры, что всѣ вы остались невредимыми, и, въ то время какъ ваши враги думали, что изъ гражданъ останутся только тѣ, кто уцѣлѣетъ отъ нескончаемой рѣзни, отъ столицы — только то, чего не охватитъ пламя, — сумѣлъ сохранить цѣлыми и невредимыми и городъ, и его гражданъ!

За свои важныя услуги я, граждане, требую отъ васъ не наградъ за свое мужество, не почетныхъ знаковъ отличія, не побѣдныхъ памятниковъ, но одного, — не забывайте никогда о сегодняшнемъ днѣ; пусть всѣ мои тріумфы, всѣ почетныя украшенія, всѣ памятники славы, всѣ выраженья похвалы заключаются въ глубокой признатель-

ности вашихъ сердецъ!—Ни одинъ нѣмой, ни одинъ молчаливый памятникъ, вообще, все, чего въ состояніи добиться и не вполнѣ достойные люди, не дорогъ для меня. Только въ вашей памяти, граждане, не умрутъ мои подвиги; изъ устъ въ уста станутъ переходить разсказы о нихъ, неизгладимыми словами будутъ написаны они на страницахъ исторіи. Я твердо убѣжденъ, что одному и тому-же дню — надѣюсь, онъ будетъ незабвенъ — суждено послужить и къ благоденствію столицы, и къ увѣковѣченію памяти о моемъ консульствѣ, какъ одновременно жить въ нашемъ государствѣ — двумъ гражданамъ, изъ которыхъ одному [59]) пришлось сдѣлать границей вашего государства не землю, а небо, другому — сохранить столицу, главный городъ того-же государства.

Но, такъ какъ результаты и судьбу моихъ подвиговъ нельзя сравнивать съ результатами и судьбой подвиговъ тѣхъ, кто кончилъ войну съ внѣшними врагами, — мнѣ надо жить съ людьми, которыхъ я окончательно побѣдилъ, они-же оставили своихъ враговъ или убитыми, или лишенными возможности вредить,—на васъ, граждане, лежитъ обязанность позаботиться, чтобы мои поступки не послужили рано или поздно во вредъ мнѣ, если другимъ ихъ заслуги справедливо оказываются полезными: я старался лишить въ высшей степени дерзкихъ людей возможности вредить вамъ своими преступными, гнусными планами, вашъ долгъ—лишить ихъ возможности вредить мнѣ. Впрочемъ, вредить лично мнѣ, граждане, они уже не въ силахъ: я нашелъ сильныхъ и неизмѣнныхъ сторонниковъ въ лицѣ патріотовъ; меня всегда будетъ защищать молча крѣпкая правительственная власть; много значитъ, кромѣ того, и сознаніе собственной правоты; кто не обратитъ на это вниманія, желая оскорбить меня, самъ себѣ произнесетъ приговоръ.

Есть во мнѣ, граждане, и гражданское мужество, вслѣдствіе чего я не только не молчу ни передъ однимъ наглецомъ, но и всегда самъ иду навстрѣчу всѣмъ негодяямъ: итакъ, если нападеніе внутреннихъ враговъ, отъ

котораго вы защищены, обрушится всей силой исключительно на меня, вамъ, граждане, нужно подумать о будущемъ положенiи тѣхъ, кто ради вашей пользы сталъ жертвой ненависти и всевозможныхъ опасностей. Лично меня можетъ-ли что радовать въ жизни, въ особенности когда ни въ предѣлахъ раздаваемыхъ вами отличiй, ни въ отношенiи славы своихъ заслугъ я не вижу ни одной болѣе высокой ступени, на которую мнѣ хотѣлось-бы подняться [60])? Разумѣтся, граждане, я постараюсь, въ качествѣ частнаго человѣка, поддерживать память о сдѣланномъ мною въ качествѣ консула, не дать померкнуть ей, чтобы, если за спасенiе государства мнѣ придется выдержать бурю ненависти, она унизила моихъ ненавистниковъ, но послужила къ моей чести. Словомъ, я стану вести себя въ политической жизни такъ, что мои заслуги будутъ постоянно передъ глазами у меня, и постараюсь доказать, что онѣ дѣло личнаго мужества, а не слѣпого случая.

Помолитесь-же, граждане, Юпитеру, ему, покровителю нашего города и васъ,—уже ночь—расходитесь по домамъ, но, хотя опасность уже миновала, караульте ихъ день и ночь, какъ вы дѣлали до вчерашняго дня. Я, со своей стороны, постараюсь избавить васъ отъ дальнѣйшей обязанности дѣлать это, доставить вамъ возможность пользоваться полнымъ спокойствiемъ.

Рѣчь четвертая

(произнесенная въ храмѣ Согласiя).

Гг. сенаторы! На меня, вижу я, обращены всѣ ваши взоры, все вниманiе, я вижу, сердце ваше бьется отъ страха за опасность, грозящую не только вамъ лично и государству, но и мнѣ, если предположить, что первая миновала. Ваше участiе ко мнѣ радуетъ меня въ моемъ горѣ, утѣшаетъ въ печали, но, заклинаю васъ безсмертными богами, отрѣшитесь отъ этого чувства, перестаньте заботиться обо мнѣ,—подумайте лучше о себѣ и своихъ

дѣтяхъ!.. Если мнѣ въ свое консульство суждено переносить всевозможныя непріятности, всевозможныя нравственныя муки и страданія, я готовъ переносить ихъ не только съ твердостью, но даже съ радостью, лишь-бы мои труды послужили во славу и благо вамъ и народу римскому.

Гг. сенаторы! Я тотъ несчастный *) консулъ, которому всегда грозила предательская смерть,—и на форумѣ, сосредоточіи всего правосудія, и на Марсовомъ полѣ, освящаемомъ авспиціями передъ выборами консуловъ, и въ Сенатѣ, лучшемъ защитникѣ народовъ міра, и въ стѣнахъ дома, гдѣ безопасенъ всякій, кромѣ меня [61]), и на постели, предназначенной для сна, наконецъ, здѣсь на почетномъ мѣстѣ, гдѣ я сижу, — курульномъ креслѣ. О многомъ умолчалъ я, многое оставилъ безъ вниманія, сдѣлалъ много уступокъ, многое залечилъ отчасти своею собственною скорбью,—боясь за васъ. Если теперь безсмертнымъ богамъ угодно послѣдніе дни моего консульства ознаменовать избавленіемъ васъ, гг. сенаторы, и народа римскаго — отъ самой ужасной смерти, женъ, дочерей вашихъ и весталокъ—отъ самаго грубаго оскорбленія, *храмы, святилища и нашу красавицу-столицу*, родину всѣхъ насъ,—отъ всепожирающаго пламени, всю Италію — отъ опустошительной войны: какой-бы ударъ судьбы ни обрушился на одного меня,—я готовъ вынести его. Если П. Лентулъ, обманутый предсказаніями, считалъ свое имя неразрывно связаннымъ съ гибелью государства, почему-жъ не радоваться мнѣ, что мое консульство, если можно выразиться, неразрывно связано съ спасеніемъ государства?..

Подумайте-же, гг. сенаторы, о себѣ, позаботьтесь объ отечествѣ, старайтесь спасти себя, своихъ женъ и дѣтей, свою собственность, крѣпче стойте за честь и благоденствіе римскаго народа, меня-же перестаньте жалѣть, обо мнѣ перестаньте думать: прежде всего, смѣю надѣяться,

---

*) Такъ позволяемъ мы себѣ перевести: Ego sum ille consul.

всѣ боги-покровители нашего города воздадутъ мнѣ по моимъ заслугамъ; затѣмъ, если, что случится, я умру спокойно, съ готовой къ этому душою: не можетъ быть смерть позорной для человѣка смѣлаго, преждевременной — для консула [62]), нежелательной — для человѣка, усвоившаго философскій взглядъ на вещи. Но въ груди моей не желѣзное сердце, чтобы мнѣ не тронуться страданьями своего дорогого, горячо любимаго, присутствующаго здѣсь брата или грустнымъ выраженьемъ лицъ всѣхъ, какъ вы видите, окружающихъ меня, въ эту минуту. Часто мысль моя переносится въ кругъ моей семьи, — я оставилъ тамъ лежащую безъ чувствъ жену, упавшую духомъ отъ страха — дочь, малютку - сына, котораго государство какъ-бы лелѣетъ, точно залогъ моего славнаго консульства; наконецъ, въ глазахъ у меня стоитъ, ожидая, чѣмъ кончится сегодняшній день,—мой зять [63])... Все это трогаетъ меня, но въ томъ отношеніи, что я лучше желаю всѣмъ имъ спастись вмѣстѣ съ вами,—если-бъ какой либо ударъ разразился надо мной — нежели погибнуть какъ имъ, такъ и намъ вмѣстѣ съ государствомъ.

Не щадите-же, гг. сенаторы, своихъ силъ для спасенія государства, зорче слѣдите за всѣми тучами, готовыми разразиться надъ нами,—если не сумѣете во время разсѣять ихъ. Не Тиб. Гракха, пожелавшаго вторично сдѣлаться народнымъ трибуномъ [64]), не Г. Гракха, пытавшагося поднять сторонниковъ аграрныхъ законовъ, не Л. Сатурнина, убійцу Г. Меммія, не ихъ приглашаютъ выслушать такой или иной вашъ приговоръ, привлекаютъ къ вашему строгому суду: въ нашемъ распоряженіи лица, оставшіяся въ Римѣ съ цѣлью поджечь городъ, перерѣзать всѣхъ васъ, впустить Катилину. Въ нашемъ распоряженіи письма съ ихъ подписями и печатями; наконецъ, каждый изъ нихъ сознался въ отдѣльности; они подготовляютъ возстаніе аллоброговъ, поднимаютъ рабовъ, зовутъ Катилину... Умертвить всѣхъ, не оставивъ никого, кто могъ-бы оплакать померкшую славу

народа римскаго и оросить слезами развалины огромнаго государства,—вотъ ихъ намѣреніе!

Обо всемъ этомъ доносчики доставили свѣдѣнія; виновные сознались; вы—нѣсколько разъ высказывали свои взгляды: во-первыхъ, въ самой лестной формѣ выразили мнѣ свою благодарность и объявили публично, что, благодаря моей энергіи и бдительности, открытъ заговоръ, составленный отчаянными негодяями; во-вторыхъ, заставили П. Лентула сложить съ себя званіе претора; далѣе, рѣшили подвергнуть его домашнему аресту вмѣстѣ съ прочими, относительно которыхъ высказали свое мнѣніе, но—всего важнѣе—назначили въ честь меня благодарственное молебствіе, чего до меня не удостоивался изъ гражданскихъ лицъ никто; наконецъ, вчера вы щедро наградили аллоброгскихъ депутатовъ и Тита Волтурція. Все это даетъ право думать, что лица, номинально отданныя вами подъ арестъ, внѣ всякаго сомнѣнія—осуждены вами.

Тѣмъ не менѣе, гг. сенаторы, я рѣшилъ какъ-бы въ первый разъ представить это дѣло на ваше благоусмотрѣніе и узнать, съ одной стороны, какъ смотрите вы на самый фактъ, съ другой—что̀ думаете относительно наказанія виновныхъ. Позволяю себѣ высказаться предварительно по обязанности консула.

Давно уже замѣчалъ я, что въ государствѣ господствуетъ сильное броженіе умовъ, затѣвается, подготовляетсякакой-то политическій переворотъ;но,чтобыоткрытый теперь,такой обширный, такой опасный заговоръ былъ составленъ гражданами, я никогда не ожидалъ. Какъ-бы то ни было, куда ни склонялись-бы ваши взгляды и заявленія, намъ необходимо теперь постановить свой приговоръ, притомъ до вечера [65]). Какъ громаденъ заговоръ, о которомъ сдѣланъ вамъ докладъ, вы видите. Если, по вашему мнѣнію, кругъ его распространенія тѣсенъ,—вы жестоко ошибаетесь. Зараза эта разнесена на гораздо большемъ пространствѣ, чѣмъ думаютъ; она прошла не только по Италіи, но перекинулась даже чрезъ Альпы и

пресмыкаясь незамѣтно, точно змѣя, успѣла охватить много провинцій. Уничтожить ее проволочками и отсрочками отнюдь нельзя. Къ какимъ средствамъ ни пожелали-бы вы прибѣгнуть, ваша кара должна быть быстрой.

Пока мнѣ извѣстны на этотъ счетъ два мнѣнія: одно Д. Силана, который считаетъ тѣхъ, кто покушался разрушить нашъ городъ, заслуживающими смерти, другое — Г. Цезаря, являющагося противникомъ смертной казни, но не возражающаго противъ примѣненія всѣхъ остальныхъ тяжелыхъ наказаній [66]). Оба стоятъ на почвѣ самыхъ крутыхъ мѣръ, что̀ вполнѣ понятно и при ихъ высокомъ положеніи, и при серьезности преступленія. По мнѣнію перваго, люди, пытавшіеся лишить жизни всѣхъ насъ, уничтожить наше государство, заставить забыть имя народа римскаго, не должны жить ни минуты, дышать съ нами однимъ воздухомъ, причемъ онъ указываетъ на примѣры неоднократнаго примѣненія подобнаго наказанія къ преступнымъ гражданамъ у насъ въ государствѣ. По убѣжденію второго, боги безсмертные назначили смерть не въ видѣ наказанія—она или законъ природы, или средство успокоенья отъ трудовъ и несчастій [67]), вслѣдствіе чего философы всегда встрѣчали ее охотно, люди мужественные — нерѣдко даже съ радостію; что-же касается заключенія, вдобавокъ пожизненнаго,—оно навѣрное придумано въ качествѣ необыкновеннаго наказанія за ужасное преступленіе. Онъ предлагаетъ водворить ихъ въ муниципіяхъ. Если привести данную мѣру въ исполненіе насильно,—будетъ, пожалуй, несправедливо, если просить, — трудно разсчитывать на успѣхъ. Впрочемъ, если угодно, рѣшайте въ этомъ смыслѣ; я берусь уладить дѣло и, надѣюсь, найду людей, которые сочтутъ оскорбительнымъ для себя отказаться и помогутъ привести въ исполненіе то, что̀ вы постановите въ общихъ интересахъ. Затѣмъ, за способствованіе осужденныхъ къ побѣгу населеніе муниципій подвергается, по его предложенію, тяжелой отвѣтственности; арестантовъ онъ окружаетъ суровымъ конвоемъ, соотвѣтственно преступленію этихъ

негодяевъ, предлагаетъ объявить, чтобы никто не смѣлъ ходатайствовать предъ Сенатомъ или народнымъсобраніемъ смягченіи участи осужденныхъ имъ и отнимаетъ у нихъ даже надежду, обыкновенно единственное утѣшеніе человѣка въ несчастіи [68]). Сверхъ того, онъ предлагаетъ конфисковать ихъ имущество; одну лишь жизнь оставляетъ онъ злодѣямъ. Но, если-бъ онъ отнялъ ее у нихъ, онъ избавилъ-бы ихъ, заставивъ пострадать разъ, отъ цѣлаго ряда нравственныхъ и физическихъ страданій и всякаго дальнѣйшаго наказанія за ихъ преступленія. Вотъ почему злыхъ людей ждали за гробомъ, по увѣренію древнихъ, извѣстныя мученія въ родѣ вышеупомянутыхъ,—надо-же было придумать какую-нибудь острастку злымъ людямъ при жизни: ихъ противники очевидно понимали, что безъ этого смерть сама по себѣ перестала-бы казаться страшной...

Теперь, гг. сенаторы, я хочу сказать, какой приговоръ желателенъ для меня. Если вы примете мнѣніе Г. Цезаря, мнѣ, пожалуй, придется меньше бояться нападокъ со стороны народной партіи, когда вышеупомянутое мнѣніе подалъ и отстаиваетъ онъ,—въ политикѣ онъ идетъ по «народному» пути [69])—если-же вы согласитесь съ другимъ высказаннымъ раньше мнѣніемъ, мнѣ предстоитъ едва-ли не больше хлопотъ. Но соображеніями о личной безопасности слѣдуетъ жертвовать ради интересовъ государства. Мнѣніе, поданное Г. Цезаремъ, достойно и его самого, и его знаменитыхъ предковъ и служитъ въ своемъ родѣ ручательствомъ его неизмѣнной преданности правительству. Тутъ видна разница между демагогомъ, человѣкомъ минуты, и настоящимъ демократомъ, заботящимся объ интересахъ демократіи, а то я замѣчаю, нѣкоторые изъ разыгрывающихъ изъ себя демократовъ блистаютъ своимъ отсутствіемъ [70]),—очевидно, чтобы не подавать своего голоса въ процессѣ, гдѣ рѣшается вопросъ о жизни римскихъ гражданъ. Межъ тѣмъ они распорядились третьяго дня подвергнуть домашнему аресту—римскихъ-же гражданъ и назначили въ честь мою благо-

дарственное молебствіе, вчера — щедро наградили обвинителей. Въ настоящее время никто не сомнѣвается, какъ взглянулъ на самый фактъ преступленія и процессъ тотъ, кто виновныхъ распорядился подвергнуть домашнему аресту, слѣдователю—выразить свою признательность, обвинителя — наградить. Конечно, Г. Цезарь знаетъ, что Семпроніевъ законъ изданъ въ интересахъ римскихъ гражданъ; затѣмъ, что тотъ, кто врагъ государства, отнюдь не можетъ считаться гражданиномъ, наконецъ, что самъ авторъ Семпроніева закона поплатился по волѣ государственной власти и противъ желанія народа. Равнымъ образомъ онъ не думаетъ, что даже извѣстный своими широкими тратами и пожертвованіями Лентулъ лично не можетъ больше называться другомъ народа, разъ онъ мечталъ о гибели римскаго народа и уничтоженіи нашего города, заглушая въ себѣ всякое чувство состраданія, вслѣдствіе чего этотъ чрезвычайной мягкій, съ предобрымъ сердцемъ человѣкъ не задумывается присудить П. Лентула... къ пожизненному заключенію въ тюрьмѣ и ставить на будущее время закономъ, чтобы никто не смѣлъ хвастаться смягченьемъ его наказанія и снискивать затѣмъ себѣ имя демократа цѣной гибели римскаго народа. Онъ предлагаетъ также конфисковать имущество осужденныхъ, чтобы послѣ всевозможныхъ нравственныхъ и физическихъ страданій они познакомились съ полнѣйшею нищетой!..

Итакъ, если вы примете послѣднее предложеніе, вмѣстѣ со мной будетъ, благодаря вамъ, дѣлать докладъ въ народномъ собраніи человѣкъ, пользующійся лучшими симпатіями народа, но, если предпочтете принять предложеніе Силана, я легко сниму съ себя и васъ упрекъ со стороны римскаго народа въ жестокости и докажу, что ея въ данномъ случаѣ много меньше, нежели въ другомъ. Впрочемъ, гг. сенаторы, можетъ-ли быть рѣчь о жестокости, когда дѣло идетъ о наказаніи за столь чудовищное преступленіе? Я сужу, конечно, по своему собственному чувству: какъ вѣрно то, что мнѣ

хочется до конца своихъ дней радоваться съ вами спасенію государства, такъ очевидно и то, что, если я въ данномъ случаѣ поступаю строже обыкновеннаго, мной руководитъ не чувство жестокости,—кто мягче меня?—но чувства высшей гуманности и милосердія: въ моемъ воображеніи встаетъ разомъ истребленная цѣлымъ моремъ пламени наша столица, первый по красотѣ городъ міра, защита всѣхъ народовъ; мнѣ грезятся груды не нашедшихъ себѣ могилы труповъ несчастныхъ гражданъ, лежащихъ на могилѣ своей родины; мнѣ чудится звѣрское лицо упивающагося вашей кровью Цетега; когда-же я представляю себѣ монарха Лентула,—онъ надѣялся, по собственному признанію, достичь этого на основаніи предсказаній—его придворнаго, негодяя-Габинія или вступившаго въ городъ со своимъ войскомъ Катилину: тогда я прихожу въ ужасъ при одной мысли о рыданіяхъ матерей семействъ, бѣгствѣ дѣвушекъ и мальчиковъ, оскорбленіи весталокъ, а разъ эта картина кажется мнѣ въ высшей степени ужасной и возмутительной, я неумолимо строгъ къ тѣмъ, кто хотѣлъ приготовить намъ подобное испытаніе. Если какой-нибудь отецъ семейства, когда рабъ зарѣжетъ у него дѣтей, убьетъ жену, сожжетъ домъ, не казнитъ этого раба самою мучительной смертью [71]), скажите, какъ назвать его, воплощеннымъ-ли милосердіемъ, или въ высшей степени кровожаднымъ? Выродкомъ и безсердечнымъ считаю, по крайней мѣрѣ, я, того, кто не старается облегчить своего собственнаго горя и страданія горемъ и страданьемъ своего врага [72]). Такъ если и мы станемъ дѣйствовать съ безпощадной строгостью противъ людей, задумавшихъ убить насъ, нашихъ женъ, нашихъ дѣтей, покушавшихся разрушить дома каждаго изъ насъ въ отдѣльности, вмѣстѣ съ міровой столицей нашего государства, стремившихся на развалинахъ нашего города, дымномъ пожарищѣ нашей власти поселить племя аллоброговъ, насъ всетаки назовутъ милосердыми; но, если вздумаемъ дѣйствовать черезъ-чуръ мягко, намъ придется

вынести упрекъ въ величайшей жестокости тамъ, гдѣ дѣло шло о гибели отечества и его гражданъ. Вѣдь никому-же не показался слишкомъ жестокимъ человѣкъ вполнѣ независимыхъ убѣжденій и горячій патріотъ, Л. Цезарь [73]), когда онъ громко сказалъ третьяго дня, въ присутствіи мужа своей сестры, прекрасной во всѣхъ отношеніяхъ женщины, что того слѣдуетъ казнить, и когда сказалъ, что дѣда его приказалъ убить консулъ, молодого-же сына перваго, отправленнаго отцомъ въ качествѣ переговорщика,—зарѣзали въ тюрьмѣ? Но что-же общаго между поступками ихъ и Лентула? Развѣ они хотѣли уничтожить правительственную власть?—Нѣтъ, среди тогдашнихъ государственныхъ дѣятелей царила страсть быть щедрыми и велась борьба партій [74]),—и въ это-то время знаменитый дѣдъ нашего Лентула, съ оружіемъ въ рукахъ, гнался за Гракхомъ; тогда онъ даже получилъ тяжелую рану, не желая поступаться интересами высшей государственной власти, внукъже его для окончательной гибели государства приглашаетъ галловъ, подстрекаетъ къ возстанію рабовъ, зоветъ Катилину; насъ поручаетъ онъ перерѣзать Цетегу, убить прочихъ гражданъ—Габинію, выжечь столицу—Кассію, разграбить и опустошить всю Италію—Катилинѣ. Мнѣ кажется, вы боитесь показаться въ какомъ-нибудь отношеніи черезъ-чуръ суровыми—своимъ приговоромъ въ этомъ столь ужасномъ и чудовищномъ преступленіи, между тѣмъ несравненно болѣе нужно бояться показаться жестокими къ своему отечеству—смягченіемъ наказанія, чѣмъ строгостью своей кары—не въ мѣру суровыми къ заклятымъ своимъ врагамъ.

Однако не могу скрыть того, что ясно слышу, гг. сенаторы: раздаются доходящіе до моихъ ушей голоса со стороны тѣхъ, кто, повидимому, опасается, хватитъли у меня вооруженной силы привести въ исполненіе вашъ сегодняшній приговоръ. Все принято во вниманіе, подготовлено, сдѣлано, гг. сенаторы, благодаря, съ одной стороны, моей примѣрной заботливости и внима-

вію, съ другой,—еще болѣе—рѣшимости римскаго народа отстоять свою свободу и спасти собственность каждаго. На лицо всѣ представители всѣхъ сословій, наконецъ, всѣхъ возрастовъ; ими полонъ форумъ, полны окружающіе форумъ храмы, полны всѣ улицы, ведущія къ храму, мѣсту нашего засѣданія: отъ самаго основанія города настоящее дѣло — единственное, гдѣ всѣ воодушевлены совершенно одинаковыми чувствами, кромѣ тѣхъ развѣ, кто, предъ лицомъ неминуемой гибели, предпочли погибнуть вмѣстѣ съ другими, нежели одни.

Этихъ людей я исключаю и съ радостью отдѣляю отъ нашей среды,—на мой взглядъ, ихъ слѣдуетъ считать не недостойными своего имени гражданами, а непримиримыми нашими врагами. Обратите вниманіе зато, въ какой массѣ пришли остальные! какъ горячо, съ какой рѣшимостью хотятъ они работать въ интересахъ общей чести и безопасности! Говорить-ли мнѣ въ настоящую минуту о всадникахъ римскихъ, уступающихъ вамъ почетное мѣсто въ ряду сословій и опытностью въ дѣлахъ политики,—съ тѣмъ, чтобы спорить съ вами въ любви къ правительству? Оторванныхъ отъ насъ многолѣтней размолвкой [75]), сегодняшній день и связанный съ нимъ общественный вопросъ тѣсно соединили ихъ съ вами, съ вашимъ сословіемъ. Если, въ политикѣ, мы не перестанемъ поддерживать эту связь, упроченную въ мое консульство, ручаюсь вамъ, никакихъ волненій между гражданами, внутреннихъ волненій, не начнется впредь нигдѣ въ государствѣ!

Защищать государство собрались, вижу, воодушевленные тѣмъ-же горячимъ чувствомъ, вполнѣ достойные люди, эрарные трибуны [76]), затѣмъ всѣ писаря [77]). Случайно они именно сегодня явились въ полномъ составѣ къ зданію государственнаго казначейства, но, какъ вижу, не дожидаясь баллотировки, обратили свое вниманіе на интересы, затрогивающіе всѣхъ. Вообще, здѣсь на лицо масса свободорожденныхъ гражданъ, даже

круглыхъ бѣдняковъ: кому не только дороги, но и въ высшей степени милы эти храмы, столица, права свободнаго гражданина, наконецъ, самая жизнь и общая для всѣхъ наша родина?

Для васъ, гг. сенаторы, не лишне познакомиться и съ настроеніемъ умовъ отпущенниковъ, удостоившихся, своими личными заслугами, счастья пріобрѣсти права римскаго гражданства и дѣйствительно считающихъ наше отечество своимъ отечествомъ, тогда какъ нѣкоторые изъ родившихся здѣсь, притомъ люди высшаго круга, взглянули на него не какъ на отечество, но какъ на непріятельскій городъ. Но къ чему останавливаться на гражданахъ, которые принадлежатъ къ этимъ сословіямъ и которыхъ выступить на защиту благоденствія отечества заставили частные интересы, дѣло, близко касающееся всего государства, наконецъ, высшее благо— свобода?—Нѣтъ раба, если только онъ находится въ довольно сносныхъ условіяхъ, какъ рабъ, раба, который не придетъ въ ужасъ предъ дерзостью гражданъ, который не пожелаетъ государству дальнѣйшаго существованія, который не потрудится наобщую пользу столько, сколько смѣетъ или сколько можетъ! Если поэтому кого изъ васъ смущаетъ слухъ, что одинъ изъ агентовъ Лентула шатается возлѣ лавокъ, разсчитывая взбунтовать деньгами довѣрчивыхъ бѣдняковъ, долженъ замѣтить, подобная затѣя дѣйствительно была пущена въ ходъ [78]), однако-жъ не нашлось ни одного настолько несчастнаго или безхарактернаго, кто рѣшился-бы пожертвовать своей комнаткой съ прилавкомъ, гдѣ онъ добываетъ себѣ кусокъ насущнаго хлѣба, или постелью, или, наконецъ, своею тихою въ настоящее время жизнью. Напротивъ, огромное большинство лавочниковъ или, лучше сказать, всѣ они—народъ, цѣнящій покой всего дороже: ихъ единственное средство къ заработку, единственный источникъ, позволяющій имъ существовать своимъ трудомъ, заключается въ наплывѣ въ ихъ заведенія горожанъ и тѣсно связанъ съ спокойствіемъ города; если ихъ

выручка падаетъ обыкновенно съ закрытіемъ лавокъ [79]), чего-же, наконецъ, слѣдуетъ ожидать, когда ихъ сожгутъ у нихъ?

Видите, гг. сенаторы, вы въ правѣ разсчитывать на поддержку со стороны римскаго народа, постарайтесь-же и вы не показаться невнимательными къ нуждамъ римскаго народа. У васъ есть консулъ, избѣжавшій массы опасностей и разставленныхъ ему сѣтей, ускользнувшій изъ рукъ самой смерти, не изъ любви къ жизни, но ради спасенія васъ; всѣ сословія воодушевлены однѣми мыслями и желаніями, они заявляютъ объ этомъ и готовы помочь спасенію государства и словомъ, и дѣломъ; обложенная факелами, осыпанная стрѣлами предательскаго заговора, съ мольбой простираетъ къ вамъ свои руки наша общая родина—столица; вамъ ввѣряетъ она свою судьбу, вамъ—жизнь всѣхъ гражданъ, вамъ — крѣпость Капитолія, вамъ — алтари пенатовъ, вамъ—его, неугасаемый огонь Весты, вамъ—всѣ храмы и святилища боговъ, вамъ—столицу съ ея стѣнами и зданіями. Затѣмъ, сегодня вамъ предстоитъ рѣшить вопросъ о вашемъ существованіи, жизни вашихъ женъ и дѣтей, собственности всѣхъ вообще, о вашихъ домахъ съ ихъ семейными очагами. У васъ есть вождь, помнящій о васъ, забывшій о себѣ,—случай, представляющійся не всегда, за васъ всѣ сословія, всѣ отдѣльныя личности, цѣлый народъ римскій, воодушевленный одними и тѣми-же чувствами; подобный примѣръ въ вопросѣ внутренней политики мы въ первый разъ видимъ сегодня. Подумайте, одна ночь едва не погубила нашего основаннаго цѣной громадныхъ трудовъ государства, упроченной геройскими усиліями—свободы, нашихъ нажитыхъ и увеличенныхъ неизреченной милостью боговъ—богатствъ. Сегодня вамъ слѣдуетъ принять мѣры, которыя сдѣлали-бы впредь невозможнымъ не только осуществленіе подобнаго намѣренія гражданами, но и изгнали самую мысль о немъ. Я сказалъ это не съ цѣлью расшевелить васъ,—энергіей вы почти

превосходите меня—но чтобы исполнить обязанность консула, чей голосъ долженъ быть первымъ въ вопросѣ государственной важности.

Прежде чѣмъ мнѣ снова приступить теперь къ голосованію, позвольте, гг. сенаторы, сказать нѣсколько словъ о себѣ. Я вижу, число нажитыхъ мной враговъ такъ велико, какъ велика шайка заговорщиковъ,—а она, какъ видите, чрезвычайно многочисленна — однако я считаю ее гнусной, безсильной, заслуживающей презрѣнія и трусливой. Если когда-нибудь шайка эта, сдѣлавшись орудіемъ какого-либо разъяреннаго преступника, станетъ играть роль бо̀льшую, чѣмъ то позволитъ власть ваша и государственная, — мнѣ, гг. сенаторы, все-таки никогда не придется краснѣть за свои поступки и распоряженія: смерть, которою, быть можетъ, грозятъ мнѣ, равно неизбѣжна для всѣхъ, стольже громкой славы, какой, при жизни, увѣнчали меня ваши декреты, не достигалъ никто: другимъ вы всегда назначали благодарственныя молебствія за хорошее управленіе государствомъ, одному мнѣ—за его спасеніе.

Пусть будетъ знаменитъ великій Сципіонъ, своими военными дарованіями и мужествомъ заставившій Ганнибала возвратиться въ Африку и такимъ образомъ очистить Италію; пусть будетъ почтенъ неувядаемой хвалой другой Сципіонъ, Африканскій, разрушившій два враждебнѣйшіе нашему государству города—Карѳагенъ и Нуманцію; пусть будетъ героемъ Павелъ, нѣкогда украсившій свой тріумфъ однимъ изъ могущественнѣйшихъ и славнѣйшихъ царей, Персеемъ; пусть будетъ славенъ вѣчно Марій, дважды освободившій Италію отъ иноземнаго нашествія и страха рабства; пусть всѣмъ имъ предпочитаютъ Помпея, блестящіе подвиги котораго наполняютъ весь міръ, освѣщаемый солнцемъ: среди лучей ихъ славы найдется, безъ сомнѣнія, мѣстечко и моему лучу, если только завоеваніе нами новыхъ провинцій, куда мы могли-бы войти безопасно, не считать большею заслугой, чѣмъ за-

боту о томъ, чтобы найти мѣсто, куда могли-бы вернуться отсутствующіе побѣдители [80]).

Съ одной стороны, впрочемъ, лучше быть побѣдителемъ враговъ внѣшнихъ, нежели внутреннихъ: врагъ внѣшній, уступившій силѣ, или становится твоимъ рабомъ, или, если ты принялъ его подъ свое покровительство, считаетъ себя облагодѣтельствованнымъ тобою; но врагъ, вышедшій изъ числа гражданъ, пораженъ какимъ-то безуміемъ,—разъ онъ сталъ врагомъ отечества, его ни смиришь силой, ни привяжешь къ себѣ благодѣяніемъ, хотя тебѣ и удастся спасти государство отъ угрожающей ему гибели. Поэтому я знаю, съ безнравственными гражданами мнѣ предстоитъ вести борьбу безъ конца, но увѣренъ, я легко сумѣю отвратить опасность и отъ себя, и отъ своихъ,—съ помощью васъ и всѣхъ патріотовъ и чрезъ память о пережитыхъ нами грозныхъ опасностяхъ, память, которая не умретъ не только среди спасеннаго нашего народа, но и въ устахъ и сердцахъ всѣхъ націй. Не найдется, конечно, такой страшной силы, которая могла-бы нарушить миръ, соединяющій васъ съ сословіемъ всадниковъ римскихъ, и нанести ударъ полному единенію всѣхъ патріотовъ [81]).

Въ такомъ случаѣ, за мои заботы о спасеніи столицы и васъ, за то, что я отказался отъ командованія войсками и пожертвовалъ провинціей, тріумфомъ и прочими знаками отличій, затѣмъ, связями съ ищущими моего покровительства провинціальными кліентами,—хотя средствами, которыми располагаю въ городѣ, я одинаково энергично поддерживаю старыя, какъ и завожу новыя,—за все это, повторяю, и за свои необыкновенныя заботы о васъ и стараніе спасти государство, стараніе, которому вы свидѣтели, я требую отъ васъ одного: не забывайте никогда объ этихъ дняхъ и о времени всего моего консульства; пока память о нихъ будетъ запечатлена въ вашихъ сердцахъ, я стану считать себя окруженнымъ неприступною стѣной. Но, если сила зла восторжествуетъ и я обманусь въ своей надеждѣ, — по-

ручаю вашему вниманію своего малютку сына; если вы будете помнить, что онъ сынъ того, кто спасъ все, что̀ вы видите, одинъ за всѣхъ подвергаясь личной опасности, онъ, конечно, найдетъ достаточно защитниковъ и не только останется живъ, но и займетъ высокій постъ въ государствѣ.

Итакъ, будьте такими-же безпристрастными и строгими судьями,—какими показали себя вначалѣ,—тамъ, гдѣ идетъ дѣло объ общихъ интересахъ вашихъ и римскаго народа, о вашихъ женахъ и дѣтяхъ, объ алтаряхъ и жертвенникахъ пенатовъ, о святилищахъ и храмахъ, о зданіяхъ и отдѣльныхъ домахъ города, о власти, свободѣ, благѣ Италіи и существованіи цѣлаго государства: у васъ есть консулъ, готовый безъ колебаній повиноваться вашему рѣшенію и, пока живъ, отстоять и лично привести въ исполненіе вашъ приговоръ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Квинтиліанъ ставитъ это сложное предложеніе въ примѣръ художественнаго параллелизма каждой изъ его частей: «...augendi gratia non tota modo totis, sed etiam partes partibus comparari, sicut hoc loco (приводится разбираемое предложеніе). hic et Catilina Graccho et status rei publicae orbi terrarum et mediocris labefactatio caedi et incendiis et vastationi et privatus consulibus comparatur: quae si quis dilatare velit, plenos singula locos habent» (Inst. or. VIII. 4. 13—15. Meister).

2) Плутархъ разсказываетъ, что незадолго до выѣзда Катилины изъ Рима, «въ полночь, къ дверямъ дома Цицерона явились самые извѣстные и вліятельные граждане Рима — Маркъ Крассъ, Маркъ Марцеллъ и Метеллъ Сципіонъ. Постучавъ въ дверь, они вызвали привратника и приказали разбудить Цицерона и сказать объ ихъ приходѣ. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Привратникъ Красса подалъ ему послѣ обѣда нѣсколько писемъ, переданныхъ ему неизвѣстнымъ. На каждомъ изъ нихъ былъ адресъ: одно лишь, предназначенное лично для Красса, не имѣло подписи. Крассъ прочелъ только его. Въ письмѣ говорилось, что Катилина намѣренъ устроить большую рѣзню, и давался Крассу совѣтъ покинуть столицу. Не распечатывая другихъ писемъ, Крассъ, въ страхѣ передъ опасностью и изъ желанія снять съ себя подозрѣніе, лежавшее на немъ, благодаря его дружбѣ съ Катилиной, немедленно отправился къ Цицерону». (Vita Ciceronis, XV. «Сравнительныя Жизнеописанія», т. VIII. стр. 56 нашего перевода). Вслѣдствіе этого аристократія поспѣшно покинула Римъ.

3) Плутархъ (ibid. c. XVI) называетъ вмѣстѣ съ Цетегомъ какого-то Марція. Самъ Цицеронъ (Pro L. Sulla, 6. 18) упоминаетъ только о Г. Корнеліи, Саллюстій (De conjur. Catilinae, 28, 1)—кромѣ того, о Л. Варгунтеѣ. Діонъ Кассій въ данномъ случаѣ выражается слишкомъ неопредѣленно.

4) Здѣсь идетъ рѣчь о такъ называемомъ «добровольномъ» изгнаніи, exilium voluntarium. До приговора суда обвиняемый, если-бъ даже ему грозила смертная казнь, могъ, по римскому обычаю, оставить Римъ и записаться въ число гражданъ другого города. Это бывало только тогда, когда обвиняемому объявлялось рѣшеніе народа о томъ, что id ei exilium justum videri; но съ exilium legitimum, или оффиціальнымъ изгнаніемъ, опредѣляемомъ за самыя тяжкія преступленія, соединялось deminutio capitis media sive minor и, кромѣ того, interdictio aquae et ignis, чтобы лишить виновнаго возврата на родину. Конфискація имущества была въ томъ лишь случаѣ, если обвиняемому грозила смертная казнь.

5) Въ Римѣ не существовало прокурорскаго надзора. Если не выискивалось обвинителя, не начиналось и процесса. Здѣсь Цицеронъ упрекаетъ согражданъ въ томъ, что преступленіе, подобное совершенному Катилиной, осталось безнаказаннымъ.

6) Долги или проценты по нимъ уплачивались въ Римѣ въ Календы (tristes Kalendae); но иногда кредиторы соглашались отсрочить уплату на полмѣсяца, какъ здѣсь, т. е. до Идъ. Финансовое положеніе Катилины было тѣмъ отчаяннѣе, что попытка его добиться консульства не удалась, и ему предстояла продажа заложеннаго имущества.

7) Чтобы ножъ или оружіе вѣрнѣе достигало цѣли, его освящали различными обрядами на жертвенномъ огнѣ и посвящали затѣмъ богамъ.

8) Повидимому, подражаніе знаменитой просопопеѣ въ «Критонѣ», гдѣ законы объясняютъ Сократу обязанности его въ отношеніи государства. Тоже—ниже.

9) Заподозрѣнный въ преступленіи римлянинъ долженъ былъ переселиться для надзора въ домъ какого-либо сановника или-же пользовавшагося общимъ довѣріемъ частнаго лица и оставаться тамъ подъ домашнимъ арестомъ, custodia libera. Здѣсь идетъ рѣчь объ обвиненіи Катилины Л. Эмиліемъ Павломъ.

10) Консулъ 60 г.—тотъ, о которомъ идетъ рѣчь въ «Введеніи», стр. XXIII. Другого, М. Метелла Квинтиліанъ (IX. 2. 45) характеризуетъ, какъ глуповатую и безхарактерную личность,

вслѣдствіе чего эпитетъ «прекраснаго въ всѣхъ отношеніяхъ человѣка» надо понимать иронически. Грекъ, избѣгая грубыхъ оскорбленій, если и укоряетъ въ дурномъ поступкѣ, то не трогая чужого самолюбія, но приправляя все аттическою солью. Чтобы не называть другого «дуракомъ» или «глупымъ», онъ говоритъ про него: γλυκύς, εὐήθης, ἡδύς, χρηστός. Подобнымъ образомъ выражается и Цицеронъ.

11) Это только отговорка консула,—онъ не смѣлъ вносить въ Сенатъ оффиціально предложенія объ изгнаніи Катилины. Отправлять въ ссылку имѣлъ право не Сенатъ, а комиціи или qaestiones perpetuae.

12) Цицеронъ защищалъ его въ 51 г. по обвиненію de vi. См. введеніе стр. XXXV. За Марцелла консулъ произнесъ въ 46 г. сохранившуюся благодарственную рѣчь къ Цезарю.

13) Знатныхъ римлянъ, покидавшихъ столицу и отправлявшихся въ изгнаніе, вплоть до городскихъ воротъ провожала обыкновенно толпа родныхъ и знакомыхъ. Ораторъ иронически обѣщаетъ отъ себя подобные-же проводы Катилинѣ, съ цѣлью защитить его отъ нападенія возбужденной черни.

14) То были: I) Leges Valeriae de provocatione: а) 500 г., установленный консуломъ П. Валеріемъ Попликолой: ne quis magistratus civem romanum adversus provocationem necaret neve verberaret; б) 439 г., lex Valeria Horatia, консуловъ Л. Валерія Попликолы Потита и М. Горація Барбата; в) законъ 300 (?) г., консула М. Валерія Корва—lex, quum eum, qui provocasset, virgis caedi securique necari vetuisset, si quis ea fecisset, nihil ultra quam improbe factum adjecit; II) законъ XII таблицъ, 451 г. de capite civis nisi per maximum comitiatum ne ferunto; III) Lex Porcia 199 г. (собственно три закона) народнаго трибуна П. Порція Лэки: ne quis civem romanum vinceret aut verberaret aut necaret; IV) lex Sempronia 123 г. народнаго трибуна Г. Семпронія Гракха: ne de capite civis romani injussu populi judicaretur. Конечно, военные законы сюда не относятся.

15) Въ рѣчи противъ аграрнаго закона (II. 2. 1), произнесенной очень незадолго до начала заговора анархистовъ: «...reperietis... me esse unum ex omnibus novis hominibus, de quibus meminisse possimus, qui consulatum petierim, cum primum licitum sit, consul factus sim, cum primum petierim», et cet.

16) Защищая Мурену (38. 81), Цицеронъ говоритъ тоже самое: «Omnia, quae per hoc triennium agitata sunt, iam ab eo tempore, quo a L. Catilina et Cn. Pisone initum consilium senatus

interficiendi scitis esse, in hos dies, in hos menses, in hoc tempus erumpunt».

17) Л. Валерія Флакка. См. 3-ю рѣчь. Флакка Цицеронъ блестяще защищалъ въ 59 г. по обвиненію de repetundis.

18) Malleoli (ум. отъ malleus, молотокъ), πυρφόρα βέλη, πυρφόροι ὀϊστοί. Ихъ зажигали и бросали въ дома руками, въ отличіе отъ falaricae, пускаемыхъ изъ слабо натянутыхъ луковъ. Горючій ихъ матеріалъ, состоявшій изъ сѣры, смолы и масла, помѣщался между остріемъ стрѣлы и ея стволомъ, въ желѣзной капсюлѣ съ отверстіемъ. Огонь отъ нея можно было, говорятъ, потушить однимъ пескомъ.

19) Исторически невѣрно. Храмъ былъ начатъ постройкой при Тарквиніи I; но при немъ успѣли только заложить фундаментъ. При консулѣ М. Гораціи Барбатѣ, 13 сентября 509 г. онъ былъ освященъ, однако окончательно достроенъ только въ 294 г. до Р. Х. Ромулъ далъ лишь обѣтъ построить храмъ Юпитеру, если тотъ остановитъ бѣгство разбитыхъ сабинцами римлянъ. Въ ночь на 1 іюля 83 г. этотъ храмъ, «построенный царями, освященной юною свободой и уцѣлѣвшій среди пятисотлѣтнихъ бурь», какъ говоритъ про него Моммзенъ, сгорѣлъ.

20) Личности ближе неизвѣстныя, вѣроятно, записные кутилы. Другой Тонгилій, но богачъ, встрѣчается въ VII-ой сатирѣ Ювенала, отпущенникъ Л. Публицій, грязная личность,—въ рѣчи Цицерона за П. Квинкція.

21) 1-го января каждаго года городской преторъ, вступая въ отправленіе своей должности, приносилъ присягу въ повиновеніи законамъ государства, затѣмъ всходилъ на ораторскую каѳедру и обращался къ народу съ рѣчью, гдѣ излагалъ свое edictum (formula, lex annua), т. е. сводъ основныхъ правилъ судопроизводства, развитіе, толкованіе и дополненіе законовъ XII Таблицъ, правилъ, которыми онъ долженъ руководиться въ своихъ рѣшеніяхъ. Эти эдикты писались большими красными и черными буквами на бѣлой стѣнѣ, впослѣдствіи на бѣлой доскѣ (scriptum in albo, in tabula dealbata), unde de plano recte legi posset, и начинались, какъ говоритъ Светоній, словами—bonum factum. По lex Cornelia de edicto praetorio, преторы были обязаны строго держаться правилъ, выраженныхъ ими въ ихъ эдиктахъ, которые принадлежатъ къ главнѣйшимъ памятникамъ римскаго права. Особенно строги были законы противъ должниковъ. Не удивительно, что приверженцы Катилины могли перепугаться, стоило лишь показать имъ эдиктъ городского претора.

22) Для духовъ (unguentun) употреблялась обыкновенно мирра, маіорановое масло (oleum amaracinum), касатиковое, розовое и гораздо рѣже—нардовое, наравнѣ съ шафраннымъ цѣнившееся чрезвычайно дорого. Ими обыкновенно **натирали** тѣло передъ обѣдомъ и послѣ купанья. Духи хранились въ особой посудѣ (vasa unguentaria) изъ стекла или натуральнаго гипса, носившей отдѣльныя названія—alabastri, ampullae, gutti и т. д. (Ср. Древности Южной Россіи, гр. Толстого и Кондакова, в. I. стр. 71). Позже, Сенека (ер. 86) жалуется, что нѣкоторые душатся 2—3 раза на дню, чтобы не потерять запаха. Съ этой цѣлью духи наливались даже въ ванны. Душились и помадились вообще только франты. Торговцевъ косметическими товарами (unguentariae, unguentarii) было очень много въ Италіи.

23) Отравленіе было средствомъ, которымъ пользовались часто изъ корыстныхъ цѣлей, причемъ главная роль выпадала преимущественно на долю женщинъ. Отравительница была въ Римѣ вполнѣ опредѣленнымъ типомъ. Въ 331 г. въ столицѣ открыли цѣлую шайку отравительницъ, въ томъ числѣ нѣсколькихъ патриціекъ, причемъ 170 женщинъ было казнено. Lex Porcia 198 г. наказывалъ свободныхъ гражданъ, виновныхъ въ отравленіи, изгнаніемъ. Ко времени Катилины отравленіе успѣло распространиться въ Италіи настолько, что въ 81 г. Сулла издалъ законъ—lex Cornelia de veneficis,—существовавшій, впрочемъ, уже при Г. Гракхѣ,—послѣ чего было учреждено постоянное quaestio de veneficis. Виновный наказывался смертью. Цезарь также издалъ законъ объ отравленіи. Въ случаѣ открытія преступленія производилось строжайшее слѣдствіе. Яды были преимущественно растительные—aconitum, cicuta, или lupus marinus, salamandra. При императорахъ за продажу яда или вредныхъ лекарствъ наказывали иногда ссылкою. Но сами цезари прибѣгали къ яду для устраненія опасныхъ имъ лицъ.

24) До сихъ поръ они далеко еще не перевелись въ Италіи. Наказывались, въ силу закона Суллы inter sicarios,—aquae et ignis interdictione, если виновный былъ свободорожденный, и смертью—если рабъ или иностранецъ. Поддѣлка духовныхъ завѣщаній была также заурядным явленіемъ въ Римѣ. Законъ Суллы de falsis (lex nummaria, или testamentaria) лишалъ свободнаго гражданскихъ правъ и наказывалъ пожизненною ссылкой (in insulam deportatio), раба—смертью. Во времена имперіи поддѣлкой документовъ занималась масса лицъ, составившихъ себѣ изъ этого доходную статью. Ювеналъ рисуетъ типъ falsarius'а. Подъ

«мошенникомъ» (circumscriptor), имѣются въ виду преимущественно люди, пользующіеся неопытностью молодежи или состоящихъ подъ опекой—сиротъ. Противъ circumscriptores былъ направленъ Lex Plaetoria de circumscriptione adulescentium, 264 г. народнаго трибуна М. Плэторія. Подъ «развратителемъ молодежи» (corruptor juventutis) авторъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ развращеніе честныхъ дѣвушекъ. Преступленія подобнаго рода съ давнихъ поръ судилъ отецъ семейства или народъ, если жалобу подавали эдилы. Позже, Августъ издалъ Lex Julia de adulteriis, наказывавшій виновнаго лишеніемъ имущества и ссылкой. О характерѣ Катилины вообще — прекрасное мѣсто въ рѣчи за Цэлія (6. 13), а также у Кв. Цицерона (De petition. consul. 2. 9).

25) Въ противоположность грекамъ, нерѣдко ставившимъ актерамъ памятники, римляне относились къ ихъ ремеслу съ презрѣніемъ и считали ихъ наемными работниками. Директоръ (choragus, dominus catervae, factionis, gregis), который былъ обыкновенно главнымъ актеромъ (actor primarum partium), происходилъ въ большинствѣ случаевъ изъ отпущенниковъ. Труппа состояла обыкновенно изъ людей стоявшихъ очень низко на общественной лѣстницѣ, — рабовъ, военноплѣнныхъ, отпущенниковъ. Они подчинялись строгому надзору полиціи, обходившейся съ ними крайне грубо. Всѣ городскія власти имѣли право подвергать ихъ тѣлесному наказанію и сажать въ тюрьму любого изъ нихъ, гдѣ угодно и когда угодно. Въ драматическихъ произведеніяхъ они являются обыкновенно людьми распутными. Полноправный гражданинъ, qui artis ludicrae pronuntiandive causa in scaenam prodierit, считался infamis. На званіе актера смотрѣли какъ на унизительное почти до временъ имперіи. Впрочемъ, съ тѣхъ поръ, какъ аристократія и люди образованные, напр. Сулла и Цицеронъ, стали оказывать нѣкоторымъ актерамъ свое уваженіе, общество начало глядѣть на актеровъ отчасти другими глазами.

26) Любимая игра римлянъ, въ которую играли сперва на орѣхи. Игральныя кости были различной формы—или правильные кубики (tessares), имѣвшіе какъ теперь, на всѣхъ шести сторонахъ очка: 1. 2. 3. 4. 5. 6, или бабки (tali), съ четырехъ сторонъ прямоугольныя, съ двухъ округленныя. На нихъ точками или черточками обозначались очка: 1 и 6, 3 и 4; 2 и 5 вовсе не было. Брали три или четыре такихъ кости, трясли ихъ въ кубкѣ (fritillus, phimus, pyrgus, turricula), внутри котораго были сдѣланы уступы въ видѣ ступеней, и затѣмъ выкидывали на иг-

ральную доску (abacus, alveolus, alveus). Самый счастливый ударъ, если всѣ четыре кости показывали разныя очка, назывался venus, самый неудачный, когда на каждой кости было по 1 очку,—canis. Иногда клали на ладонь пять костей, подбрасывали ихъ и ловили обратною стороною руки. Игра въ кости шла обыкновенно на деньги и была запрещена еще въ республиканскую эпоху, напр. цензорскимъ эдиктомъ 115 г., и разрѣшалась лишь въ Сатурналіи. Да и общественное мнѣніе осуждало азартныя игры. Иногда за игрокомъ втаскивали обитый желѣзомъ огромный сундукъ, и являвшійся рабъ-кассиръ (dispensator) тутъже на игральномъ столѣ велъ счетъ и расплачивался. Ставки доходили иногда до 100.000 сестерцій (около 5000 р.). Даже императоры поддерживавшіе старые обычаи, напр. Августъ, и тѣ были большими любителями игры въ кости. На Августа-же написана Секстомъ Помпеемъ ядовитая эпиграмма. Калигула постоянно игралъ въ кости, какъ и Неронъ и Клавдій, который даже издалъ книгу объ игрѣ въ кости. Примѣры вызывали, конечно, еще въ большей степени подражанія.

27) Помпея. Та же мысль—у Саллюстія (De conjur. Catil. 36. 4). См. также—Pro Murena, 37. 78.

28) Ср. Philipp. VIII. 5. 15. In corpore si quid ejus modi est, quod reliquo corpori noceat, id uri secarique patimur, ut membrum aliquod potius quam totum corpus intereat. Sic in rei publicae corpore, ut totum salvum sit, quicquid est pestiferum, amputetur.

29) Въ данномъ случаѣ ораторъ прихвастнулъ передъ народомъ: онъ не зналъ да и не могъ знать, что, по выходѣ изъ Сената, Катилина удалится изъ Рима.

30) Въ эти книги (tabulae, codices) заносились всѣ статьи (nomina) прихода (accepti) и расхода (expensi). Главная изъ нихъ состояла изъ двухъ частей; въ одну записывался расходъ (expensi latio), въ другую—приходъ (accepti latio). Должникъ могъ переводить свой долгъ по этимъ книгамъ на имя другого лица (delegatio). Книги должны были вестись въ порядкѣ, такъ какъ имѣли оффиціальное значеніе; ихъ необходимо было представлять при цензѣ, или переписи. У кого онѣ оказывались не въ порядкѣ, того ревизовавшій ихъ цензоръ признавалъ дурнымъ хозяиномъ и дѣлалъ ему выговоръ. Иногда должникъ, въ присутствіи претора, входилъ съ кредиторомъ въ соглашеніе, причемъ послѣдній соглашался уменьшить количество платимыхъ процентовъ или сумму долга. Тогда составлялись новыя книги, представлявшіяся претору. Бывали случаи, когда само прави-

тельство приходило на помощь должникамъ, издавая законы, ограничивавшіе ростовщичество; такъ извѣстны leges: Sempronia, Junia и др., въ особенности-же Lex Valeria de aere alieno 86 г., консула Л. Валерія Флакка, законы, по которому должникъ могъ погасить (referre acceptum) свой долгъ уплатою четвертой его части. Но всего чаще уничтожались или уменьшались долги политическимъ переворотомъ, на который и надѣялись приверженцы Катилины. Это была любимая игра демагоговъ для пріобрѣтенія популярности. Свою угрозу Цицеронъ дѣйствительно привелъ впослѣдствіи въ исполненіе: «Nec enim ulla res vehementius rem publicam continet», говоритъ онъ, «quam fides, quae esse nulla potest, nisi erit necessaria solutio rerum creditarum», et cet. (De offic. II. 24. 84). Ср. Pro Sulla, 20. 59.

31) Горькая правда. Таковъ, дѣйствительно, исходъ всѣхъ революцій. Вожаки ея всегда уступаютъ мѣсто какому-нибудь честолюбивому и даровитому проходимцу. Достаточно вспомнить изъ новѣйшей исторіи судьбу Наполеона.

32) «При отправленіи правосудія самимъ гражданствомъ, въ особенности при разбирательствѣ чисто-политическихъ процессовъ, уже издавна существовало правило, что обвиняемый не подвергался личному задержанію и могъ своимъ отреченіемъ отъ гражданскихъ правъ спасти, по меньшей мѣрѣ, свою жизнь и свою свободу,—такъ какъ имущественное наказаніе и гражданскій приговоръ могли быть постановлены и надъ изгнанникомъ. Однако предварительное личное задержаніе и исполненіе смертнаго приговора всетаки были въ этихъ случаяхъ легально возможны, и имъ нерѣдко подвергались даже знатные люди, такъ напримѣръ, преторъ 142 г. Луцій Гостилій Тубулъ, преданный за тяжкое преступленіе уголовному суду, былъ арестованъ и казненъ, послѣ того какъ ему было отказано въ правѣ спасти свою жизнь добровольной ссылкой» (Моммзенъ). Обыкновенно въ городскихъ тюрьмахъ производились только казни.

33) Длинныя бороды (bene barbati, barbatuli) считались щегольствомъ. Въ древнѣйшія времена римляне не брили бородъ и не стригли волосъ, почему Горацій (Carm. I. XII. 41—2. II. XV. II) называетъ Ман. Курія Дентата incomptis capillis utilem bello и Катона Цензора intonsum Catonem. Но незадолго до Первой Пунической войны начала входить въ моду стрижка волосъ и бритье бороды. Въ 300 г. до Р. Х. нѣкто П. Титиній Мена привезъ изъ Сициліи въ Римъ первыхъ цырюльниковъ. Римскій юноша не трогалъ своей бороды до 21 года. День, въ кото-

рый онъ впервые брилъ ее (barbam ponere), считался торжественнымъ. Сципіонъ Африканскій Младшій первымъ сталъ бриться ежедневно; но эта мода прививалась медленно. Брили всю бороду люди старше 40 лѣтъ; до этого времени они ограничивались подрѣзываніемъ. Ремесло цырюльника считалось у римлянъ гораздо важнѣе, нежели у насъ,—мужчины, не имѣя у себя ни бритвъ (novacula), ни зеркалъ, ни другихъ принадлежностей бритья, по необходимости проводили все утро въ цырюльняхъ (tabernae tonstrinae), настоящихъ «складахъ сплетенъ». Только богачи держали своихъ собственныхъ tonsores. Ремесло цырюльника дѣлилось на три части. Обрѣзывали и стригли волосы или подъ гребенку ножницами (per pectinem tondebantur), или ножами. Старались стричь ровнѣе, вслѣдствіе чего цырюльники послѣ стрижки выбирали неровные волосы и старались придать головѣ возможную гладкость. Истребляли волосы, кромѣ стрижки, вырываньемъ щипчиками (volsellae), если не на всемъ лицѣ, то, по крайней мѣрѣ, на щекахъ, и мазью (dropax psilothrum). Составъ ея описанъ Пдиніемъ (Natur. Hist. XXXII. 47). Второе занятіе цырюльниковъ состояло въ бритьѣ бородъ тѣмъ-же способомъ, какъ и теперь, и, наконецъ, въ обрѣзываніи ногтей на рукахъ. Императоръ Гадріанъ снова отпустилъ бороду, желая скрыть родимыя пятна на лицѣ. Такъ было до Константина, при которомъ опять стали бриться. Бороду отращивали, кромѣ того, философы и люди, носившіе трауръ.

34) Длинныя туники, съ длинными рукавами, доходившими до оконечностей пальцевъ, носили только женщины или-же нѣженки.

35) Ношеніе широкой тоги считалось неприличнымъ. Ср. Ovid. Rem. amor. 679—80.

36) Римскимъ солдатамъ не дозволялось брать съ собою въ лагерь женщинъ,—правило, отмѣненное только Александромъ Северомъ. Въ этой части второй рѣчи авторъ иногда рисуетъ намъ картины во вкусѣ Ювенала.

37) У римлянъ танцы не имѣли, наравнѣ съ пѣніемъ, того образовательнаго значенія, какое имѣли у грековъ уже во времена Сократа. Суровый, серьезный римлянинъ строго смотрѣлъ на танцы въ общественной жизни и видѣлъ въ нихъ лишь предметъ удовольствія,—кромѣ, конечно, религіозныхъ. Извѣстно мѣсто изъ того-же Цицерона: «Nemo... fere saltat sobrius, nisi fere insanit, neque in solitutine neque in convivio moderato atque honesto» (Pro Murena, 6. 13. Ср. Pro Deiotar. 9. 26).

Считая неприличнымъ заниматься танцами взрослому римлянину, упрекали и консуляровъ, если они танцовали даже въ тѣсномъ кружкѣ знакомыхъ. Тѣмъ неприличнѣе считалось танцовать голыми. Изъ женщинъ это позволялось только проституткамъ и рабынямъ. Лишь при Августѣ танцы дѣлаются предметомъ достойнымъ изученія и въ глазахъ аристократіи. Изъ императоровъ Юліанъ всю жизнь остался заклятымъ врагомъ танцевъ. Извѣстны также слова короля Альфонса Аррагонскаго: «Танцы отличаются отъ умопомѣшательства тѣмъ только, что не могутъ продолжаться такъ долго». Ср. нашихъ древнихъ моралистовъ: О злое, проклятое плясаніе, о лукавыя жены многовертивое плясаніе! Пляшущая жена—любодѣйница дьявола, супруга адова, невѣста сатанина.

38) *Δικαιοσύνη, ἐγκράτεια, ἀνδρεία* и *σωφροσύνη*, четыре главныя добродѣтели,—по ученію Сократа и стоиковъ—quibus actio vitae continetur, какъ говоритъ Цицеронъ (De offic. I. 5. 17).

39) Что римляне праздновали день избавленія отъ какой-либо опасности, видно изъ примѣра Горація, чтившаго 1-е марта; (Carm. III. VIII. 1 sqq.) но съ особеннымъ торжествомъ справляли они день рожденія (dies natalis). Въ этотъ день устраивался пиръ для друзей (natalіciae dapes); очагъ и домъ украшались вѣнками; генію, покровителю дня рожденія, воскурялся ѳиміамъ. Виновникъ торжества являлся въ праздничномъ платьѣ (toga alba) и принималъ поздравленія и подарки. Съ меньшей торжественностью праздновался день рожденія отсутствующихъ или умершихъ.

40) Въ рѣчи въ защиту Флакка (см. примѣч. 17) Цицеронъ въ слѣдующихъ прочувствованныхъ выраженіяхъ вспоминаетъ объ услугѣ, оказанной преторомъ республикѣ въ извѣстную ночь на 3-е декабря: «Памятная ночь, едва не погубившая на вѣкъ нашу столицу!—Въ то время галловъ подстрекали взяться за оружіе, Катилину звали къ вступленію въ столицу, заговорщиковъ подстрекали къ рѣзнѣ и пожарамъ,—и въ то время я со слезами заклиналъ тебя, Флаккъ, который также плакалъ, заклиналъ небомъ и землей, въ то время я ввѣрялъ твоей неподкупной, испытанной честности существованіе столицы и ея гражданъ. Тогда ты, Флаккъ, какъ преторъ, арестовалъ посланцевъ общей гибели, ты захватилъ письма, грозившія уничтоженіемъ государству, ты открылъ опасность, ты явился ко мнѣ и Сенату спасительнымъ помощникомъ. И какъ горячо благодарилъ тогда тебя я, Сенатъ, всѣ патріоты!» и т. д. (Pro Flacco, 40, 102).

41) Ближе неизвѣстенъ. О немъ говоритъ также Плутархъ (Vita Ciceron. XIX).

42) Слово въ «личной безопасности» могъ давать только Сенатъ. По Саллюстію (De conjur. Catil. 46), Волтурція ввели вмѣстѣ съ аллоброгами. О самомъ нападеніи онъ разсказываетъ нѣсколько иначе. Интересно сравнить это мѣсто съ чрезвычайно похожими на него строками у Саллюстія.

43) Здѣсь идетъ рѣчь не о томъ процессѣ весталокъ, о которомъ упоминаетъ Асконій въ объясненіи рѣчи за Милона (Ср. Plut. Cato, XIX). Невѣрно также, будто это мѣсто относится къ свояченицѣ Цицерона, Фабіи, о дѣлѣ которой говоритъ тотъ-же толкователь Цицерона, тѣмъ болѣе, что ораторъ едва-ли рѣшился-бы вывести на сцену грязную семейную свою исторію. Гораздо основательнѣе предположеніе, что здѣсь консулъ упоминаетъ о процессѣ весталокъ 73 г. гдѣ ихъ успѣшно защищалъ по обвиненію въ incestus М. Кальпурній Пизонъ. Подробности неизвѣстны.

44) См. примѣч. 19-е. Капитолій сгорѣлъ въ консульство Л. Корнелія Сципіона Азіатскаго и Г. Юнія Норбана Бальба, во время междоусобной войны. Причиной пожара была, по однимъ, неосторожность, по другимъ—поджогъ. Истребленіе Капитолія пожаромъ предвѣщало, по вѣрованію римлянъ, гибель государства.

45) Консулъ 162 г. и princeps senatus, строгій консерваторъ. Умеръ въ добровольномъ изгнаніи въ Сициліи, куда удалился, избѣгая народной ненависти.

46) У историка Катилины (De conjur. Cat. 44) письмо Лентула изложено болѣе изящно. Слогъ письма, приводимаго Цицерономъ, отрывистъ, простъ и объясняется взволнованнымъ состояніемъ писавшаго, поэтому носитъ на себѣ оригинальный характеръ. Притомъ консулъ, вѣроятно, имѣлъ въ рукахъ его подлинникъ, которымъ едва-ли могъ пользоваться Саллюстій. Для сличенія приводимъ оба письма. У Саллюстія: «Quis sim, ex eo quem ad te misi cognosces. fac cogites in quanta calamitate sis, et memineris te virum esse, consideres quid tuae rationes postulent. auxilium petas ab omnibus, etiam ab infimis», у *Цицерона:* «Quis sim, scies ex eo, quem ad te misi. Cura, ut vir sis, et cogita, quem in locum sis progressus. Vide, ecquid tibi jam sit necesse, et cura ut omnium tibi auxilia adjungas, etiam infimorum». Разница, какъ видно, большая.

47) Иронія.

48) По римскому праву, высшій чиновникъ не могъ подвер-

гаться суду во время исполненія своей должности, онъ слагалъ ее добровольно; но и то было лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Тиб. Гракхъ впервые нарушилъ этотъ законъ, лишивъ званія народнаго трибуна товарища своего, М. Октавія. Впослѣдствіи это бывало нѣсколько разъ.

49) Supplicatio; если по случаю счастливаго событія,—gratulatio. Его назначалъ Сенатъ. По приказу полководца, открывались храмы и приносились богамъ благодарственныя жертвы, иногда давался обѣдъ. Молебствія продолжались сперва 1, затѣмъ 2, 3 —обыкновенно, 4 (за покореніе Вей), 5, 10, 12 (за побѣду Помпея надъ Митридатомъ), 15 (въ честь Цезаря, за завоеваніе Галліи), 29 и даже 40 (за покореніе Цезаремъ Галліи и Британніи) и 50 дней, причемъ выносились изъ храмовъ статуи боговъ. На это время прекращались судебныя засѣданія и народныя собранія. Въ торжественной процессіи, кромѣ народа, участвовала аристократія и свободорожденные дѣвочки и мальчики, имѣвшіе болѣе 12 лѣтъ, съ лавровыми вѣтвями въ рукахъ. Процессія направлялась въ храмы.

50) Т. е. въ сторонѣ Етруріи, гдѣ стоялъ Катилина. Цицеронъ воспѣлъ чудесныя явленія, совершившіяся въ его консульство. (De divinat. I. 11—13). Отрывокъ этотъ, въ 78 стиховъ, взятъ изъ 2-й книги его поэмы De consulatu suo, утерянной и не отличавшейся достоинствами, какъ и всѣ поэтическія произведенія Цицерона.

51) По Кассію Діону (XXXVII. 9), сплавились однѣ буквы. Цицеронъ говоритъ объ этомъ ударѣ молніи: «...tum statua Nattae, tum simulacra deorum Romulusque et Remus cum altrice belua vi fulminis icti conciderunt, deque his rebus haruspicum extitetunt responsa verissuma». (De divinat. II. 20, 46).

52) Интересно, что до сихъ поръ, въ память Ромула и Рема, римскій муниципалитетъ содержитъ въ Капитоліи на общественный счетъ волка и волчицу.

53) Етруски славились, какъ гадатели. Цицеронъ говоритъ: «Etruria... de caelo tacta scientissume animadvertit eademque interpretatur, quid quibusque ostendatur monstris atque portentis. Quocirca bene apud majores nostros senatus tum, cum florebat imperium, decrevit, ut de principum filiis X ex singulis Etruriae populis in disciplinam traderentur»... (Ibid. I. 41, 92). См. также De leg. II. 9.

54) При гаданіяхъ, римскій авгуръ, въ противоположность греческому жрецу, обращался на югъ, такъ что востокъ, страна

счастья и свѣта, находилась отъ него по лѣвую руку, западъ, страна горя и тьмы,—по правую.

55) Отдача подряда на публичныя постройки и сооруженія (locatio operis publici) лежала на обязанности цензоровъ и эдиловъ. Но цензоры 65 г., Кв. Лутацій Катулъ и М. Лициній Крассъ, вслѣдствіе происшедшей между ними ссоры, отказались отъ должности. Цицеронъ искусно воспользовался благопріятно сложившимися обстоятельствами и приказалъ въ должное время возстановить статую, хотя говоритъ объ этомъ, какъ о чудѣ: «Mirabile... illud, quod eo ipso tempore, quo fieret indicium conjurationis in senatu, signum Jovis biennio post, quam erat locatum, in Capitolio conlocabatar». (De divinat. II. 20. 46).

56) Тоже въ рѣчи за Суллу: O di immortales et cet. (14. 40).

57) Въ 121 году консуломъ Кв. Фабіемъ Максимомъ Эмиліаномъ, внукомъ побѣдителя при Пиднѣ. Онъ разбилъ союзныя войска аллоброговъ и арверновъ въ рѣшительной битвѣ при р. Изарѣ, 8 августа 121 г. Послѣ покоренія ихъ области онъ въ 120 г, получилъ тріумфъ и прозваніе Allobrogicus. Окончательно покорены были аллоброги Цезаремъ.

58) Въ однихъ только сраженіяхъ при Сакрипортѣ и у Коллинскихъ воротъ было перебито сулланцами, по крайней мѣрѣ, 70.000 ч.; около 5.000 ч. казнили, по приказанію Суллы, какъ проскриптовъ, и около 4.000 ч. плѣнныхъ перерѣзали побѣдители послѣ сраженія у Коллинскихъ воротъ. Сюда не входятъ жертвы Марія и вообще гражданской войны.

59) Помпею. Консулъ самъ постарался увѣковѣчить свой подвигъ, между прочимъ, въ поэтическомъ произведеніи. Сюда, повидимому, относятся два злополучные стиха, предметъ вѣчныхъ насмѣшекъ антагонистовъ Цицерона. Одинъ:

Cedant arma togae, concedat laurea laudi!

другой:

O fortunatam natam me consule Romam!

И Квинтиліанъ (XI. 1. 24) неодобрительно отзывается о нихъ.

60) Въ рѣчи за Планція: «...honorum populi finis est consulatus» (25. 60).

61) По римскому праву, домъ служилъ охраной гражданину. Даже арестованнымъ послѣдній могъ быть только внѣ дома. Интересно мѣсто изъ того-же Цицерона: «Quid est sanctius, quid omni religione munitius quam domus unius cujusque civium? Hic arae sunt, hic foci, hic di penates, hic sacra, religiones, caerimoniae con-

tinentur; hoc perfugium est ita sanctum omnibus, ut unde abripi neminem fas sit» (De domo sua. 41. 109). Не лишне сравнить здѣсь знаменитыя слова лорда Чатама: «Домъ каждаго англичанина называется его крѣпостью. Почему? Потому-ли, что его окружаетъ ровъ?—Нѣтъ. Домъ этотъ можетъ быть крытой соломой хижиной... Въ него можетъ проникать дождь,—но король не смѣетъ этого дѣлать».

62) Тоже самое повторяетъ онъ и въ своей знаменитой второй «Филиппикѣ». Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести это мѣсто въ своемъ посильномъ переводѣ. «Если ты оглянешься на самого себя», говоритъ Цицеронъ Антонію, «я готовъ сказать о своемъ положеніи. Я защищалъ государство въ годы молодости, но не отступлюсь отъ него и старикомъ; я презрѣлъ мечи Катилины, не задрожу и предъ твоими. Я даже съ радостью сложу свою голову, если моя смерть можетъ обезпечить свободу государству,—чтобы страждущій народъ римскій могъ, наконецъ, произвести на свѣтъ уже давно зачатое. Если я около двадцати лѣтъ назадъ сказалъ въ этомъ самомъ храмѣ, что смерть не можетъ быть преждевременной—для консула, на сколько справедливѣе могу я повторить это теперь, старикомъ! Г.г. сенаторы, мнѣ смерть можетъ быть даже желанной, послѣ исполненія всѣхъ моихъ задачъ. У меня есть только два желанія: первое—чтобы, умирая, мнѣ оставить народъ римскій свободнымъ, (и безсмертные боги не могутъ оказать мнѣ большей милости) второе—чтобы каждый подвергся той участи, какую онъ заслуживаетъ своимъ поведеніемъ относительно государства»... (46. 118—119). Разсужденію о смерти посвящены чудныя страницы первой книги «Тускульскихъ бесѣдъ».

63) Родственниковъ своихъ Цицеронъ называетъ здѣсь по случаю тѣхъ совѣщаній, которыя онъ имѣлъ съ ними въ ночь съ 4 на 5 декабря. Когда консулъ произнесъ третью свою рѣчь, онъ отправился ночевать въ домъ своего сосѣда, такъ какъ въ его собственномъ матроны и весталки приносили жертвы Bona Dea. Въ то время, какъ Цицеронъ рѣшилъ въ своемъ умѣ прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ для спасенія государства, ему донесли о случившемся въ его домѣ чудѣ: по окончаніи жертвоприношенія изъ пепла потухшаго огня на жертвенникѣ вспыхнуло яркое пламя, что̀ было принято за благопріятное знаменіе и еще болѣе утвердило Цицерона въ его рѣшеніи (Plut. Cicer. XIX—XX. «Сравнительныя Жизнеописанія», т. VIII. вып. I. стр. 61—62 нашего перевода). Есть основаніе думать, что «чудо»

было устроено Теренціей по уговору съ мужемъ, чтобы воспользоваться легковѣріемъ народа. Сторонникомъ энергичныхъ мѣръ былъ также другъ консула, П. Нигидій Фигулъ.

64) Въ болѣе древнюю эпоху исторіи Рима позволялось выставлять вторично кандидатуру на должность народнаго трибуна, даже въ ближайшій годъ, но, позже, относительно этого были, повидимому, сдѣланы ограниченія. Что̀ не удалось Тиб. Гракху, поплатившемуся головой при своей попыткѣ, привелъ въ исполненіе Г. Гракхъ. Послѣдній былъ народнымъ трибуномъ подъ рядъ два года.

65) Сенатское рѣшеніе теряло силу съ захожденіемъ солнца: «...senatus consultum ante exortum aut post occasum solem factum ratum non fuisse» (Varr. apud Gell. XIV. VII. 8); но, всего вѣроятнѣе, консулъ боялся попытокъ многочисленныхъ кліентовъ арестованныхъ освободить своихъ патроновъ, вслѣдствіе чего и торопился постановленіемъ приговора.

66) См. рѣчь его—у Саллюстія, гл. 51—52. Интересный для характеристики Цезаря анекдотъ передаетъ Плутархъ (Vit. Bruti. V): «Разсказываютъ, въ то время, какъ въ Сенатѣ рѣшались серьезные вопросы осноительно заговора Катилины, который едва не погубилъ Рима, Катонъ и Цезарь стояли вмѣстѣ и спорили относительно своихъ мнѣній. Въ это-то время Цезарю подали съ улицы записку. Онъ сталъ молча читать ее. Катонъ началъ кричать, что Цезарь совершаетъ преступленіе, находясь въ сношеніяхъ съ врагами государства и принимая отъ нихъ письма. Поднялся страшный шумъ. Цезарь спокойно подалъ Катону табличку. То было неприличное по содержанію письмо сестры послѣдняго, Сервиліи. Катонъ бросилъ его Цезарю со словами: «На, возьми, пьяница!» Затѣмъ онъ сталъ продолжать свою рѣчь». («Сравнительныя Жизнеписанія», т. VIII, в. 3. стр. 438 нашего перевода).

67) Цезарь, какъ извѣстно, былъ епикурейцемъ. Ученіе Епикура, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, излагаетъ Лукрецій:

Nil igitur mors est ad nos neque pertinet hilum,
Quandoquidem natura animi mortalis habetur.

Все это мѣсто въ рѣчи консула проникнуто тонкою ироніей.

68) Ср. Tibull. Eleg. II. VI. 25—6:

spes etiam valida solatur compede vinctum:
crura sonant ferro, sed canit intes opus.

69) Въ рѣчи за Сестія: «Qui ea, quae faciebant quaeque dicebant, multitudini jucunda volebant esse, populares». (44, 96).

70) По схоліасту, здѣсь консулъ намекаетъ на Кв. Цэцилія Метелла Непота, злѣйшаго своего врага, въ то время народнаго трибуна, по толкованію другихъ—на Гортенсія или Красса.

71) Вѣроятно, здѣсь имѣется въ виду обычай (или консульское рѣшеніе), по которому за смерть отъ руки раба одного изъ членовъ семейства господина предавались казни всѣ рабы, находившіеся въ время убійства подъ одной кровлей съ убитымъ. «Vetere ex more», какъ говоритъ Тацитъ, «familiam omnem, quae sub eodem tecto mansitaverat, ad supplicium agi oportebat». (Ab excess. XIV. 42). Тотъ-же историкъ разсказываетъ, что, когда, при Неронѣ, Педанія Секунда убили въ его домѣ, Сенатъ приговорилъ къ смерти 400 рабовъ, проведшихъ съ убитымъ ночь подъ одной кровлей. Народъ однако былъ глубоко взволнованъ и вооружился камнями и факелами, съ цѣлью помѣшать исполненію приговора. Только принятыя по случаю этого строгія мѣры и участіе войска позволили исполнить приказаніе Сената. Самъ Августъ старался казаться строгимъ исполнителемъ законовъ; но и онъ сдѣлалъ видъ, что ничего не знаетъ, когда отличавшійся жестокостью Гостій Квадра былъ убитъ своими рабами.

72) Это говоритъ одинъ изъ благороднѣйшихъ людей временъ римской республики.—«Нѣтъ ничего лучше и достойнѣе мести своему врагу», пишетъ великая Корнелія своему сыну, Гаю. Таково основаніе и еврейской религіи: «Люби ближняго своего и ненавидь врага своего». См. также примѣч. 78 къ нашему переводу «Медеи» Еврипида, стр. 78-я, изд. 2-е («Дешевая Библіотека» Суворина).

73) Л. Юлій Цезарь Страбонъ, консулъ 64 г. дальній родственникъ диктатора. Сестра его, Юлія была въ первомъ бракѣ за Антоніемъ Критскимъ, по смерти котораго вышла замужъ за Лентула. Дѣдомъ Л. Цезаря по матери его, Фульвіи былъ консулъ 125 г., М. Фульвій Флаккъ, извѣстный приверженецъ Г. Гракха, убитый вмѣстѣ съ нимъ.

74) Говоря о «щедрости», ораторъ имѣетъ въ виду аграрные и др. законы Г. Гракха. Вездѣ онъ съ намѣреніемъ умаляетъ значеніе замысловъ Гракховъ, тогда какъ въ другомъ своемъ сочиненіи выражается прямо, что они rempublicam dissupaverunt» (De oratore. I. 9).

75) «Размолвка», о которой говоритъ Цицеронъ, началась между сенаторскимъ и всадническимъ сословіями съ 122 г., когда

Г. Гракхъ по lex judiciaria отнялъ у сенаторовъ исключительное право судить важныя преступленія и допустилъ въ число судей и всадниковъ, владѣвшихъ состояніемъ до 400.000 сестерцій, при томъ въ числѣ 600 человѣкъ, вдвое большемъ, нежели сенаторовъ. Этимъ Гракхъ поселилъ раздоръ между родовою и денежною аристократіей и умалилъ значеніе Сената. Консулъ Кв. Сервилій Цэпіонъ рѣшилъ возвратить сенаторамъ ихъ древнее право и закономъ 106 г. уравнялъ число судей изъ обоихъ сословій; но въ томъ-же году законъ этотъ былъ отмѣненъ въ пользу всадниковъ. Въ 91 году народный трибунъ, М. Ливій Друзъ Младшій снова исключилъ всадниковъ изъ числа судей, однако въ томъ-же году отмѣненъ былъ и этотъ законъ. Не долго существовалъ и lex Plautia 89 г., народнаго трибуна, М. Плавція Сильвана, предоставлявшій право избирать судей и народу, по 15 ч. изъ каждой трибы. Черезъ нѣсколько времени судебная власть сосредоточилась опять въ рукахъ всадническаго сословія: въ какомъ году произошло это,—неизвѣстно. Наконецъ, въ 81 г. lex Cornelia, Суллы, назначилъ судьями исключительно сенаторовъ. Лихоимство этихъ судей вызвало въ 70 г. lex Aurelia, претора Л. Аврелія Котты, который опредѣлилъ, чтобы судьи принадлежали къ тремъ декуріямъ—сенаторской, всаднической и эрарныхъ трибуновъ, въ числѣ 70 членовъ,—22 сенаторовъ, 23 всадниковъ и 25 трибуновъ. Тогда согласіе между сословіями было возстановлено.

76) Tribuni aerarii. Такъ назывались начальники трибъ, собиравшіе подати и выплачивавшіе изъ нихъ жалованье солдатамъ. Впослѣдствіи, какъ и во времена Цицерона, выдача жалованья была возложена на квесторовъ. Тогда, вѣроятно, эрарные трибуны были прикомандированы къ нимъ и сопровождали войска въ качествѣ интендантовъ. Выбирались они большею частію изъ самыхъ зажиточныхъ плебеевъ. Послѣ Цезаря должность ихъ была уничтожена. Объ участіи ихъ въ судопроизводствѣ см. предыдущее примѣчаніе.

77) Здѣсь разумѣются писаря государственные (scribae publici), въ отличіе отъ частныхъ (s. privati). Ихъ или назначало состоять, въ видѣ s. aedilitii, quaestorii, tribunicii, само правительство, или давали имъ мѣсто при себѣ магистраты, вслѣдствіе чего были s. dictatorii, consulares, praetorii, censorii. Государственные писаря раздѣлялись на декуріи, за права доступа въ которыя они вносили опредѣленную сумму. Избирались они почти всегда изъ отпущенниковъ или изъ свободныхъ

гражданъ, какъ и писаря курульныхъ эдиловъ и квесторовъ. Ихъ сословіе пользовалось, однако, уваженіемъ, и нерѣдко они, по окончаніи срока службы, получали высшія должности. По крайней мѣрѣ, Ливій (IX, 46) разсказываетъ о Гн. Флавіи, изъ писарей возведенномъ въ должность курульнаго эдила. Содержаніе они получали незначительное, но пользовались, особенно въ провинціяхъ, большими доходами. Писаря высшихъ сановниковъ составляли протоколы засѣданій Сената, во время судопроизводства въ немъ—читали свидѣтельскія показанія и другія бумаги. Наибольшимъ уваженіемъ пользовались секретари казначейства (s. quaestorii), кругъ дѣятельности которыхъ былъ очень обширенъ, такъ какъ въ рукахъ ихъ находился государственный контроль и завѣдываніе государственнымъ архивомъ. Ежегодно, 5-го декабря, они сходились въ храмъ Сатурна, находившійся невдалекѣ отъ храма Согласія, гдѣ хранилась правительственная казна, и вынимали жребій, кому изъ нихъ какому сановнику служить.

78) Саллюстій (De conj. Catil. 50) говоритъ объ отпущенникахъ и кліентахъ Лентула, побуждавшихъ чернь освободить арестованныхъ наканунѣ произнесенія Цицерономъ четвертой рѣчи, т. е. 4-го декабря. Аппіанъ-же разсказываетъ, что во время самаго засѣданія Сената рабы и отпущенники Лентула и Цетега окружили дома, гдѣ содержались анархисты, и пытались освободить ихъ силою; но увѣдомленный объ этомъ консулъ прервалъ засѣданіе Сената, разогналъ толпу войсками и возвратился въ Сенатъ, чтобы постановить приговоръ относительно арестованныхъ. ('Εμφόλ. II. 5).

79) По случаю общественныхъ бѣдствій, напр. послѣ большихъ пораженій или во время публичныхъ безпорядковъ, всѣ общественныя или частныя заведенія, лавки, трактиры и т. п. запирались.

80) Намекъ на комплиментъ Помпея, который онъ сказалъ, въ свою очередь, Цицерону послѣ своего возвращенія изъ похода противъ Митридата. «Mihi quidem certe vir abundans bellicis laudibus», говоритъ ораторъ, «Gn. Pompejus, multis audientibus hoc tribuit, ut diceret frustra se triumphum tertium deportaturum fuisse, nisi meo in rem publicam beneficio, ubi triumpharet, esset habiturus». (De offic. I. 22, 78).

81) Ожиданія Цицерона не оправдались,—чрезъ два года несогласія между сенаторскимъ и всадническимъ сословіями возобновились, къ неудовольствію консула. (Ad. Attic. I. XVII—XVIII).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

От переводчика . . . . I—II

Введеніе. . . . . III—XLVI

РѢЧИ ЦИЦЕРОНА ПРОТИВЪ КАТИЛИНЫ.

Рѣчь первая 1

Рѣчь вторая 17

Рѣчь третья. 32

Рѣчь четвертая 46

Примѣчанія. 61

Вторая серія.

Выпускъ XI. **Л. Аннэй Сенека.** Сатира на смерть императора Клавдія. (Apocolocyntosis). Спб. 1891 г. Цѣна 30 к.

» XII. **Лукіанъ.** Сочиненія. Спб. 1889—91 г. Содержаніе *перваго* выпуска: Сонъ.—Отвѣтъ назвавшему меня «литературнымъ Прометеемъ».—Прометей, или Кавказъ.—Похвальное слово мухѣ.—Похвальное слово родному городу. Цѣна 50 к. Выпускъ *второй*: Судьбище буквъ.—О превращеніяхъ. — Тираннъ, или переѣздъ.—О моей ошибкѣ въ формѣ привѣтствія.—Геродотъ. Цѣна 60 к. Выпускъ *третій*: Антіохъ. — Гармонидъ. — Скиѳъ.—О печали по умершимъ.—Гиппій.—Гераклъ.—Разговоръ съ Гезіодомъ.—Желанія, или корабль. Цѣна 75 коп.

Складъ «Библіотеки» въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени».

Отзывы: 1) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1885 г. Августъ. Рецензія проф. **И. Помяловскаго.** 2) Русская Мысль, 1886 г. Февраль. 3) Новое Время, отъ 8 апрѣля 1887 г. 4) Правда, отъ 21 февраля 1888. 5) Новое Время, отъ 24 февраля 1888 г. 6) Сынъ Отечества, отъ 18 марта 1888 г. 7) Филологическія Записки, 1888 г. Выпускъ I. 8) Новое Время, отъ 9 апрѣля 1888 г. 9) Библіографъ, 1888 г. № 5—6. 10) Русская Мысль, 1888 г. Іюль. 11) Филологическія Записки, 1888 г. Выпускъ III—IV. 12) Правда, отъ 30 октября 1888 г. 13) Пантеонъ Литературы, 1888 г. Декабрь. 14) Библіографъ, 1888 г. № 11. 15) Русская Мысль, 1889 г. Январь. 16) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1889 г. Февраль. 17) Филологическія Записки, 1889 г. Выпускъ III. 18) Историческій Вѣстникъ, 1889 г. Май. Рецензія проф. **А. И. Кирпичникова.** 19) Пантеонъ Литературы, 1889 г. Май. 20) Библіографъ, 1889 г. № 4—5. 21) Русская Мысль. 1889 г. Іюнь. 22) Русская Мысль, 1889 г. Августъ. 23) Правда, отъ 21 сентября 1889 г. 24) Филологическія Записки, 1890 г. Выпускъ I. 25) Библіографъ, 1890 г. № 3—4. 26) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1890 г. Май. 27) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1890 г. Сентябрь. 28) Русская Мысль. 1890 г. Октябрь. 29) Русская Мысль, 1892 г. Апрѣль. 30) Филологическое Обозрѣніе, 1892 г. Томъ III, кн. I. 31) Новое Время отъ 1 марта 1894 г.

Его-же: Медея Еврипида, въ переводѣ г. Шнейдера. Рецензія. Спб. 1890 г. Цѣна 15 к. *Распродано.*

— Гипполитъ Еврипида, въ переводѣ г. Шнейдера. Рецензія. Воронежъ. 1892 г. Цѣна 10 к.

— Рецензія книгъ проф. **Д. И. Нагуевскаго**: «Основы библіографіи по исторіи римской литературы» и «Библіографія по исторіи римской литературы въ Россіи». Воронежъ. 1890 г. Цѣна 20 к.

— Прикованный Прометей Эсхила, въ переводѣ г. Дурдуфи. Рецензія. Воронежъ. 1893 г. Цѣна 10 к.

— Хрестоматія по исторіи древней Греціи, въ отрывкахъ изъ древне-классическихъ писателей. Для старшихъ классовъ гимназій. Вып. I. Спб. 1892 г. Цѣна 60 к. Складъ въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени».

Готовятся къ печати: четвертый выпускъ первой серіи: **Эзопъ**. Басни—единственное полное собраніе (529 басенъ)—и четвертый выпускъ сочиненій **Лукіана**: Нигринъ, Тимонъ, Разговоры боговъ и др. Седьмымъ выпускомъ кончится первый томъ сочиненій **Лукіана**, заключающій въ себѣ 35 произведеній. Содержаніе пятаго выпуска: Разговоры мертвыхъ, Макробіоты, Дипсады. О смерти Перегрина и Похвальное слово Демосѳену.

Первая серія будетъ состоять изъ девяти выпусковъ. Во вторую серію войдутъ слѣдующіе авторы: **Партеній**, **Лукіанъ** (Полное собраніе сочиненій), **Сенека** (Сатира на смерть императора Клавдія и избранныя сочиненія), **Флоръ**, **Императоръ Антонинъ**, **Юліанъ** (Письмо къ аѳинскому Сенату, «Цезари» и «Misopogon»), **Эсхинъ** (Рѣчи и письма), **Діогенъ Лаертскій**, **Павсаній**, **I. Флавій** и **Боэтій** (Утѣшеніе Философіи).

Выпуски VI, VII и IX продаются въ книжныхъ магазинахъ А. С. Суворина («Новаго Времени»).

Готовится къ печати *второй* выпускъ «Хрестоматіи».

Св. Равноапостольный князь Владиміръ и Крещеніе Россіи. Для народа. Спб. 1891 г. Цѣна 10 к.

Складъ у Глазунова и Суворина.

Переводы въ „Дешевой Библіотекѣ" Суворина.

Эзопъ. Избранныя басни. Спб. 1889 г. Цѣна 15 к.

Еврипидъ. Трагедіи. Спб. 1890 — 93 г. 1) Медея. Изданіе 2-ое исправленное и дополненное. Цѣна 10 к. 2) Гипполитъ. Цѣна 10 к. 3) Ифигенія въ Авлидѣ. Цѣна 10 к. 4) Ифигенія въ Тавридѣ. Цѣна 10 к. 5) Алкестида. Цѣна 10 к. 6) Іонъ. Цѣна 10 к. 7) Вакханки. Цѣна 10 к. 8) Неистовый Гераклъ. Цѣна 10 к.

Эсхилъ. Прикованный Прометей. Спб. 1890 г. Цѣна 10 к.

Плутархъ. Сравнительныя Жизнеописанія. Спб. 1891—95. 9 томовъ, въ 25 выпускахъ. Цѣна 3 р. 80 к.. Цѣна выпуска отдѣльно 15 к., кромѣ 16—17, стоющихъ по 20 к. и вып. 25-го, стоющаго 10 к.

Епиктетъ. Афоризмы. Спб. 1891 г. Цѣна 7 к.

Аристофанъ. Облака. Комедія. Спб. 1894 г. Цѣна 20 к.

Гау. Минерва. Введеніе при изученіи писателей греческихъ и латинскихъ. Переводъ В. Алексѣева. Изданіе А. С. Суворина. Съ примѣчаніями переводчика и рисунками. Спб. 1893 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Древне-греческіе поэты въ біографіяхъ и обрзцахъ. Томъ въ 1006 стр., съ рисунками. Составилъ В. Алексѣевъ. Спб. 1895 г. Цѣна 3 р. на веленевой бумагѣ 5 р.

Цицеронъ. Рѣчь за Лигарія. Текстъ съ объясненіями В. Алексѣева. Спб. 1893 г. Цѣна 30 к. **Рекомендованъ** Мин. Нар. Просвѣщенія.

Вергилій. Энеида. Кн. VII. Спб. 1893 г. Цѣна 30 к.

Печатаются, его-же.

Древне-римскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Съ рисунками.

Аристофанъ. Ахарнцы. (Дешевая Библіотека).

Плавтъ. Хвастливый Солдатъ. (Дешевая Библіотека).

Теренцій. Андрянка. (Дешевая Библіотека).

Вергилій. Энеида, книга 3-я и 4-я.

Геродотъ. Исторія. Книга 2-я.

Цицеронъ. Полное собраніе рѣчей. Томъ I. Съ введеніемъ и примѣчаніями проф. Ѳ. Зѣлинскаго.

Шиллеръ. Разбойники. Трагедія. Съ введеніемъ и примѣчаніями. (Дешевая Библіотека).

Избранныя пьесы греческой антологіи.

Общеупотребительныя латинскія цитаты.

Софоклъ. Эдипъ-царь. (Дешевая Библіотека).

» Эдипъ въ Колонѣ. (Дешевая Библіотека).

» Антигона. (Дешевая Библіотека).

Эсхилъ. Агамемнонъ. (Дешевая Библіотека).

» Хоэфоры. (Дешевая Библіотека).

» Евмениды (Дешевая Библіотека).